

Ф. ЭНГЕЛЬС

КРЕСТЬЯНСКАЯ
ВОЙНА
В ГЕРМАНИИ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ф. ЭНГЕЛЬС

КРЕСТЬЯНСКАЯ
ВОЙНА
В
ГЕРМАНИИ

*

МОСКВА • 1952

Подписано в печать 9/VI 1952 г. Тираж 100 тыс. экз. М-34111. Бумага 60×92¹/₁₆.
Объем 6¹/₈ бумажных, 12¹/₄ печатных лист. 12,9 уч.-изд. лист. + 3 карты.
Заяв № 1356. Цена книги в переплете 5 р. 15 к.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфиздата при
Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.

Произведение Фридриха Энгельса «Крестьянская война в Германии» было написано летом 1850 г. после поражения революции 1848—1849 годов. Как и другие выдающиеся произведения основоположников марксизма этого периода, оно содержит важнейшие идеи, выдвинутые Марксом и Энгельсом в результате глубокого обобщения исторического опыта революции 1848—1849 годов.

Работа Энгельса посвящена истории мощного восстания крестьян и городских низов (плебеев) Германии в 1525 году. Маркс в 1844 г. называл это восстание «самым радикальным фактом немецкой истории» (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. I, 1938, стр. 393). Оно явилось кульминационным пунктом ранней буржуазной революции в Германии — реформации начала XVI века. Реформация была направлена против феодально-реакционных сил, средневековой католической церкви и т. д., тормозивших созревание капиталистических отношений в Германии и препятствовавших созданию немецкого централизованного государства. Поражение крестьян и городских низов в 1525 г. привело к неудаче ранней буржуазной революции в Германии. Трусливое немецкое бюргерство перешло на сторону феодалов, предательски выступив против восставших крестьян. Лютеранская реформация была приспособлена

к интересам крупных светских феодалов — князей. Германия на столетия осталась экономически и политически раздробленной. Политическая борьба в Германии, как указывал Энгельс, «выродилась в грызню между отдельными князьями и имперской центральной властью и имела своим последствием то, что Германия на 200 лет была вычеркнута из списка политически активных наций Европы» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения*, т. II, Москва 1948, стр. 94).

Обращение Энгельса к историческому прошлому Германии было вызвано желанием показать революционно-освободительные традиции немецкого народа. Основоположники марксизма видели в этом одно из средств разоблачения политики враждебных этим традициям реакционных классов и воспитания немецкого народа в духе борьбы за прогрессивное развитие Германии, за ее объединение революционным, демократическим путем. «Было время, — писал Энгельс в своей работе, — когда Германия выдвигала личности, которые можно поставить рядом с лучшими революционными деятелями других стран, когда немецкий народ проявлял такую выдержку и развивал такую энергию, которые у централизованной нации привели бы к самым блестящим результатам, когда у немецких крестьян и плебеев зарождались идеи и планы, которые достаточно часто приводят в содрогание и ужас их потомков» (см. настоящее издание, стр. 19).

Анализируя события XVI в., Энгельс сделал ряд важнейших выводов и об уроках революции 1848—1849 годов. Он показал в частности предательский образ действий немецкой буржуазии в 1848—1849 гг., напоминавший поведение ее исторического предшественника — немецкого бюргерства XVI века. Он вскрыл колебания и провинциальную ограниченность, характерные как для крестьянской массы во время крестьянской войны, так и для немецкой мелкой буржуазии в XIX веке. «Фр. Энгельс, — указывал В. И. Ленин, — особенно подчеркивал урок опыта, объединяющий до известной степени крестьянское восстание XVI века и революцию 1848 года в Германии, именно: разрозненность выступлений, отсутствие централизации у угнетенных масс, связанное с их мелкобуржуазным жизненным положением» (*В. И. Ленин. Сочинения*, 4 изд., т. 25, стр. 181). Вместе с тем Энгельс четко обозначил тот предел, за которым кончается параллель между событиями 1525 и 1848 годов. Он показал, что революция 1848—1849 гг. происходила

в совершенно иной исторической обстановке, в условиях победившего в ряде стран капиталистического способа производства, когда пролетариат уже выступил на историческую арену.

Применив к исследованию важнейшего периода немецкой истории метод материалистической диалектики и исторического материализма, Энгельс первый в исторической литературе раскрыл социально-экономические причины и классовую сущность происходившей в Германии в начале XVI в. политической и религиозной борьбы, в которой немецкие буржуазные историки-идеалисты усматривали «одни только яростные богословские перебранки» (см. настоящее издание, стр. 33). Работа Энгельса дает классический образец для изучения крестьянского движения против феодализма не только в Германии, но и в других странах. Она показывает ту огромную роль, которую играла в истории общества борьба народных масс против угнетателей.

Подчеркивая роль крестьянства как революционной силы, подрывающей устой феодального общества, Энгельс вскрыл также и слабые стороны крестьянского движения. Неорганизованность, стихийный характер, распыленность крестьянского движения, низкий уровень сознания крестьян — все это было отмечено Энгельсом в качестве причин поражения крестьянского восстания.

«Крестьянская война в Германии» подтверждает важнейший вывод марксизма о том, что из всех угнетенных классов, когда-либо действовавших в истории, лишь пролетариат — могильщик капитализма и создатель нового социалистического общества — является до конца революционным классом, призванным осуществить великую историческую миссию вождя и освободителя всех эксплуатируемых и угнетенных. Наряду с этим, показывая в этом произведении на примере истории крестьянских восстаний и войн, что крестьянство в течение столетий боролось против своих угнетателей, Энгельс подчеркивает тем самым огромное значение для рабочего класса использования революционных возможностей крестьянских масс в борьбе против эксплуататорского капиталистического строя. Содержание «Крестьянской войны в Германии» тесно связано с набросками идеи о гегемонии пролетариата, выдвинутыми основоположниками марксизма. Развивая именно эти мысли о крестьянстве как союзнике рабочего класса, Маркс в письме Энгельсу от 16 апреля

1856 г. высказал гениальное положение о необходимости поддержать пролетарскую революцию «каким-либо вторым изданием крестьянской войны».

* * *

В приложениях к настоящему изданию публикуется ряд работ и писем, дополняющих содержание книги Энгельса «Крестьянская война в Германии».

Письма Маркса и Энгельса Лассалю (от 19 апреля и 18 мая 1859 г.) направлены против реакционных тенденций драмы Лассалья «Франц фон Зиккинген». Решительно выступив против попытки Лассалья возвеличить в лице вождя дворянского восстания 1522—1523 гг. Зиккингена немецкое рыцарство XVI века, основоположники марксизма уже тогда вскрыли одну из вреднейших черт лассальянства — отрицание революционного характера крестьянского движения, стремление зачислить крестьянство в разряд реакционных классов.

В последующие годы Энгельс неоднократно выступал в печати с обоснованием политики пролетарской партии по отношению к крестьянству, посвятив этому такие свои произведения, как «Марка» (1882 г.), «К истории прусского крестьянства» (1885 г.), «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» (1894 г.) и др. Две первые работы включены в приложения к настоящему изданию.

В приложениях публикуется также ряд незаконченных рукописей Энгельса, посвященных немецкой истории. В 1873—1874 гг. Энгельс намеревался написать специальный очерк истории Германии (см. письмо Энгельса В. Либкнехту от 27 января 1874 г. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. XXVI, стр. 361). Приводимый фрагмент из подготовительных материалов к этому очерку — «Заметок о Германии», как они озаглавлены самим Энгельсом, — представляет собой часть подробного плана задуманной работы. В нем в конспективном виде намечены основные вехи истории Германии с 1500 по 1815 год.

Вернувшись к своему замыслу в 80-х годах, — а впоследствии также и в 90-х годах, — Энгельс решил изложить результаты своих исторических исследований в новом, переработанном издании «Крестьянской войны в Германии». «Крестьян-

ская война, — писал он 31 декабря 1884 г. Ф.-А. Зорге, — будет представлена как краеугольный камень всей немецкой истории» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 444*). Из переписки Энгельса за 1884 и 1885 гг. видно, что Энгельс хотел более подробно осветить историю Германии до начала XVI в. на основе анализа процесса разложения феодализма, развития капиталистических элементов и образования европейских национальных государств. Публикуемые рукописи «К «Крестьянской войне»» и «О разложении феодализма и возникновении национальных государств», по всей вероятности, представляют собой: первая — набросок плана, а вторая — готовую часть того вводного раздела, которым Энгельс рассчитывал дополнить «Крестьянскую войну в Германии». Энгельс намеревался также расширить заключение к своей работе, осветив в нем ход немецкой истории и после 1525 года. Однако напряженная деятельность, связанная с руководством международным рабочим движением, а также подготовка к печати трудов Маркса помешали Энгельсу осуществить его творческие планы.

* * *

Гениальные продолжатели дела Маркса и Энгельса, основатели и вожди большевистской партии В. И. Ленин и И. В. Сталин, обобщив богатейший опыт истории революционного движения в эпоху империализма и пролетарской революции, развили дальше учение основоположников марксизма, подняли его на новую ступень. Уделяя большое внимание борьбе трудящихся против эксплуататоров в прошлом, в частности крестьянскому движению против феодализма, В. И. Ленин и И. В. Сталин дали исчерпывающую характеристику и оценку этого движения.

В истории революционного крестьянского движения В. И. Ленин и И. В. Сталин особое место отводили героическим восстаниям русского крестьянства. «Мы, большевики, — указывал И. В. Сталин, — всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачёв и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетённых классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнёта» (*И. В. Сталин. Сочинения, т. 13, стр. 112*).

Подчеркивая значение революционного крестьянского движения, В. И. Ленин и И. В. Сталин вместе с тем показали, что само крестьянство в силу своей неорганизованности и политической отсталости не в состоянии добиться освобождения. И. В. Сталин указывал, что крестьянские восстания «могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели» (И. В. Сталин. Сочинения, т. 13, стр. 112—113).

В своих гениальных трудах В. И. Ленин и И. В. Сталин развили дальше идею Маркса и Энгельса о союзе рабочего класса с крестьянством, обосновав важнейшее положение марксизма — ленинизма о крестьянстве как боевом резерве пролетариата, о крестьянском вопросе как составной части вопроса о пролетарской революции. В. И. Ленин и И. В. Сталин отстаивали эти положения в непримиримой борьбе против оппортунистов II Интернационала, меньшевиков, троцкистов и прочих предателей, проявлявших барски-равнодушное, отрицательное отношение к крестьянству.

В. И. Ленин и И. В. Сталин разработали учение о гегемонии рабочего класса во всякой народной революции, как в революции против царизма, так и в революции против капитализма. В. И. Ленин возродил преданные забвению оппортунистами II Интернационала идеи Маркса о непрерывной революции и о необходимости сочетания крестьянского революционного движения с пролетарской революцией. Еще в 1905 г. В. И. Ленин выдвинул гениальную теорию перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Он показал, что в ходе этого перерастания должна произойти перегруппировка сил вокруг пролетариата, гегемония пролетариата в буржуазной революции при союзе его со всем крестьянством должна перерасти в гегемонию пролетариата в социалистической революции при союзе его с остальными трудящимися и эксплуатируемыми массами. Восстанавливая забытые положения Маркса, «Ленин не ограничился, — и не мог ограничиться, — их простым повторением, а развил их дальше и переработал в стройную теорию социалистической революции, вводя в дело новый момент, как *обязательный* момент социалистической революции, — союз пролетариата и полупролетарских элементов города и деревни, как *условие* победы

пролетарской революции» (История ВКП(б). Краткий курс, стр. 72).

Всемирно-историческая заслуга В. И. Ленина и И. В. Сталина состояла также в том, что они, творчески развивая марксизм, доказали, что диктатура пролетариата есть особая форма классового союза пролетариата с эксплуатируемыми массами, с трудящимся крестьянством, форма государственного руководства этими массами со стороны пролетариата, форма вовлечения их в социалистическое строительство.

Опираясь на кооперативный план В. И. Ленина, гениальный творец колхозного строя И. В. Сталин разработал теорию коллективизации сельского хозяйства, претворенную в жизнь большевистской партией и Советским государством при поддержке широких масс крестьянства. Под руководством И. В. Сталина в СССР было ликвидировано кулачество на базе сплошной коллективизации, было создано самое механизированное в мире, самое крупное и производительное социалистическое сельское хозяйство, что явилось одним из условий дальнейшего продвижения Советского Союза к коммунизму. Таким образом далеко превзойдены смелые предположения о социалистическом преобразовании деревни, высказанные еще Энгельсом, который в своей работе «Марка» и других работах указывал на необходимость вести земледелие «в общественной форме и на пользу всего общества».

Весь исторический опыт рабочего класса и боровшегося вместе с ним и под его водительством крестьянства России, весь опыт Великой Октябрьской социалистической революции и Советского государства подтвердил глубокую правоту и жизненность ленинско-сталинского положения о необходимости всемерного укрепления союза рабочих и крестьян, о руководстве рабочего класса крестьянскими массами. Разрешение крестьянского вопроса в СССР, которое служит образцом для всех стран, идущих к социализму, свидетельствует о всепобеждающей силе великого учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

* * *

При подготовке настоящего издания русский перевод «Крестьянской войны в Германии» и других публикуемых произведений был сверен с оригиналом и уточнен. Исправлены также

опечатки в датах, географических названиях и собственных именах, вкравшиеся в немецкое издание «Крестьянской войны в Германии» 1875 г. (третье издание), которое было взято за основу при переводе работы на русский язык. Текст снабжен подстрочными примечаниями справочного характера и указателем имен.

*Институт Маркса — Энгельса — Ленина
при ЦК ВКП(б)*

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

**КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА
В ГЕРМАНИИ**

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Настоящая работа была написана в Лондоне летом 1850 г., еще под непосредственным впечатлением только что завершившейся контрреволюции, и была напечатана в 5 и 6-м выпусках журнала «Новая Рейнская Газета. Политико-экономическое Обзорение» под редакцией Карла Маркса, Гамбург, 1850 год. — Мои политические друзья в Германии просят переиздать ее, и я иду навстречу их желанию, так как, к моему прискорбию, она еще и теперь не утратила своего значения.

Она не претендует на то, чтобы дать самостоятельно исследованный материал. Напротив, весь материал, относящийся к крестьянским восстаниям и Томасу Мюнцеру, заимствован у Циммермана². Его книга, хотя и страдает некоторыми пробелами, все еще является лучшей сводкой фактических данных. При этом старик Циммерман отнесся с большой любовью к своему предмету. Тот самый революционный инстинкт, который заставил его повсюду в этой книге выступать сторонником

¹ Первый раздел настоящего предисловия был написан Ф. Энгельсом в феврале 1870 г. ко второму немецкому изданию «Крестьянской войны в Германии», вышедшему в Лейпциге в 1870 году. В связи с подготовкой третьего издания Энгельс написал 1 июля 1874 г. дополнительный, второй раздел. Третье издание вышло в Лейпциге в 1875 году. *Ред.*

² *W. Zimmermann. Allgemeine Geschichte des grossen Bauernkrieges, T. 1—3, Stuttgart 1841—1843 (В. Циммерман. Всеобщая история Великой крестьянской войны, ч. 1—3, Штутгарт 1841—1843).* Русский перевод сделан со второго переработанного немецкого издания 1856 г. (см. *В. Циммерман. История крестьянской войны в Германии, т. I—II, Москва 1937).* *Ред.*

угнетенных классов, сделал из него позже одного из лучших представителей крайней левой во Франкфурте¹. Правда, с тех пор он как будто несколько отстал от века².

Если же в изложении, которое дает нам Циммерман, не хватает внутренней связи; если ему не удастся представить религиозно-политические спорные вопросы этой эпохи как отражение классовой борьбы того времени; если в этой классовой борьбе он видит лишь угнетателей и угнетенных, злых и добрых и конечную победу злых; если его понимание общественных отношений, обусловивших как начало, так и исход борьбы, страдает весьма значительными недочетами, то все это является недостатком того времени, в которое возникла книга. Напротив, представляя собой похвальное исключение из немецких идеалистических исторических произведений, она для своего времени написана весьма реалистически.

В своем изложении я пытался, рисуя лишь в общих чертах исторический ход борьбы, объяснить происхождение крестьянской войны, позиции, занятые различными выступавшими в ней партиями, политические и религиозные теории, при помощи которых эти партии пытались уяснить себе свое собственное положение, наконец, самый исход войны — как необходимое следствие существовавших тогда исторических условий общественной жизни этих классов; другими словами, я пытался показать, что политический строй Германии того времени, восстания против него, политические и религиозные теории эпохи были не причиной, а результатом той ступени развития, на которой находились тогда в Германии земледелие, промышленность, сухопутные и водные пути, торговля и денежное обращение. Это — единственное материалистическое — понимание истории было открыто не мной, а Марксом, и положено также в основу его работ о французской революции 1848—1849 гг., напечатанных в том же «Обзрении», и его «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта»³.

Параллель между германской революцией 1525 г. и революцией 1848—1849 гг. слишком бросалась в глаза, чтобы я мог тогда совершенно отказаться от нее. Однако наряду со сходством в общем ходе событий, выразившемся в том, что и тут и там одни и те же княжеские войска подавили одно за другим различные местные восстания, наряду с доходящим даже до

¹ — т. е. левой фракции франкфуртского Национального собрания, заседавшего в период революции в Германии в 1848—1849 годах. *Ред.*

² Последняя фраза была добавлена Энгельсом в издании 1875 года. *Ред.*

³ См. работы К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения*, т. I, Москва 1948). *Ред.*

смешного сходством в поведении городского бюргерства в обоих случаях, ясно и отчетливо выступали также и различия:

«Кто извлек выгоду из революции 1525 г.? — *Князья*. Кто извлек выгоду из революции 1848 г.? — *Крупные* государи, Австрия и Пруссия. За спиной мелких князей 1525 г. стояло мелкое бюргерство, привязывавшее их к себе налогами, а за крупными государами 1850 г., за Австрией и Пруссией, стоит современная крупная буржуазия, быстро подчиняющая их себе посредством государственного долга. А за спиной крупной буржуазии стоит пролетариат»¹.

К сожалению, я должен сказать, что этим положением я оказал слишком много чести немецкой буржуазии. Она действительно, как в Австрии, так и в Пруссии, имела возможность «быстро подчинить себе посредством государственного долга» монархию, но нигде и никогда не использовала этой возможности.

В результате войны 1866 г. буржуазия получила в подарок Австрию². Но она не умеет господствовать, она бессильна и ни на что не способна. Она умеет лишь одно: неистовствовать против рабочих, как только они приходят в движение. Она остается еще у кормила власти только потому, что это нужно *венграм*.

А в Пруссии? Правда, государственный долг возрос с головокружительной быстротой, дефицит превратился в постоянное явление, год от года растут государственные расходы, буржуазии принадлежит в палате большинство, без ее согласия не могут быть ни повышены налоги, ни заключены займы, — но где же ее господство над государством? Еще несколько месяцев назад, когда государство опять стояло перед дефицитом, ее позиция была самой выгодной. При *некоторой* хотя бы выдержке она могла бы добиться значительных уступок. Что же она делает? Она видит достаточную уступку в том, что правительство *разрешает ей* положить к его ногам около 9 миллионов, и не на *один* лишь год, а в виде *ежегодного* взноса также и на все будущее время.

Бедных национал-либералов³, заседающих в палате, я вовсе не хочу порицать в большей степени, чем они того заслужи-

¹ См. последнюю главу «Крестьянской войны в Германии», стр. 109 настоящего издания. *Ред.*

² Энгельс имеет в виду австро-прусскую войну 1866 г., закончившуюся военным разгромом Австрии в битве при Садовой 3 июля 1866 года. Под влиянием поражения реакционные правящие круги Австрии вынуждены были пойти на ряд буржуазных реформ (новая конституция 1867 г. и пр.). *Ред.*

³ *Национал-либералы* — партия немецкой, в первую очередь прусской, буржуазии, образовавшаяся в конце 1866 г. в результате раскола буржуазной партии прогрессистов, которая выступала с оппозицией юнкерскому правительству Бисмарка. Политика национал-либералов отражала капитуляцию немецкой либеральной буржуазии перед Бисмарком, после того как он осуществил ее программу объединения Германии сверху. *Ред.*

вают. Я хорошо знаю, что они были покинуты теми, кто стрит за ними, — массой буржуазии. Эта масса не *хочет* властвовать. Она все еще помнит уроки 1848 года.

О том, почему германская буржуазия проявляет такую поразительную трусость, мы скажем ниже.

В других отношениях приведенное выше положение вполне подтвердилось. Мы видим, что начиная с 1850 г. мелкие государства все определеннее отступают на задний план, служа лишь рычагами для прусских и австрийских интриг; между Австрией и Пруссией разгорается все более ожесточенная борьба за гегемонию, и, наконец, в 1866 г. наступает насильственное разрешение, в результате которого Австрия сохраняет за собой свои собственные провинции, Пруссия подчиняет себе прямо или косвенно весь север, а три юго-западных государства оказываются пока выставленными за дверь¹.

Для германского рабочего класса во всем этом лицедействе имеет значение лишь следующее:

Во-первых, что рабочие получили благодаря всеобщему избирательному праву возможность непосредственно посылать своих представителей в законодательное собрание.

Во-вторых, что Пруссия подала хороший пример, проглотив три короны божьей милостью². Что *после* этой операции за ней все еще сохраняется та же незапятнанная, божьей милостью, корона, которой она будто бы владела раньше, — этому не верят теперь даже национал-либералы.

В-третьих, что в Германии существует только *один* серьезный противник революции — прусское правительство.

И, в-четвертых, что австрийские немцы должны, наконец, поставить перед собой и решить раз навсегда вопрос о том, кем они хотят быть — немцами или австрийцами? Что им дороже — Германия или их внешнемецкие привески по ту сторону Лейты? Давно уже было ясно, что они должны отказаться либо от того, либо от другого, по это всегда затушевывалось мелкобуржуазной демократией.

Что касается прочих важных спорных вопросов, связанных с 1866 г., которые с тех пор были предметом набивших оскомину обсуждений национал-либералов, с одной стороны, и

¹ В результате победы в австро-прусской войне помещичье-юнкерская Пруссия получила перевес в Германии и смогла приступить к ее объединению антиреволюционным путем под своей гегемонией. Вместо упраздненного эфемерного Германского союза был создан Северогерманский союз в составе 22 государств с Пруссией во главе. Помимо Австрии вне Союза оставались три южногерманских государства (Бавария, Баден, Вюртемберг), а также Гессен-Дармштадт (Западная Германия). *Ред.*

² Имеются в виду королевство Ганновер, курфюршество Гессен-Кассель и великое герцогство Нассау, присоединенные Пруссией в 1867 г. к своей территории. *Ред.*

Народной партии¹ — с другой, то история последующих лет достаточно доказала, что обе эти точки зрения только потому так яростно враждуют между собой, что они представляют два противоположных полюса одной и той же ограниченности.

В общественных отношениях Германии 1866 год почти ничего не изменил. Несколько буржуазных реформ — единая система мер и весов, свобода передвижения, свобода промыслов и т. д., притом все в границах, отведенных бюрократией, — все еще не достигают *того*, чем давно уже обладает буржуазия других западноевропейских стран, и оставляют неприкосновенным главное зло — систему бюрократической опеки. А для пролетариата обычная полицейская практика и без того сделала совершенно призрачными все законы о свободе передвижения, о праве гражданства, об отмене паспортов и другие.

Гораздо большее значение, чем лицедейство 1866 г., имело начавшееся с 1848 г. в Германии усиленное развитие промышленности и торговли, железных дорог, телеграфа и океанского пароходства. Как ни уступают эти успехи успехам, достигнутым в то же время Англией и даже Францией, они для Германии неслыханны и дали за двадцать лет гораздо больше, чем раньше давало целое столетие. Только теперь Германия втянута решительно и бесповоротно в *мировую торговлю*. Капиталы промышленников быстро увеличились, а соответственно этому поднялось и общественное значение буржуазии. *Спекуляция*, вернейший признак промышленного подъема, проявилась в полной мере, приковав к своей триумфальной колеснице герцогов и графов. В то время как еще пятнадцать лет тому назад немецкие железные дороги выпрашивали поддержку у английских предпринимателей, теперь немецкий капитал — да будет ему земля пухом! — строит дороги в России и Румынии. Как же могло случиться, что буржуазия не завоевала также и политического господства, что она по отношению к правительству ведет себя так трусливо?

Несчастье немецкой буржуазии состоит в том, что она, по излюбленной немецкой манере, явилась слишком поздно. Ее расцвет пришелся на тот период, когда буржуазия других

¹ *Народная партия*, или *Саксонская народная партия*, состояла из демократических элементов буржуазии и мелкой буржуазии преимущественно южногерманских государств. В противоположность национал-либералам она противилась установлению прусской гегемонии и отстаивала план так называемой «Великой Германии», которая включала бы как Пруссию, так и Австрию. Наряду со здоровой оппозицией пруссачеству Народная партия была выразителем и реакционных, партикуляристских стремлений. Пропагандируя идею федеративного устройства германского государства, она фактически выступала против объединения Германии в форме единой централизованной демократической республики. *Ред.*

западноевропейских стран в политическом отношении уже приходит в упадок. В Англии буржуазия смогла ввести в правительство своего настоящего представителя, Брайта, лишь путем расширения избирательного права — меры, последствия которой должны положить конец всему буржуазному господству. Во Франции, где буржуазия как таковая, как класс в целом, господствовала только в течение двух лет, 1849 и 1850, при республике, она смогла продлить свое социальное существование, лишь уступив свое политическое господство Луи Бонапарту и армии. А при бесконечно возросшем взаимодействии трех наиболее передовых стран Европы теперь уже совершенно невозможно, чтобы буржуазия в Германии тихо и мирно установила свое политическое господство, в то время как оно изжило себя в Англии и во Франции.

Своеобразная особенность буржуазии по сравнению со всеми остальными господствовавшими ранее классами состоит как раз в том, что в ее развитии имеется поворотный пункт, после которого всякое дальнейшее увеличение средств ее могущества и, следовательно, в первую очередь ее капиталов приводит лишь к тому, что она становится все более и более неспособной к политическому господству. *«За спиной крупной буржуазии стоит пролетариат»*. В той самой мере, в какой буржуазия развивает свою промышленность, торговлю и средства сообщения, в той же самой мере она порождает пролетариат. И в определенный момент, который наступает не всюду одновременно и не обязательно на одинаковой ступени развития, она начинает замечать, что ее неразлучный спутник — пролетариат — стал перерастать ее. С этого момента она теряет способность к исключительному политическому господству; она ищет вокруг себя союзников, с которыми она делит свое господство или, смотря по обстоятельствам, уступает его им совершенно.

В Германии этот поворотный пункт наступил для буржуазии уже в 1848 году. Правда, тогда немецкая буржуазия испугалась не столько немецкого, сколько французского пролетариата. Парижские июньские бои 1848 г. показали ей, что ее ожидает; немецкий пролетариат находился в состоянии достаточно сильного возбуждения, чтобы доказать ей, что в Германии также имеются уже семена, которые могут дать такую же жатву; и с этого момента острие политического действия немецкой буржуазии было сломлено. Она стала искать союзников и продавать себя им за какую угодно цену, — и вплоть до сегодняшнего дня она не продвинулась вперед ни на шаг.

Все эти союзники по природе реакционны. Это — королевская власть с ее армией и бюрократией, это — крупная феодальная знать, это — мелкотравчатые захолустные юнкера, это, наконец, — попы. Со всеми ними буржуазия заключала

сделки и соглашения, лишь бы сохранить свою драгоценную шкуру, пока, наконец, ей уже нечем стало торговать. И чем более развивался пролетариат, чем более он начинал ощущать себя как класс и действовать как класс, тем малодушнее становилась буржуазия. Когда поразительно плохая стратегия пруссаков победила при Садовой еще более плохую, как это ни удивительно, стратегию австрийцев, трудно было сказать, кто вздохнул с большим облегчением — прусский буржуа, который заодно тоже был разбит при Садовой, или австрийский.

Наши крупные буржуа поступают в 1870 г. точь в точь так же, как поступали в 1525 г. средние бюргеры. Что касается мелких буржуа, ремесленных мастеров и лавочников, то они всегда останутся неизменными. Они надеются правдой и неправдой выбиться в ряды крупной буржуазии и боятся быть низвергнутыми в ряды пролетариата. Колеблясь между надеждой и страхом, они во время борьбы будут спасать свою драгоценную шкуру, а после победы примкнут к победителю. Такова уж их природа.

Нога в ногу с подъемом промышленности после 1848 г. шло развитие социальной и политической деятельности пролетариата. Роль, которую играют в настоящее время немецкие рабочие в своих профессиональных союзах, кооперативах, политических организациях и собраниях, на выборах и в так называемом рейхстаге, одна эта роль показывает, какой переворот произошел совершенно незаметно в Германии в течение последних двадцати лет. Немецким рабочим принадлежит величайшая честь: *они единственные* добились того, чтобы посылать в парламент рабочих и представителей рабочих, между тем как ни французы, ни англичане не смогли до сих пор достигнуть этого.

Но и пролетариат не вышел еще из того состояния, которое допускает сравнение с 1525 годом. Класс, исключительно и постоянно живущий на заработную плату, далеко еще не составляет большинства немецкого народа. Он, следовательно, также должен иметь союзников, а последние могут быть найдены лишь среди мелких буржуа, городского люмпенпролетариата, мелких крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

О *мелких буржуа* мы уже сказали. Они крайне ненадежны, за исключением тех случаев, когда одержана победа: тогда они поднимают в пивных невыносимый крик. Тем не менее среди них имеются и очень хорошие элементы, которые сами присоединяются к рабочим.

Люмпенпролетариат, представляющий собой отбросы из опустившихся элементов всех классов и сосредоточивающийся в больших городах, является самым плохим из всех возможных союзников. Этот сброд абсолютно продажен и чрезвычайно

назойлив. Если французские рабочие во время каждой революции писали на домах: *Mort aux voleurs!* — смерть вора! — и некоторых воров расстреливали, то это происходило не в силу их ярой приверженности к собственности, а вследствие правильного понимания того, что прежде всего необходимо отделаться от этой банды. Всякий рабочий лидер, пользующийся люмпен-пролетариями как своей гвардией или опирающийся на них, уже этим одним доказывает, что он предатель движения.

Мелкие крестьяне — крупные принадлежат к буржуазии — разнородны:

Или это — *феодалные крестьяне*, обязанные еще отбывать барщинные повинности в пользу своих милостивых господ. После того как буржуазия упустила возможность освободить их от крепостной зависимости, — что было ее долгом, — не трудно убедить их в том, что они могут ждать освобождения только от рабочего класса.

Или это — *арендаторы*. В этом случае мы большей частью имеем те же самые отношения, что и в Ирландии. Арендная плата настолько возросла, что при среднем урожае крестьянин едва в состоянии прокормить себя и свою семью, при плохом же урожае он почти умирает с голоду, не может вносить арендной платы и в силу этого попадает в полную зависимость от милости землевладельца. Для таких людей буржуазия делает что-нибудь только тогда, когда ее вынуждают к этому. От кого же им ждать спасения, если не от рабочих?

Остаются крестьяне, которые ведут хозяйство на *небольших участках собственной земли*. Они в большинстве случаев так обременены ипотеками, что находятся в такой же зависимости от ростовщиков, как арендаторы от землевладельцев. И у них остается лишь очень скудный и к тому же благодаря колебаниям урожайности крайне неустойчивый заработок. Они менее всего могут возлагать какие-нибудь надежды на буржуазию, так как их эксплуатируют как раз буржуа, капиталисты-ростовщики. Однако они большей частью очень привязаны к своей собственности, хотя в действительности она принадлежит не им, а ростовщику. Все же их надо убедить в том, что они только тогда смогут освободиться от ростовщика, когда подчиненное народу правительство превратит все ипотечные долги в единый долг государству и этим путем понизит процент. А это может осуществить только рабочий класс.

Всюду, где господствует средняя и крупная земельная собственность, наиболее многочисленный класс в деревне составляют *сельскохозяйственные рабочие*. Так обстоит дело во всей Северной и Восточной Германии, и *здесь* находят городские промышленные рабочие своих *наиболее многочисленных и естественных союзников*. Так же как капиталист противостоит про-

мышленному рабочему, так землевладелец или крупный арендатор противостоит сельскохозяйственному рабочему. Те самые мероприятия, которые помогают одному, должны помочь и другому. Промышленные рабочие могут себя освободить только в том случае, если превратят капитал буржуазии, т. е. необходимые для производства сырье, машины, орудия и средства к жизни, в общественную собственность, т. е. в свою, коллективно используемую ими, собственность. Точно так же и сельскохозяйственные рабочие могут освободиться от своей ужасающей нищеты только в том случае, если прежде всего земля, являющаяся главным объектом их труда, будет изъята из частного владения крупных крестьян и — еще более крупных — феодалов и обращена в общественную собственность, коллективно обрабатываемую товариществами сельскохозяйственных рабочих. Здесь мы встречаемся с знаменитым решением Базельского конгресса Интернационала¹: в интересах общества необходимо обратить земельную собственность в общую, национальную собственность. Это решение имело главным образом в виду те страны, где существует крупная земельная собственность и связанное с ней крупное хозяйство на больших участках земли, причем в этих больших имениях существуют один господин и множество наемных рабочих. Но такое положение вещей в общем все еще преобладает в Германии, и поэтому решение Базельского конгресса было *в высшей степени своевременным* наряду с Англией *как раз для Германии*. Земледельческий пролетариат, сельские батраки, это — тот класс, который дает наибольшее число рекрутов в армии государей. Это — тот класс, который в настоящее время посылает в парламент благодаря всеобщему избирательному праву большое число феодалов и юнкеров. Но в то же время это — тот класс, который ближе всего стоит к городским промышленным рабочим, разделяет с ними одни и те же условия существования и находится даже в более нищенском состоянии, чем они. Этот класс бессилен, поскольку он раздроблен и рассеян; правительство и дворянство, однако, достаточно хорошо знают его скрытую силу и намеренно стараются привести в упадок школы, чтобы оставить его невежественным. Пробудить этот класс и втянуть его в движение — вот ближайшая и наиболее настоятельная задача немецких рабочих. С того дня, когда масса сельских рабочих научится понимать свои собственные интересы, с того дня в Германии станет невозможным никакое реакционное — будь то феодальное, бюрократическое или буржуазное — правительство.

¹ Базельский конгресс I Интернационала состоялся в сентябре 1869 года. *Ред.*

*
*
*

Предшествующие строки были написаны более четырех лет назад. Они и теперь сохраняют свое значение. То, что было верно после Садовой и разделения Германии, подтверждается и после Седана и основания священной германской империи прусской нации¹. Так мало изменений могут внести в направление исторического движения «потрясающие мир» лицедейства так называемой большой политики.

Они могут лишь ускорить ход этого движения. В этом отношении виновники указанных «потрясающих мир событий» невольно достигли таких успехов, которые для них самих наверное крайне нежелательны, но с которыми волей-неволей им приходится считаться.

Уже война 1866 г. потрясла старую Пруссию до самых ее основ. После 1848 г. стоило уже не мало труда вновь подчинить старой дисциплине беспокойный промышленный — как буржуазный, так и пролетарский — элемент западных провинций; все же это удалось, и интересы юнкеров восточных провинций наряду с интересами армии снова стали господствующими в государстве. В 1866 г. почти вся Северо-западная Германия стала прусской. Не говоря уже о непоправимом моральном ущербе, который потерпела прусская божьей милостью корона, проглотив три других божьей милостью короны, — теперь центр тяжести монархии заметно переместился на запад. Пятимиллионное население Рейнской области и Вестфалии было подкреплено сначала 4 миллионами немцев, присоединенных путем прямой аннексии, а затем — 6 миллионами немцев, присоединенных путем косвенной аннексии, через Северогерманский союз. А в 1870 г. к этому прибавилось еще 8 миллионов юго-западных немцев, так что в «новой империи» 14,5 миллионам старых пруссаков (из шести остальбских провинций, где в том числе было еще 2 миллиона поляков) противостояло около 25 миллионов, давно уже переросших старопрусский юнкерский феодализм. Таким образом, именно победы прусской армии произвели решительный сдвиг во всем фундаменте прусского государственного здания; господство юнкерства становилось

¹ Энгельс имеет в виду провозглашение 18 января 1871 г. в Версале Германской империи и прусского короля Вильгельма I германским императором после разгрома армии Наполеона III под Седаном (2 сентября 1870 г.) во время франко-прусской войны 1870—1871 годов. Германская империя, с основанием которой завершалось объединение Германии под верховенством реакционного прусского юнкерства и прусской военно-бюрократической касты, представляла собой, по словам Маркса, «не что иное, как обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками, уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм...» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, Москва 1948, стр. 24.* *Ред.*

все более и более невыносимым даже для правительства. Но в то же время стремительно-быстрое промышленное развитие оттеснило борьбу между юнкерами и буржуазией на задний план, выдвинув вперед борьбу между буржуазией и рабочими, так что в общественных основах старого государства произошел и изнутри решительный переворот. Основной предпосылкой медленно разлагавшейся с 1840 г. монархии была борьба между дворянством и буржуазией, борьба, в которой монархия поддерживала равновесие. Но с того момента, когда речь пошла уже не о защите дворянства от натиска буржуазии, а об охране всех имущих классов от натиска рабочего класса, старая абсолютная монархия должна была полностью превратиться в специально для этой цели выработанную государственную форму: в *бонапартистскую монархию*. Этот переход Пруссии к бонапартизму я рассмотрел уже в другом месте («К жилищному вопросу», 2-ой выпуск, стр. 26 и сл.)¹. Но там я мог оставить в тени один факт, который здесь имеет весьма существенное значение, а именно, что этот переход был *самым большим шагом вперед*, сделанным Пруссией после 1848 г., — настолько отстала Пруссия от современного развития. Она все еще оставалась полуфеодальным государством, а бонапартизм — во всяком случае современная государственная форма, которая предполагает устранение феодализма. Поэтому

¹ Энгельс имеет в виду следующее место из 2-го отдела своей работы «К жилищному вопросу» (издана тремя выпусками в Лейпциге в 1872—1873 гг.): «В Пруссии — а Пруссия имеет теперь решающее значение — наряду со все еще сильным крупнопоместным дворянством существует сравнительно молодая и крайне трусливая буржуазия, которая до сих пор не завоевала ни прямой политической власти, как во Франции, ни более или менее косвенной, как в Англии. Но рядом с этими двумя классами существует быстро увеличивающийся, интеллектуально очень развитой и с каждым днем все более и более организующийся пролетариат. Таким образом, наряду с основным условием старой абсолютной монархии — равновесием между земельным дворянством и буржуазией — мы находим здесь основное условие современного бонапартизма: равновесие между буржуазией и пролетариатом. Но как в старой абсолютной монархии, так и в современной бонапартистской действительная правительственная власть находится в руках особой офицерской и чиновничьей касты, которая в Пруссии пополяется частью из собственной среды, частью из мелкого майоратного дворянства, реже — из высшего дворянства и в самой незначительной части — из буржуазии. Самостоятельность этой касты, которая кажется стоящей вне и, так сказать, над обществом, придает государству видимость самостоятельности по отношению к обществу.

Государственная форма, которая с необходимой последовательностью развивалась в Пруссии (а по ее примеру и в новом имперском строе Германии) из этих чрезвычайно противоречивых общественных условий, представляет собой мнимый конституционализм; эта государственная форма представляет собой как современную форму разложения старой абсолютной монархии, так и форму существования бонапартистской монархии...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, Москва 1948, стр. 559). *Ред.*

Пруссия должна решиться на то, чтобы покончить с многочисленными в ней остатками феодализма и пожертвовать юнкерством как таковым. Все это, конечно, совершается в самой мягкой форме и под звуки любимой мелодии: «Вперед, всегда не спеша». Так, например, обстоит дело с пресловутым положением об округах. Оно отменяет феодальные привилегии отдельного юнкера на территории его имения, но лишь для того, чтобы восстановить их в виде привилегий всей совокупности крупных землевладельцев на территории всего округа. Сущность дела остается той же, только переводится с феодального на буржуазный диалект. Старопрусского юнкера принудительно превращают в некое подобие английского сквайра, но ему вовсе незачем было особенно противиться этому, так как и тот и другой одинаково глупы.

Таким образом, Пруссии выпала своеобразная судьба — завершить в конце этого столетия в приятной форме бонапартизма свою буржуазную революцию, начавшуюся в 1808—1813 гг. и сделавшую шаг вперед в 1848 году. И если все будет идти гладко и мир будет спокойно ждать, а мы сами достаточно долго жить, то, может быть, к 1900 г. мы доживем до того, что прусское правительство действительно уничтожит все феодальные учреждения и Пруссия, наконец, достигнет того положения, в котором Франция находилась в 1792 году.

Уничтожение феодализма, выраженное в положительной форме, означает установление буржуазного строя. По мере того как отпадают привилегии дворянства, законодательство становится буржуазным. И здесь мы наталкиваемся на основу отношения немецкой буржуазии к правительству. Мы видели, что правительство *вынуждено* вводить эти медлительные и мелочные реформы. Но перед буржуазией каждую из этих маленьких уступок оно изображает как принесенную ей *жертву*, как вырванную у короны с большим трудом поблажку, за которую они, буржуа, должны, со своей стороны, также кое в чем уступить правительству. И буржуа, хотя суть дела для них довольно ясна, идут на этот обман. Отсюда и вытекает то молчаливое соглашение, которое в Берлине негласно лежит в основе всех дебатов в рейхстаге и в прусской палате: с одной стороны, правительство черепашьям шагом реформирует законы в интересах буржуазии, устраняет феодальные и созданные делением на мелкие государства препятствия развитию промышленности, устанавливает единство монеты, мер и весов, вводит свободу промыслов и т. д., устанавливает свободу передвижения, предоставляя этим в неограниченное распоряжение капитала рабочую силу Германии, покровительствует торговле и спекуляции; с другой стороны, буржуазия оставляет правительству всю действительную политическую власть, утвер-

ждает налоги, займы и солдатские наборы и помогает формулировать все новые законы о реформах так, чтобы старая полицейская власть над неугодными лицами оставалась в полной силе. Буржуазия покупает свое постепенное социальное освобождение ценой немедленного отказа от собственной политической власти. Разумеется, главным побудительным мотивом, делающим для буржуазии приемлемым такое соглашение, является не страх перед правительством, а страх перед пролетариатом.

Как ни жалки выступления нашей буржуазии в области политики, нельзя, однако, отрицать, что в отношении промышленности и торговли она, наконец, стала выполнять свои обязанности. Подъем промышленности и торговли, который был отмечен в предисловии ко второму изданию, продолжался с тех пор с еще большей энергией. То, что происходило в этом отношении в Рейнско-вестфальской промышленной области с 1869 г., представляет собой прямо-таки неслыханное для Германии явление и напоминает расцвет английских фабричных округов в начале этого столетия. То же самое предстает в Саксонии и Верхней Силезии, в Берлине, Ганновере и приморских городах. Мы обрели, наконец, мировую торговлю, настоящую крупную промышленность, настоящую современную буржуазию; но зато у нас произошел и настоящий кризис, а также сложился настоящий, мощный пролетариат.

Для будущего историка грохот пушек в боях под Шпихерном, Марс-ла-Туром и Седаном и все с этим связанное будет иметь в истории Германии 1869—1874 гг. гораздо меньше значения, чем непритязательное, спокойное, но непрерывно прогрессирующее развитие немецкого пролетариата. Уже в 1870 г. немецким рабочим пришлось выдержать серьезную проверку: бонапартистскую провокацию войны и ее естественный результат — всеобщий национальный энтузиазм в Германии. Немецкие социалистические рабочие ни на минуту не дали ввести себя в заблуждение. Они не проявили ни капли националистического шовинизма. Среди самого неистового опьянения победой они сохраняли хладнокровие, требовали: «справедливого мира с французской республикой и никаких аннексий»¹, и даже осадное положение не могло заставить их замолчать. Среди них не нашли отклика ни увлечение военной славой, ни разговоры о «величии Германской империи»; единственной их целью осталось освобождение всего европейского пролетариата. С полным правом можно сказать: еще ни в одной стране рабочие не выдержали с таким блеском столь трудного экзамена.

¹ Энгельс воспроизводит здесь призывы, печатавшиеся, начиная с 21 сентября 1870 г., в ряде номеров главного органа Социал-демократической рабочей партии Германии (эйзенахцы) «Volksstaat» («Народное государство»). *Ред.*

За осадным положением военного времени последовали процессы о государственной измене, оскорблении величества и оскорблении должностных лиц, все возраставшие полицейские придирки мирного времени. Обычно не менее трех-четырёх членов редакции «Volksstaat» находились одновременно в тюрьме; в таком же положении находились и другие газеты. Всякий сколько-нибудь известный партийный оратор должен был хоть раз в год предстать пред судом, где ему почти всегда выносили обвинительный приговор. Градом сыпались высылки, конфискации, роспуски собраний. Но все — напрасно. Каждого арестованного или высланного тотчас заменял другой; вместо каждого распущенного собрания созывались два новых; выдержкой и точным соблюдением законов то в одном, то в другом месте изматывались силы полицейского произвола. Все преследования приводили к противоположным результатам: они не только не могли сломить или хотя бы согнуть рабочую партию, но лишь привлекали к ней новых приверженцев и укрепляли ее организацию. В своей борьбе как с властями, так и с отдельными буржуа рабочие везде проявляли свое умственное и нравственное превосходство, доказав, особенно в своих столкновениях с так называемыми «работодателями», что теперь они, рабочие, являются просвещенными людьми, а капиталисты — неучами. При этом борьбу они большей частью ведут с юмором, который является лучшим доказательством их уверенности в своем деле и сознания собственного превосходства. Борьба, которую ведут таким образом на подготовленной историей почве, должна дать большие результаты. Успех январских выборов представляет собой исключительное явление в истории современного рабочего движения, и вполне понятно было то изумление, которое было ими вызвано во всей Европе¹.

Немецкие рабочие имеют два существенных преимущества пред рабочими остальной Европы. Первое — то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и что они сохранили в себе тот теоретический смысл, который почти совершенно утрачен так называемыми «образованными» классами в Германии. Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создавался бы немецкий научный социализм, — единственный научный социализм, который когда-либо существовал. Без теоретического смысла у рабочих этот научный социализм никогда не вошел бы до такой степени в их плоть и кровь, как это мы видим теперь.

¹ На выборах в германский рейхстаг, происходивших в январе 1874 г., несмотря на полицейские преследования рабочих организаций, было избрано девять представителей рабочих. Социал-демократическая рабочая партия Германии (эйзенахцы) получила 171 351 голос и провела в рейхстаг ряд своих кандидатов. *Ред.*

А как необъятно велико это преимущество, это показывает, с одной стороны, то равнодушие ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, почему английское рабочее движение так медленно двигается вперед, несмотря на великолепную организацию отдельных ремесл, — а с другой стороны, это показывает та смута и те шатания, которые посеял прудонизм, в его первоначальной форме у французов и бельгийцев, в его карикатурной, Бакуниным приданной, форме — у испанцев и итальянцев.

Второе преимущество состоит в том, что немцы приняли участие в рабочем движении почти-что позже всех. Как немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно, — так немецкое практическое рабочее движение не должно никогда забывать, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно имело возможность просто обратить себе на пользу их дорого купленный опыт, избежать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать. Где были бы мы теперь без образца английских тред-юнионов и французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала в особенности Парижская Коммуна?

Надо отдать справедливость немецким рабочим, что они с редким умением воспользовались выгодами своего положения. Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, концентрическом нападении и заключается сила и непобедимость немецкого движения.

С одной стороны, вследствие этого выгодного их положения, с другой стороны, вследствие островных особенностей английского движения и насильственного подавления французского, немецкие рабочие поставлены в данный момент во главе пролетарской борьбы. Как долго события позволят им занимать этот почетный пост, этого нельзя предсказать. Но, покуда они будут занимать его, они исполняют, надо надеяться, как подобает, возлагаемые им на них обязанности. Для этого требуется удвоенное напряжение сил во всех областях борьбы и агитации. В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния

традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, т. е. чтобы его изучали. Приобретенное таким образом, все более проясняющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс со все большим усердием и все крепче сплачивать организацию партии и организацию профессиональных союзов. Хотя голоса, собранные социалистами в январе, и представляют собой уже довольно значительную армию, но они все же далеко еще не составляют большинства немецкого рабочего класса; и, как ни много бодрости придают успехи пропаганды среди сельского населения, все же именно здесь остается еще сделать бесконечно много. Поэтому нельзя уставать в борьбе, а необходимо отвоевывать у врага город за городом, один избирательный округ за другим. Но прежде всего необходимо сохранять истинно интернациональный дух, исключаяющий возникновение какого бы то ни было патриотического шовинизма и радостно приветствующий всякий новый шаг в пролетарском движении, от какой бы нации он ни исходил. Если немецкие рабочие будут так же идти вперед, то они будут — не то что маршировать во главе движения — это вовсе не в интересах движения, чтобы рабочие одной какой-либо нации маршировали во главе его, — но будут занимать почетное место в линии борцов; и они будут стоять во всеоружии, если неожиданно тяжелые испытания или великие события потребуют от них более высокого мужества, более высокой решимости и энергии.

Фридрих Энгельс

Лондон, 1 июля 1874 г.

Немецкий народ также имеет свою революционную традицию. Было время, когда Германия выдвигала личности, которые можно поставить рядом с лучшими революционными деятелями других стран, когда немецкий народ проявлял такую выдержку и развивал такую энергию, которые у централизованной нации привели бы к самым блестящим результатам, когда у немецких крестьян и плебеев зарождались идеи и планы, которые достаточно часто приводят в содрогание и ужас их потомков.

В противовес временной апатии, наступившей почти повсюду после двух лет борьбы, пора снова показать немецкому народу неладно скроенные, но крепко сшитые фигуры Великой крестьянской войны. С того времени протекло три столетия и многое изменилось; и все же крестьянская война вовсе не так далека от наших современных битв, и противники, с которыми приходится сражаться, большей частью те же самые. Те классы и части классов, которые всюду предавали революцию в 1848 и 1849 гг., мы встречаем — правда на более низкой ступени развития — в качестве предателей уже в 1525 году. И если здоровый вандализм крестьянской войны проявился в движении последних лет лишь местами, в Оденвальде, Шварцвальде и Силезии, то это отнюдь не свидетельствует о превосходстве современного восстания.

I

Рассмотрим сначала в кратких чертах положение Германии к началу XVI столетия.

В XIV и XV веках немецкая промышленность переживала значительный подъем. Место феодальных локальных сельских промыслов заняло городское цеховое ремесло, продукты производства которого предназначались для более широких кругов и даже для более отдаленных рынков. Изготовление грубых шерстяных сукон и полотна становится постоянной, широко распространенной отраслью промышленности, а в Аугсбурге производятся даже более тонкие шерстяные и льняные ткани, а также и шелковые материи. Наряду с ткачеством широкое развитие получают и те соприкасающиеся с искусством отрасли производства, которые питала светская и церковная роскошь позднего средневековья: труд золотых и серебряных дел мастеров, скульпторов и резчиков по дереву, граверов на меди и по дереву, оружейников, чеканщиков медалей, токарей и т. д. Подъему ремесла значительно способствовал ряд более или менее важных изобретений, в истории которых наиболее блестящую страницу составили изобретение пороха * и книгопечатание. Рука об руку с промышленностью развивалась и торговля. Благодаря своей вековой морской монополии Ганза¹ вывела из состояния средневекового варварства всю Северную Германию; и если уже с конца XV века она начала быстро приходить в упадок вследствие конкуренции англичан и голландцев, то все же великий торговый путь из Индии на север проходил еще, несмотря на открытия Васко да Гамы, через Германию, и Аугсбург попрежнему оставался крупным складочным пунктом для итальянских шелковых изделий, индийских пряностей и всех произведений Леванта. Верхненемецкие города, в особенности Аугсбург и Нюрнберг, являлись средоточием весьма значительного для того времени богатства и роскоши. Заметно возросла также добыча сырья. Немецкие рудокопы являлись в XV веке самыми искусными в мире, и даже земледелие, благодаря расцвету городов, должно было выйти из своего примитивного средневекового состояния. Не только обширные пространства нови

* Порох, как это в настоящее время безусловно доказано, был заимствован арабами — через Индию — из Китая, а от арабов вместе с огнестрельным оружием через Испанию проник в Европу. *Примечание Энгельса к изданию 1875 года.*

¹ Ганза — союз средневековых немецких городов, расположенных на побережье Северного и Балтийского морей и на прилегающих к ним реках; окончательно оформился во второй половине XIV века. Главную роль в Ганзе играли Гамбург, Любек и Бремен. *Ред.*

были превращены в пашни, но и начали выращивать красильные и другие ввезенные из чужих стран растения, более тщательное выращивание которых оказало благотворное влияние и на земледелие в целом.

Однако подъем национального производства Германии все еще отставал от роста производства других стран. Немецкое земледелие значительно уступало английскому и нидерландскому; немецкая промышленность стояла далеко позади итальянской, фламандской и английской, а в морской торговле англичане и особенно голландцы начали вытеснять немцев. Население все еще оставалось очень редким. Цивилизация в Германии существовала лишь местами, сосредоточиваясь вокруг отдельных промышленных и торговых центров; интересы даже этих отдельных центров были далеки друг от друга; лишь кое-где едва обнаруживались точки соприкосновения. Юг имел совершенно иные торговые связи и рынки сбыта, чем север; между востоком и западом почти вовсе не существовало обмена. Ни один город не мог сделаться промышленным и торговым средоточием всей страны, каким для Англии был, например, уже Лондон. Все внутренние сношения ограничивались почти исключительно прибрежным и речным судоходством и несколькими большими сухопутными торговыми путями: от Аугсбурга и Нюрнберга через Кельн в Нидерланды и через Эрфурт на север. В стороне от рек и торговых путей лежало множество более мелких городов, которые, оказавшись выключенными из широкого обмена, продолжали безмятежно прозябать на уровне жизни позднего средневековья; они довольствовались лишь незначительным потреблением привозных товаров и незначительным производством на вывоз. Из сельского населения только дворянство вступало в соприкосновение с более широкими кругами и с новыми потребностями. Крестьянская же масса никогда не выходила за пределы ближайших местных отношений и связанного с ними узкого местного горизонта.

В то время как в Англии и Франции подъем торговли и промышленности привел к объединению интересов в пределах всей страны и тем самым к политической централизации, в Германии этот процесс привел лишь к группировке интересов по провинциям, вокруг чисто местных центров, и поэтому к политической раздробленности, которая вскоре особенно прочно утвердилась вследствие вытеснения Германии из мировой торговли. По мере того как происходил распад *чисто феодальной* империи, разрывалась и вообще связь между имперскими землями; владельцы крупных имперских ленов стали превращаться в почти независимых государей, а имперские города, с одной стороны, и имперские рыцари, с другой, начали

заключать союзы то друг против друга, то против князей или императора. Имперское правительство, переставшее понимать свое собственное положение, беспомощно колебалось между различными элементами, которые составляли империю, все более теряя при этом свой авторитет; предпринятая этим правительством попытка, в стиле Людовика XI, централизовать государство, несмотря на все интриги и насилия, не пошла дальше укрепления связи между австрийскими наследственными землями. Если в этом хаосе, в этих бесчисленных взаимно перекрещивающихся столкновениях кто-нибудь в конечном счете выигрывал и должен был выигрывать, то это были представители централизации в самой раздробленности, носители местной и провинциальной централизации, *князья*, рядом с которыми сам император все более и более становился таким же князем, как и все остальные.

В этих условиях положение сохранившихся от средних веков классов существенно видоизменилось, и рядом со старыми классами образовались новые.

Из высшего дворянства выделились *князья*. Они были уже почти независимыми от императора и обладали большинством суверенных прав. Они на свой собственный страх и риск вели войны и заключали мир, держали постоянное войско, созывали ландтаги, облагали население налогами. Значительную часть низшего дворянства и городов они уже подчинили своей власти и продолжали прибегать к любым средствам, чтобы присоединить к своим владениям остальные, пока еще непосредственно подчиненные империи города и баронства. По отношению к этим последним они были централизаторами в такой же мере, в какой были децентрализаторами по отношению к имперской власти. Во внутренних делах их правление уже тогда отличалось очень большим произволом. Они созывали сословные собрания, как правило, лишь тогда, когда не могли без них обойтись. Они вводили налоги и собирали деньги, когда им было угодно; право сословий разрешать налоги редко признавалось и еще реже осуществлялось на деле. И даже в этом случае князь обычно получал большинство при помощи двух сословий, свободных от уплаты налогов, но принимавших участие в их потреблении, — рыцарства и духовенства. Потребность князей в деньгах росла вместе с ростом роскоши и расходов на содержание двора, появлением постоянного войска и все большим увеличением расходов по управлению. Налоги становились все более тяжелыми. Города были в большинстве случаев защищены от податного гнета своими привилегиями; вся тяжесть налогового бремени ложилась на крестьянство — как на домениальных крестьян самих князей, так и на крепостных, зависимых и чиншевиков, подвластных рыцарям, которые были

обязаны князьям ленной службой. Там, где недостаточно было прямого обложения, выступало на сцену косвенное; чтобы заполнить дырявую казну, применялись самые утонченные ухищрения финансового искусства. Если же все это не помогало, если уже нечего было закладывать и ни один вольный имперский город не желал более давать в кредит, то тогда прибегали к монетным операциям самого сомнительного свойства: чеканили неполноценные деньги, устанавливали то высокие, то низкие принудительные курсы, в зависимости от того, как было выгоднее казне. Торговля городскими и всякими иными привилегиями, которые потом насильственно отбирались, чтобы снова их продать за более дорогую цену, использование каждой попытки к противодействию как предлога для взыскания контрибуций и всякого рода грабежей и т. д. и т. д. — все это также представляло собой обычный и весьма прибыльный источник дохода для князей того времени. Постоянным и немаловажным предметом торговли являлось в руках князей и правосудие. Словом, подданным того времени, которые сверх того должны были удовлетворять еще и частную алчность княжеских фогтов и чиновников, полностью приходилось вкушать все прелести «отеческой» системы управления.

Из феодальной иерархии средневековья почти совершенно исчезло среднее дворянство; одна его часть возвысилась до положения независимых мелких князей, другая — опустилась в ряды низшего дворянства. *Нижшее дворянство, рыцарство*, быстрыми шагами шло навстречу своей гибели. Значительная часть его совершенно разорилась и жила лишь службой у князей, занимая военные или гражданские должности; другая часть находилась в ленной зависимости и подчинении у князей; наконец, третья, самая маленькая, была подчинена непосредственно империи. Развитие военного дела, возрастающая роль пехоты, усовершенствование огнестрельного оружия подорвали значение военной службы рыцарей в качестве тяжеловооруженной кавалерии и в то же время уничтожили неприступность их замков. Прогресс промышленности сделал рыцарей излишними, так же как и нюрнбергских ремесленников. Разорению рыцарства сильно способствовала его потребность в деньгах. Роскошь в замках, соперничество в великолепии во время турниров и празднеств, цены на оружие и коней росли вместе с прогрессом общественного развития, в то время как источники дохода рыцарей и баронов увеличивались в незначительной степени или вовсе не увеличивались. Феодальные усобицы с неизбежными грабежами и контрибуциями, разбои на больших дорогах и другие подобные же благородные занятия с течением времени становились слишком опасным делом. Повинности и поборы, взимаемые с подвластного населения, едва ли давали

большой доход, чем прежде. Для того чтобы удовлетворить свои возрастающие потребности, благородные рыцари должны были прибегать к тем же средствам, что и князья. Грабеж крестьян дворянством с каждым годом становился все более изощренным. Из крепостных высасывали последнюю каплю крови, зависимых людей облагали новыми поборами и повинностями под всякого рода предлогами и названиями. Барщина, чинши, оброки, пошлины при перемене владельца, посмертные поборы, охранные деньги¹ и т. д. произвольно повышались, несмотря на все старинные договоры. В правосудии отказывали, да и суд был продажным, а если рыцарь не мог получить денег от крестьянина каким-либо иным способом, то он попросту бросал его в тюрьму и принуждал платить выкуп.

К другим сословиям низшее дворянство относилось также отнюдь не дружески. Дворянство, обязанное ленной службой князьям, стремилось стать непосредственно подчиненным империи; имперское рыцарство старалось сохранить свою независимость; это вело к непрерывным столкновениям с князьями. Надменное духовенство того времени казалось рыцарю совершенно лишним сословием, он с завистью смотрел на его обширные владения и накопленные благодаря безбрачию и церковной организации богатства. С городами он жил в вечных раздорах; он был их неоплатным должником, кормился грабежом их территорий, ограблением их купцов, выкупом за пленников, взятых в войнах с ними. И борьба рыцарства со всеми этими сословиями становилась тем более ожесточенной, чем более денежный вопрос и для него становился вопросом жизни и смерти.

Духовенство — представитель идеологии средневекового феодализма — не в меньшей степени почувствовало влияние исторического перелома. В результате изобретения книгопечатания и роста потребностей все более расширяющейся торговли, оно лишилось монополии не только на чтение и письмо, но и на более высокие ступени образования. Разделение труда происходило и в интеллектуальной области. Вновь образовавшееся сословие юристов отобрало у духовенства ряд важных должностей. Духовенство также начинало становиться в значительной степени лишним, само подтверждая это своей все возрастающей леностью и невежеством. Но, чем более оно делалось лишним, тем многочисленнее становилось оно благо-

¹ *Посмертный побор* (Sterbefall, Todfall) — побор с наследства, взывавшийся в силу феодального права сеньёра на земельный надел и имущество умершего крестьянина (во Франции — «право мертвой руки»); в Германии феодалы, как правило, отбирали у наследников лучшую голову скота. — *Охранные деньги* (Schutzgelder) — побор, взимавшийся феодалами в качестве платы за «военную защиту» и «покровительство», которые сеньёр якобы оказывал своим подданным. *Ред.*

даря своим огромным богатствам, которые оно непрерывно увеличивало всевозможными средствами.

Духовенство распадалось на два совершенно различных класса. *Аристократический* класс составляла духовная феодальная иерархия: епископы и архиепископы, аббаты, приоры и прочие прелаты. Эти высшие сановники церкви либо сами были имперскими князьями, либо же в качестве феодалов, подчинявшихся верховной власти других князей, владели обширными пространствами земли с многочисленным крепостным и зависимым населением. Они не только эксплуатировали своих подданных так же беспощадно, как дворянство и князья, но вели себя еще более бесстыдно. Для того чтобы вырвать у подданных последний грош или увеличить долю наследства, завещаемую церкви, пускались в ход наряду с грубым насилием все ухищрения религии, наряду с ужасами пытки все ужасы анафемы и отказа в отпущении грехов, все интриги исповедальни. Подделка документов являлась у этих достойных мужей обычным и излюбленным мошенническим приемом. Однако, хотя помимо обычных феодальных повинностей и оброков они собирали также и десятину, всех этих доходов оказывалось еще недостаточно. Чтобы выжать у народа еще больше средств, они пользовались — и долгое время весьма успешно — изготовлением чудотворных икон и мощей, устройством благочестивых паломничеств, торговлей индульгенциями¹.

На этих прелатах и их бесчисленной, с усилением политических и религиозных гонений все возраставшей, жандармерии из монахов и была сосредоточена ненависть к попам не только народа, но и дворянства. В тех случаях, когда они были подчинены непосредственно императору, они являлись помехой князьям. Привольная жизнь откормленных епископов, аббатов и их армии монахов вызывала зависть дворянства и негодование народа, который должен был все это оплачивать, и это негодование становилось тем сильнее, чем больше бросалось в глаза кричащее противоречие между образом жизни этих прелатов и их проповедями.

Плебейская часть духовенства состояла из сельских и городских священников. Они стояли вне феодальной иерархии церкви и не имели доли в ее богатствах. Их деятельность контролировалась сравнительно мало и, несмотря на всю свою важность для церкви, была в тот момент гораздо менее необходимой, чем полицейская служба монахов, находившихся на казарменном

¹ *Индульгенции* — свидетельства о так называемом отпущении грехов, продававшиеся католической церковью. Продажа индульгенций, как и другие формы эксплуатации религиозных суеверий, носила характер прямого грабежа народа католическим духовенством. *Ред.*

положении. Поэтому они оплачивались гораздо хуже и их бенефиции были большей частью очень скудны. Им как выходцам из бюргерства или плебса были достаточно близки условия жизни массы, и потому, несмотря на свое духовное звание, они разделяли настроения бюргеров и плебеев. Участие в движениях того времени, являвшееся для монахов исключением, для них было общим правилом. Из их рядов выходили теоретики и идеологи движения, и многие из них, выступив в качестве представителей плебеев и крестьян, окончили свою жизнь на эшафоте. Народная ненависть к попам обращалась против них лишь в единичных случаях.

Подобно тому как над князьями и дворянством стоял император, так над высшим и низшим духовенством стоял *papa*. Как императору платили «всеобщий пфенниг»¹, имперские налоги, так и папе шли общие церковные налоги, которыми оплачивалась роскошь римской курии. Ни в одной стране эти церковные налоги не взыскивались — благодаря могуществу и многочисленности попов — с большим усердием и большей строгостью, чем в Германии. Особенно строго собирались аннаты при освобождении епископских кафедр². С ростом потребностей изобретались новые средства для добывания денег: торговля реликвиями, продажа индульгенций, юбилейные сборы и т. д. Таким образом, из Германии ежегодно текли в Рим огромные суммы денег, и возраставший вследствие этого гнет не только увеличивал ненависть к попам, но возбуждал и национальное чувство, особенно среди дворянства, в то время наиболее национального сословия.

Из первоначальной массы горожан средневековых *городов* с расцветом торговли и ремесла развились три резко обособившиеся друг от друга группы.

Верхушку городского общества составляли *патрицианские роды*, так называемые «*благородные*». Это были наиболее богатые семьи. Они одни заседали в городском совете и занимали все городские должности. Поэтому они не только ведали доходами города, но и потребляли их. Сильные своим богатством, своим традиционным, признанным императором и империей аристократическим положением, они всеми способами эксплуа-

¹ «Всеобщий пфенниг» (*gemeiner Pfennig*) — налог, введенный императором Максимилианом I; представлял собой комбинацию подушной подати и налога с имущества. Основная тяжесть налога падала на крестьянство. *Ред.*

² *Аннатами* назывались единовременные сборы в пользу римской курии с лиц, назначавшихся папой на церковные должности. В большинстве случаев они были равны годовому доходу от жалуемых бенефициев, владельцы которых возвращали себе сторицей уплачиваемую при замещении церковных должностей сумму за счет поборов и вымогательств у населения. *Ред.*

тировали как городскую общину, так и подвластных городу крестьян. Они занимались ростовщичеством, давая ссуды зерном и деньгами, присваивали себе всякого рода монополии, отбирали у общины одно за другим все ее права на совместное пользование городскими лесами и лугами, пользуясь ими исключительно в интересах своей частной выгоды, произвольно взимали дорожные, мостовые и воротные пошлины и всякие иные поборы, торговали цеховыми привилегиями, званием мастера, правами гражданства и правосудием. С крестьянами городской округи они обращались не менее беспощадно, чем дворяне и попы; более того, городские фогты и должностные лица в деревнях, бывшие исключительно патрициями, при взимании поборов присоединяли к аристократической жестокости и алчности еще и известный бюрократический педантизм. В управлении городскими доходами, собираемыми таким образом, господствовал величайший произвол: отчетность в городских книгах, представлявшая собой чистую формальность, велась чрезвычайно небрежно и запутанно; растраты и кассовые недочеты были обычным явлением. Насколько легко было тогда немногочисленной, присвоившей себе всевозможные привилегии, тесно сплоченной узами родства и общностью интересов касте безгранично обогащать себя за счет городских доходов, нетрудно себе представить, если вспомнить о многочисленных мошенничествах и растратах, которые в 1848 г. были обнаружены в столь многих городских управлениях.

Патриции позаботились о том, чтобы права городских общин, особенно в финансовых делах, всюду были преданы забвению. Лишь позднее, когда злоупотребления этих господ достигли невероятных размеров, общины снова пришли в движение, чтобы добиться по крайней мере контроля над городским управлением. В большинстве городов они действительно восстановили свои права. Но при наличии вечных раздоров между цехами, при том упорстве, которым обладали патриции, и покровительстве, которое они находили у империи и правительств союзных с ними городов, патрицианские члены советов очень скоро то хитростью, то силой восстановили фактически свое прежнее безраздельное господство. В начале XVI столетия во всех городах община опять находилась в оппозиции.

Городская оппозиция патрициату делилась на две фракции, которые весьма четко определились во время крестьянской войны.

Бюргерская оппозиция, предшественница наших современных либералов, охватывала богатых горожан и горожан среднего достатка, а также большую или меньшую часть — в зависимости от местных условий — мелких бюргеров. Ее требования носили чисто конституционный характер. Она требовала контроля над

городским управлением и участия в законодательной власти, через посредство ли собрания самой общины или через ее представителей (большой совет, комитет общины); далее — ограничения основанного на взаимном покровительстве патрицианского режима и олигархической власти нескольких избранных семейств, олигархии, которая все более открыто обозначалась даже внутри самого патрициата. В лучшем случае бюргерская оппозиция кроме того требовала замещения нескольких мест в совете горожанами, вышедшими из ее собственной среды. Эта партия, к которой кое-где присоединялась недовольная и опустившаяся часть патрициата, имела за собой значительное большинство во всех регулярных собраниях общины, а также в цехах. Странники совета, так же как представители более радикальной оппозиции, даже взятые вместе, составляли среди полноправных горожан лишь небольшое меньшинство.

Мы ниже увидим, что эта «умеренная», «стоящая на почве закона», «весьма обеспеченная» и «интеллигентная» оппозиция играла в движении XVI века точно такую же роль и с точно таким же успехом, как и ее наследница, конституционная партия, в движении 1848 и 1849 годов¹.

Впрочем, бюргерская оппозиция очень серьезно боролась против попов, праздная, привольная жизнь и развращенные нравы которых вызывали в ней величайшее негодование. Она требовала решительных мер против скандального образа жизни этих почтенных мужей. Она настаивала на том, чтобы была отменена особая юрисдикция для попов, а также их свобода от налогообложения, и чтобы количество монахов было вообще сокращено.

Плебейская оппозиция состояла из разорившихся горожан и массы городских жителей, не обладавших правами гражданства: ремесленных подмастерьев, поденщиков и многочисленных представителей возникающего люмпенпролетариата, которые встречаются уже на низших ступенях развития городов. Люмпенпролетариат вообще представляет собой явление, которое — в более или менее развитом виде — имело место почти во всех бывших до сих пор фазах общественного развития. Как

¹ Энгельс имеет в виду немецких буржуазных либералов, составлявших во время революции 1848—1849 гг. большинство франкфуртского Национального собрания и собраний в отдельных немецких государствах. В первые месяцы революции в ряде государств (например, в Пруссии) либералы возглавляли «конституционные правительства», но потом были заменены представителями бюрократии и дворянства. Либералы стремились сохранить королевскую власть как оплот против дальнейшего развития и углубления революции. Соглашательская тактика буржуазных конституционалистов и их предательские сделки с реакционными партиями явились одной из главных причин поражения немецкой революции. *Ред.*

раз в то время вследствие разложения феодализма в обществе, где каждая профессия, каждая сфера жизни была еще ограждена бесчисленными привилегиями, значительно увеличилась масса людей, лишенных определенной профессии и постоянного места жительства. Во всех развитых странах никогда не было такого количества бродяг, как в первой половине XVI века. Часть их в военное время нанималась в армии, другая бродила по деревням, занимаясь попрошайничеством, наконец, третья добывала свое скудное пропитание в городах поденной работой и другими занятиями, не требовавшими принадлежности к какому-либо цеху. Все эти три элемента сыграли свою роль в крестьянской войне: первый — в княжеских войсках, нанесших поражение крестьянам, второй — в крестьянских заговорщических союзах и крестьянских отрядах, где каждую минуту давало себя знать его деморализующее влияние, третий — в борьбе городских партий. Впрочем, не следует забывать, что большая часть этого класса, именно та, которая жила в городах, в то время еще обладала значительной долей здоровой крестьянской природы и еще долгое время ей была чужда продажность и испорченность современного «цивилизованного» люмпенпролетариата.

Как мы видим, городская плебейская оппозиция того времени состояла из весьма смешанных элементов. Она соединяла в себе разложившиеся составные части старого феодального и цехового общества с еще неразвившимся, едва обнаруживавшимся на поверхности, пролетарским элементом зарождающегося современного буржуазного общества. С одной стороны, это были обедневшие члены цехов, своими привилегиями все еще связанные с существующим городским строем, с другой — выброшенные из своих насиженных мест крестьяне и уволенные слуги, которые еще не могли стать пролетариями. Промежуточное положение между теми и другими занимали подмастерья: временно они стояли вне официального общества и по условиям жизни настолько приближались к пролетариату, насколько это было вообще возможно при тогдашней организации промышленности и господстве цеховых привилегий; однако в то же самое время, в силу тех же цеховых привилегий, почти все они были будущими бюргерами и цеховыми мастерами. Партийная позиция этой смеси разнородных элементов была поэтому неизбежно в высшей степени неустойчивой и различалась в зависимости от местных условий. До крестьянской войны плебейская оппозиция выступает в политической борьбе не в качестве партии, а в виде шумной, ищущей грабежей, продающейся за несколько бочек вина толпы, которая плетется в хвосте у бюргерской оппозиции. В партию превращают ее лишь крестьянские восстания, но и в этом случае она почти везде следует

в своих требованиях и выступлениях за крестьянами — убедительное доказательство того, насколько город тогда зависел еще от деревни. Она выступает самостоятельно лишь постольку, поскольку требует восстановления монополии городского ремесла в деревне, поскольку возражает против сокращения городских доходов за счет отмены феодальных повинностей в городской округе и т. д.; словом, в той мере, в какой она самостоятельна, она реакционна и подчиняется своим собственным мелкобуржуазным элементам, исполняя тем самым характерную прелюдию к той трагикомедии, которую вот уже в течение трех лет разыгрывает современная мелкая буржуазия под вывеской демократии.

Лишь в Тюрингии под непосредственным влиянием Мюнцера и в некоторых других местах под влиянием его учеников плебейская часть городов была настолько увлечена общей революционной бурей, что зачаточный пролетарский элемент получил в ней кратковременный перевес над всеми остальными группами, участвовавшими в движении. Этот эпизод, составляющий кульминационный пункт всей крестьянской войны и разыгравшийся вокруг самой величественной ее фигуры, вокруг *Томаса Мюнцера*, является в то же время и самым кратким. Само собой понятно, что эта часть плебеев должна была быстрее всего потерпеть поражение, что в то же время ее движение должно было носить преимущественно фантастический отпечаток и что способ, каким она выражала свои требования, должен был отличаться очень большой неопределенностью, ибо именно она менее всего имела твердую почву в тогдашних общественных отношениях.

Под всеми этими классами, за исключением плебеев, находилась громадная эксплуатируемая масса народа — *крестьяне*. На крестьянина ложилась своей тяжестью вся общественная пирамида: князья, чиновники, дворянство, попы, патриции и бюргеры. Принадлежал ли он князю, имперскому барону, епископу, монастырю или городу, с ним всюду обращались как с вещью или вьючным животным, или же еще того хуже. Если он был крепостным, он находился всецело во власти своего господина; если же он был зависимым, то уже одних законных, установленных по договору повинностей было вполне достаточно, чтобы его придавить, а эти повинности увеличивались с каждым днем. Большую часть своего времени он должен был работать в поместье своего господина; а из того, что ему удавалось выработать в течение немногих свободных часов для себя самого, он должен был выплачивать десятину, чинш, оброк, налоги в пользу князя [Bede], дорожную подать (военный налог), местные и общеимперские подати. Он не мог ни вступить в брак, ни умереть, не заплатив своему господину.

Помимо обычной барщины он должен был собирать для своего милостивого повелителя солому, землянику, чернику, улиток, загонять во время охоты дичь, рубить дрова и т. д. Право рыбной ловли и охоты принадлежало господину, и крестьянин обязан был спокойно взирать на то, как дичь уничтожает его урожай. Общинные пастбища и леса, принадлежавшие крестьянам, были почти везде насильственно отобраны господами. И не только собственность крестьянина, но и его личность и личность его жены и дочерей были подчинены произволу господина. Господин пользовался правом первой ночи. Он мог в любой момент, когда ему вздумается, бросить крестьянина в темницу, где того в те времена ждали пытки с той же неизбежностью, как теперь ждет арестованного судебный следователь. Он забивал крестьянина насмерть и, если хотел, мог приказать обезглавить его. Из тех назидательных статей уголовного кодекса Карла V, которые говорят об «отсечении ушей», «отсечении носа», «выкалывании глаз», «обрубании пальцев и рук», «обезглавлении», «колесовании», «сожжении», «пытке раскаленными щипцами», «четвертовании» и т. д., нет ни одной, которой бы милостивый сеньёр и покровитель не мог бы применить к своим крестьянам по своему усмотрению. И кто бы мог оказать крестьянину защиту? В судах сидели бароны, попы, патриции или юристы, которые хорошо знали, за что они получают деньги. Ведь все официальные сословия империи жили за счет высасывания последних соков из крестьян.

Однако крестьян, хотя и озлобленных страшным гнетом, все же трудно было поднять на восстание. Их разобщенность чрезвычайно затрудняла возможность общего соглашения. Действовала долгая, переходившая от поколения к поколению привычка к подчинению; во многих местностях крестьяне отвыкли от употребления оружия; жестокость эксплуатации то усиливалась, то ослабевала в зависимости от личности господина, — все это помогало удерживать крестьян в повиновении. Поэтому в средние века, встречаясь с большим количеством местных восстаний крестьян, мы — по крайней мере в Германии — до крестьянской войны не обнаруживаем ни одного общенационального крестьянского восстания. К тому же крестьяне одни не в состоянии были произвести революцию, пока им противостояла объединенная и сплоченная организованная сила князей, дворянства и городов. Некоторые шансы на победу мог им дать только союз с другими сословиями; но как могли они заключить союз с другими сословиями, если каждое из них, в той или иной мере, являлось эксплуататором крестьян?

Итак, мы видим, что в начале XVI века разные сословия империи — князья, дворяне, прелаты, патриции, бюргеры,

плебеи и крестьяне — образовывали чрезвычайно хаотическую массу с весьма разнообразными, во всех направлениях взаимно перекрещивающимися потребностями. Каждое сословие стояло поперек дороги другому и находилось в непрерывной, то скрытой, то открытой борьбе со всеми остальными. Тот раскол всей нации на два больших лагеря, который имел место в начале первой революции во Франции и который имеет место теперь на более высокой ступени развития в наиболее передовых странах, был при тогдашних условиях просто невозможен; он мог бы лишь приблизительно наметиться только в том случае, если бы восстал низший, эксплуатируемый всеми остальными сословиями слой народа: крестьяне и плебеи. Сложный переплет интересов, взглядов и стремлений того времени легче будет понять, если вспомнить о той путанице, которую вызвал в последние два года современный, гораздо менее сложный состав немецкой нации, распадающейся на феодальное дворянство, буржуазию, мелкую буржуазию, крестьянство и пролетариат.

II

Группировка столь разнообразных в то время сословий в более крупные объединения была почти невозможна уже в силу децентрализации, независимости отдельных местностей и провинций друг от друга, взаимной отчужденности провинций в промышленном и торговом отношении и плохого состояния путей сообщения. Эта группировка возникает лишь вместе с всеобщим распространением революционных религиозно-политических идей в период реформации. Выступление различных сословий в защиту этих идей или против них привело, правда, с большим трудом и лишь приблизительно, к концентрации немецкой нации вокруг трех больших лагерей: католического, или реакционного, лютеровского, или бюргерско-реформаторского, и революционного. Если и в этом великом расколе нации мы обнаруживаем мало последовательности, если в двух первых лагерях мы отчасти находим одни и те же элементы, то это объясняется тем состоянием разложения, в котором находилось большинство унаследованных от средневековья официальных сословий, и той децентрализацией, в результате которой одни и те же сословия в различных местах временно могли примыкать к противоположным течениям. За последние годы мы так часто имели возможность наблюдать в Германии аналогичные явления, что нас не должно поражать кажущееся столь пестрым переплетение сословий и классов при гораздо более сложных отношениях XVI столетия.

Немецкая идеология, несмотря на опыт последнего времени, все еще продолжает видеть в борьбе, положившей конец

средневековью, одни только яростные богословские перебранки. По мнению наших отечественных знатоков истории и государственных мудрецов, если бы только люди того времени могли столкнуться между собой относительно небесных вещей, то у них не было бы никаких оснований ссориться из-за земных дел. Эти идеологи достаточно легковверны для того, чтобы принимать за чистую монету все иллюзии, которые та или иная эпоха сама создает о себе или которые создают идеологи того времени о своей эпохе. Люди подобного сорта видят, например, в революции 1789 г. лишь ряд чересчур пылких дебатов относительно преимуществ конституционной монархии по сравнению с абсолютной, в июльской революции — практический спор на тему о неосновательности права «божьей милостью», в февральской революции — попытку разрешить вопрос: монархия или республика? и т. д. О *классовой борьбе*, которая разворачивается во время этих потрясений и простым выражением которой служат политические лозунги, всякий раз выставляемые на знамени, — об этой *классовой борьбе* наши идеологи даже и теперь не имеют ни малейшего понятия, хотя об этом достаточно громко говорят не только те известия, которые доходят из-за границы, но и гневный ропот многих тысяч немецких пролетариев.

И во времена так называемых религиозных войн XVI столетия речь шла прежде всего о весьма определенных материальных классовых интересах; эти войны так же были проявлением борьбы классов, как и более поздние внутренние конфликты в Англии и Франции. Если эта *классовая борьба* носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это несколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени.

Средневековье развилось на совершенно примитивной основе. Оно стерло с лица земли древнюю цивилизацию, древнюю философию, политику и юриспруденцию, чтобы начать во всем с самого начала. Единственным, что оно заимствовало от погибшего древнего мира, было христианство и несколько полуразрушенных, утративших всю свою прежнюю цивилизацию городов. В результате этого, как это бывает на всех ранних ступенях развития, монополия на интеллектуальное образование досталась попом и само образование приняло тем самым преимущественно богословский характер. В руках попов политика и юриспруденция, как и все остальные науки, превратились в простые отрасли богословия и к ним были применены те же принципы, которые господствовали в нем. Догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона. Даже тогда, когда образовалось особое сословие юристов, юриспруденция еще долгое время оставалась под опекой богословия.

Это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя.

Ясно, что при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все социальные и политические революционные доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости.

Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания. Что касается мистики, то зависимость от нее реформаторов XVI века представляет из себя хорошо известный факт; многое заимствовал из нее также и Мюнцер. Ереси представляли собой отчасти проявление реакции патриархальных альпийских пастухов против проникающего к ним феодализма (вальденсы¹); отчасти оппозицию феодализму со стороны переросших его рамки городов (альбигойцы², Арнольд Брешианский и т. д.); частью же открытое восстание крестьян (Джон Болл, венгерский проповедник³ в Пикардии и т. д.). Патриархальную ересь вальденсов, так же как и восстание швейцарцев, мы можем здесь оставить в стороне как реакционную, по форме и содержанию, попытку отгородиться от исторического развития, имевшую к тому же только местное значение.

¹ *Вальденсы* — религиозная секта, возникшая в конце XII в. среди городских низов южнофранцузских городов. Основателем ее по преданию считался лионский купец Петр Вальд. Вальденсы проповедовали отказ от собственности, осуждали накопление богатств католической церковью и призывали вернуться к обычаям раннего христианства. Ересь вальденсов получила также распространение среди альпийских пастухов, у которых она носила характер защиты пережитков первобытно-общинного строя и патриархальных отношений. *Ред.*

² *Альбигойцы* — религиозная секта, получившая широкое распространение в XI—XIII вв. в городах Южной Франции и Северной Италии. Главным очагом ее был южнофранцузский город Альби. Альбигойцы, выступавшие против пышных католических обрядов и церковной иерархии, выражали в религиозной форме ранний протест против феодализма торгово-ремесленного населения южных городов и экономически связанной с ним части дворянства. Папа Иннокентий III организовал в 1209 г. крестовый поход против альбигойцев. В результате двадцатилетней войны и свирепых репрессий их движение было подавлено. *Ред.*

³ — под этим именем был известен один из вождей крестьянского восстания 1251 г. во Франции (так называемого восстания «пастушков»). *Ред.*

В двух других формах средневековой ереси мы уже в XII веке находим предвестников той великой противоположности между бюргерской и крестьянско-плебейской оппозицией, которая привела к гибели крестьянскую войну. Эта противоположность продолжает существовать в течение всего позднего средневековья.

Ересь городов, — а она собственно является официальной ересью средневековья, — была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она нападала. Подобно тому как в настоящее время буржуазия требует дешевого правительства — *gouvernement à bon marché*, точно так же и средневековые бюргеры требовали прежде всего дешевой церкви — *église à bon marché*. Реакционная по форме, как и всякая ересь, которая в дальнейшем развитии церкви и догматов способна видеть только извращение, бюргерская ересь требовала восстановления простого строя ранне-христианской церкви и упразднения особого сословия священников. Это дешевое устройство устраняло монахов, прелатов, римскую курию, словом, все, что в церкви было дорогостоящим. Города, бывшие сами республиками, хотя и находившимися под опекой монархов, своими нападениями на папство впервые выразили в общей форме то положение, что нормальной формой господства буржуазии является республика. Их враждебное отношение к ряду церковных догматов и установлений объясняется отчасти тем, что уже было сказано выше, отчасти прочими условиями их жизни. Например, причину их яростных нападков на безбрачие духовенства никто так хорошо не объясняет, как Боккаччо. Арнольд Брешианский в Италии и Германия, альбигойцы в Южной Франции, Джон Виклеф в Англии, Гус и каликстинцы¹ в Чехии были главными представителями этого направления. То обстоятельство, что оппозиция против феодального строя выступает здесь лишь в виде оппозиции против церковного феодализма, объясняется довольно просто тем, что города уже всюду были признанным сословием

¹ *Каликстинцы и табориты* — два течения в гуситском национально-освободительном и реформационном движении в Чехии (первая половина XV в.), направленном против немецкого дворянства, Германской империи и католической церкви. Каликстинцы (или чашники, так как они требовали причащения не только хлебом, но и вином из чаши), опиравшиеся на чешское дворянство и бюргерство, стремились ограничиться умеренной церковной реформой и секуляризацией церковных имений. Табориты (от города Табор — центра движения) составляли революционно-демократическое крыло гуситов и отражали в своих требованиях стремление крестьянских масс и городских низов к ликвидации всякого феодального гнета. Изменническое выступление каликстинцев против таборитов было использовано лагерем феодальной реакции для подавления гуситского движения. *Ред.*

и имели достаточно возможностей для борьбы со светским феодализмом, опираясь на свои привилегии, с помощью оружия или в сословных собраниях.

Как в Южной Франции, так и в Англии и Чехии мы видим уже, что большая часть низшего дворянства присоединяется к борьбе городов против попов и примыкает к ересям — явление, которое объясняется зависимостью низшего дворянства от городов, а также общностью интересов тех и других в их оппозиции к князьям и прелатам. С этим явлением мы снова встретимся в крестьянской войне.

Совершенно иной характер носила та ересь, которая являлась прямым выражением потребностей крестьян и плебеев и почти всегда сочеталась с восстанием. Разделяя все требования бюргерской ереси относительно попов, папства и восстановления ранне-христианского церковного строя, она в то же время шла неизмеримо дальше. Она требовала восстановления ранне-христианского равенства в отношениях между членами религиозной общины, а также признания этого равенства в качестве нормы и для светского мира. Из «равенства сынов божьих» она выводила гражданское равенство и уже тогда отчасти даже равенство имуществ. Уравнение дворянства с крестьянами, патрициев и привилегированных горожан с плебеями, отмена барщины, оброков, налогов, привилегий и уничтожение по крайней мере наиболее кричащих имущественных различий — вот те требования, которые выдвигались с большей или меньшей определенностью как необходимые выводы из учения раннего христианства. Эта крестьянско-плебейская ересь, которую в период расцвета феодализма, например, у альбигойцев, еще с трудом можно отделить от бюргерской, развивается в резко выделяющееся партийное воззрение в XIV и XV веках, когда она выступает, как правило, уже совершенно самостоятельно рядом с бюргерской ересью. Таковы, например, Джон Болл, проповедник восстания Уота Тайлера¹, в Англии рядом с последователями Виклефа и табориты² рядом с каликстинцами в Чехии. У таборитов уже тогда под теократической оболочкой выступает даже республиканская тенденция, получившая даль-

¹ Речь идет о крупнейшем крестьянском восстании в Англии весной и летом 1381 года. Восставшие крестьяне с помощью подмастерьев и городских низов захватили Лондон, но, деморализованные убийством своего вождя Уота Тайлера, разошлись по домам, поверив посулам короля Ричарда II. Воспользовавшиеся этим феодалы свирепо расправились с участниками восстания. Однако под влиянием страха перед новой вспышкой они должны были на практике осуществить некоторые требования крестьян. Восстание в частности сыграло видную роль в упразднении крепостного права в Англии. *Ред.*

² См. примечание к стр. 35 настоящего издания. *Ред.*

нейшее развитие в конце XV и в начале XVI века у представителей плебеев в Германии.

К этой форме ереси примыкает экзальтация мистических сект, флагеллантов, лоллардов¹ и т. д., продолжавших революционную традицию во времена реакции.

Плебеи в то время были единственным классом, находившимся совершенно вне официального общества. Они стояли как вне феодальных, так и вне бюргерских связей. Они не обладали ни привилегиями, ни собственностью; у них не было даже обремененного тяжелыми повинностями владения, которое имелось у крестьян и мелких бюргеров. Они были во всех отношениях неимущи и бесправны; условия их существования не имели никакого непосредственного касательства к действовавшим в то время учреждениям, которые их совершенно игнорировали. Они были живым симптомом разложения феодального и цехово-бюргерского общества и в то же время первыми предвестниками современного буржуазного общества.

Это положение плебеев объясняет, почему плебейская часть общества уже тогда не могла ограничиться одной только борьбой против феодализма и привилегированных горожан; почему она, по крайней мере в мечтах, должна была выйти даже за пределы едва только нарождавшегося тогда современного буржуазного общества; почему она, не имея никакой собственности, должна была уже подвергнуть сомнению учреждения, представления и взгляды, которые были свойственны всем покоящимся на классовых противоречиях общественным формам. Хилиастические мечтания² раннего христианства представляли собой удобный исходный пункт для этого. Но в то же время это стремление выйти за пределы не только настоящего, но и

¹ *Флагелланты* (или бичующиеся) — религиозно-аскетическая секта, получившая распространение в Европе в XIII—XV вв. Флагелланты учили, что путем самознижения можно добиться искупления грехов.

Лолларды (буквально — «причитающие») — религиозная секта в Англии (возникла в XIV в.), резко враждебная католической церкви. Восприняла учение английского реформатора Виклефа, сделав из него более радикальные выводы и выступив в религиозно-мистической форме против всяких феодальных привилегий. Многие лолларды, среди которых преобладали выходцы из народных масс и представители низшего духовенства, приняли участие в восстании Уота Тайлера в 1381 году. С конца XIV в. лолларды подверглись жестокому гонениям. *Ред.*

² *Хилиазм* (от греческого слова «хилиас» — тысяча) — религиозно-мистическое учение о втором пришествии Христа и установлении его «тысячелетнего царства» справедливости, всеобщего равенства и благоденствия. Хилиастические верования возникли в период разложения рабовладельческого строя, на почве невыносимого гнета и страданий трудящихся, искавших выхода в фантастических мечтаниях об избавлении. Эти верования получили широкое распространение во времена раннего христианства и впоследствии постоянно возрождались в учениях различных средневековых сект. *Ред.*

будущего могло быть лишь фантастическим, лишь насилием над действительностью, и первая же попытка осуществить его на практике должна была отбросить движение назад, в те узкие рамки, которые только допускали тогдашние условия. Нападки на частную собственность, требование общности имущества неизбежно должны были выродиться в примитивную организацию благотворительности; неопределенное христианское равенство могло, самое большее, вылиться в буржуазное «равенство перед законом»; упразднение всяких властей превратилось, в конце концов, в учреждение республиканских правительств, избираемых народом. Предвосхищение коммунизма в фантазии становилось в действительности предвосхищением современных буржуазных отношений.

Это резко противоречащее действительности, но вполне объясняющееся условиями жизни плебеев предвосхищение последующей истории мы впервые встречаем в *Германии у Томаса Мюнцера* и его партии. Правда, у таборитов уже существовала своего рода хилластическая общность имущества, однако, лишь в качестве чисто военной меры. Только у Мюнцера эти проблески коммунистических идей впервые становятся выражением стремлений реальной общественной группы, только у него впервые они формулируются с известной определенностью, и, начиная с него, мы встречаем их снова в каждом великом народном потрясении, пока они постепенно не сливаются с современным пролетарским движением, подобно тому как в средние века борьба свободного крестьянства против все более и более опутывающего его феодального господства сливается с борьбой крепостных и зависимых крестьян за полное уничтожение феодализма.

В то время как в первом из трех больших лагерей, в *консервативно-католическом*, собрались все те элементы, которые были заинтересованы в сохранении существующих порядков, т. е. имперская власть, духовные и частично светские князья, более богатые слои дворянства, прелаты и городской патрициат, под знаменем *бюргерско-умеренной лютеровской* реформы объединились собственнические элементы оппозиции — масса низшего дворянства, бюргерство и даже часть светских князей, рассчитывавших обогатиться посредством конфискации церковных имуществ и стремившихся использовать удобный случай для завоевания большей независимости от империи. Наконец, крестьяне и плебеи объединились в *революционную* партию, требования и доктрины которой резче всего были сформулированы Мюнцером.

Лютер и Мюнцер по своим доктринам, а также по своему характеру и по своим выступлениям являются каждый полным воплощением своей партии.

За период от 1517 до 1525 г. *Лютер* проделал ту же эволюцию, которую современные немецкие конституционалисты проделали в период от 1846 до 1849 г. и которую проделывает всякая буржуазная партия, оказавшаяся временно во главе движения и обгоняемая в ходе этого движения находящейся позади нее плебейской или пролетарской партией.

Когда в 1517 г. Лютер впервые выступил против догматов и строя католической церкви, его оппозиция не имела еще сколько-нибудь определенного характера. Не выходя за пределы требований прежней бюргерской ереси, она не исключала также ни одного более радикального направления, да и не могла этого делать. В первый момент необходимо было, чтобы все оппозиционные элементы оказались объединенными, нужно было пустить в ход самую решительную революционную энергию, нужно было противопоставить католическому правотеверию всю массу существовавших до того времени ересей. Точно таким же образом наши либеральные буржуа еще в 1847 г. были революционными, называли себя социалистами и коммунистами и носились с идеями эмансипации рабочего класса. В этот первый период деятельности Лютера его сильная крестьянская натура проявляла себя самым бурным образом. «Если их (т. е. римских попов) неистовое бешенство будет продолжаться и далее, то вряд ли, думается мне, найдется иное хорошее средство его обуздать, кроме одного: королям и князьям прибегнуть к силе, снарядиться и напасть на этих вредных людей, которые отравляют весь мир, и раз навсегда *оружием, а не словами* положить конец их игре. Если мы караем воров мечом, убийц виселицей, а еретиков огнем, то не должны ли мы тем скорее напасть на этих вредоносных учителей пагубы, на пап, кардиналов, епископов и всю остальную свору римского Содома, напасть на них *со всевозможным оружием в руках и омыть наши руки в их крови?*»

Но этот первый революционный пыл оказался непродолжительным. Молния, которую метнул Лютер, попала в цель. Весь немецкий народ пришел в движение. С одной стороны, крестьяне и плебеи увидели в его воззваниях против попов, в его проповеди христианской свободы сигнал к восстанию; с другой стороны, к нему примкнули более умеренные бюргеры и значительная часть низшего дворянства; общий поток увлек за собой даже самих князей. Одни думали, что настал день для того, чтобы свести счеты со всеми своими угнетателями, другие желали лишь положить конец могуществу попов и зависимости от Рима, уничтожить католическую иерархию и обогатиться посредством конфискации церковных имуществ. Партии размежевались и обрели своих представителей. Лютер должен был сделать выбор между ними. Он, протеже курфюрста Саксон-

ского, почтенный виттенбергский профессор, ставший в одну ночь могущественным и знаменитым, великий человек, окруженный целой свитой ставленников и льстецов, не колебался ни одной минуты. Он отрекся от народных элементов движения и перешел на сторону бюргеров, дворян и князей. Его призывы к истребительной войне против Рима замолкли; Лютер стал теперь проповедовать *мирное развитие и пассивное сопротивление* (ср., например, «К дворянству немецкой нации», 1520 г. и т. д.). На приглашение Гуттена явиться к нему и Зиккингену в Эбернбург, центр дворянского заговора против попов и князей, Лютер ответил: «Я не хотел бы, чтобы евангелие *проповедовалось насильем и пролитием крови*. Слово победило мир, благодаря слову сохранилась церковь, словом же она и возродится, а антихрист, как он добился своего без насилия, без насилия и падет».

Этот поворот или, вернее, это более точное определение направления Лютера положило началом торгам и переторжкам вокруг подлежащих сохранению или реформированию учреждений и догматов, тем отвратительным дипломатическим проискам, соглашательству, интригам и сделкам, результатом которых и явилось Аугсбургское вероисповедание, эта выторгованная в конце концов конституция реформированной бюргерской церкви¹. Это было такое же барышничество, как и то, которое в политической форме с тошнотворной точностью повторилось совсем недавно в немецких национальных собраниях, согласительных собраниях, в палатах по пересмотру конституции и Эрфуртском парламенте². Мещанский характер официальной реформации в этих переговорах обнаружился самым явным образом.

То, что Лютер, сделавшийся с этого момента официальным представителем бюргерской реформы, стал проповедником прогресса в рамках закона, имело серьезные причины. Большинство

¹ *Аугсбургское вероисповедание* — изложение основ лютеранства, представленное в 1530 г. императору Карлу V на имперском сейме в Аугсбурге; явилось результатом приспособления бюргерских идеалов дешевой церкви (упразднение пышных обрядов, упрощение церковной иерархии и т. д.) к интересам князей. Главой церкви объявлялся вместо папы князь. Аугсбургское вероисповедание было отвергнуто императором. Война с ним князей, принявших лютеранскую реформацию и образовавших для ее защиты Шмалькальденский союз, окончилась в 1555 г. Аугсбургским религиозным миром, утвердившим право каждого князя определять по своему усмотрению религию своих подданных. *Ред.*

² Имеется в виду заседавший в Эрфурте с 20 марта по 29 апреля 1850 г. парламент из представителей германских государств, входивших в созданную Пруссией «Германскую унию». Парламент занимался разработкой планов объединения Германии под верховенством контрреволюционной Пруссии, потерпевших в тот период провал. Распад «Германской унии» положил конец существованию Эрфуртского парламента. *Ред.*

городов перешло на сторону умеренной реформы; низшее дворянство все больше присоединялось к ней; часть князей была за нее, другая колебалась. Ее успех можно было считать обеспеченным, по крайней мере, в значительной части Германии. Если бы мирное развитие продолжалось и в дальнейшем, остальные области не смогли бы долгое время сопротивляться напору умеренной оппозиции. Всякое же насильственное потрясение должно было привести к конфликту умеренной партии с крайней — плебейско-крестьянской, должно было оттолкнуть от движения князей, дворянство и многие города; осталось бы только два вероятных исхода: либо крестьяне и плебеи взяли бы верх над бюргерской партией, либо все прогрессивные партии оказались бы раздавленными католической реставрацией. А как буржуазные партии, одержав хотя бы самую скромную победу, пытаются при помощи прогресса в рамках закона лавировать между спиллой революции и харибдой реставрации, тому мы имели не мало примеров за последнее время.

Так как в силу общих социальных и политических условий того времени результаты всякого изменения неизбежно должны были пойти на пользу князьям и увеличить их власть, то и бюргерская реформа, чем резче отделялась она от плебейских и крестьянских элементов, тем все более и более должна была подпасть под контроль принявших реформацию князей. Сам Лютер все больше становился их холопом, и народ ясно отдавал себе в этом отчет, когда говорил, что Лютер стал таким же княжеским прислужником, как и другие, и когда в Орламюнде он проводил Лютера градом камней.

Когда вспыхнула крестьянская война, и притом в местностях, где князья и дворяне были большей частью католиками, Лютер попытался выступить в роли посредника. Он решительно обрушился на власти. Они сами своими притеснениями вызвали восстание; против них возмутились не крестьяне, а сам бог. Но, с другой стороны, разумеется, и восстание также есть антибожеское дело и противно евангелию. В конце концов он призвал обе стороны к взаимным уступкам и предложил им покончить дело полюбовно.

Однако вопреки этим благонамеренным посредническим предложениям восстание стало быстро распространяться, охватив даже протестантские, подвластные лютеранским князьям, дворянам и городам области, и быстро переросло бюргерскую «благоразумную» реформу. В непосредственной близости от Лютера, в Тюрингии, устроила свою штаб-квартиру наиболее решительная партия среди повстанцев, возглавляемая Мюнцером. Еще несколько успехов, и вся Германия была бы охвачена пламенем, Лютер был бы окружен и, возможно, прогнан

сквозь пики как предатель, а вся бюргерская реформа была бы сметена бурным потоком крестьянско-плебейской революции. Для раздумья больше не было времени. Перед лицом революции все старые раздоры были забыты; по сравнению с толпами крестьян слуги римского Содома были невинными агнцами, кроткими сынами божьими; бюргеры и князья, дворяне и попы, Лютер и папа соединились «против кровожадных и разбойничьих шаек крестьян»¹. «Каждый, кто может, должен рубить их, душить и колоть, тайно и явно, так же, как убивают бешеную собаку, — восклицает Лютер... — Поэтому, возлюбленные господа, придите на помощь, спасайте; коли, бей, дави их, кто только может, и если кого постигнет при этом смерть, то благо ему, ибо более блаженной смерти и быть не может». Не следует только проявлять к крестьянам ложного милосердия. Люди, проявляющие жалость к тем, кого сам бог не только не жалеет, но хочет наказать и погубить, сами присоединяются к бунтовщикам. Впоследствии и сами крестьяне научатся благодарить бога за то, что, отдав одну корову, они могут мирно пользоваться другой; князьям же восстание покажет, каков дух у черни, управлять которой надлежит только силой. «Мудрец говорит: *sibum, onus et virgam asino*²; с крестьян довольно и овсяной мякины; они не слушают слова и неразумны — пусть же внушат им послушание кнут и ружье, они сами того заслужили. Мы должны молиться за них, дабы они покорились; не будет этого, то не должно быть места и для милосердия. Пусть скажут им тогда свое слово ружья, иначе они наделают в тысячу раз больше бед».

Совершенно таким же языком заговорили наши блаженной памяти социалистические и филантропические буржуа, когда пролетариат после мартовских дней потребовал своей доли в плодах победы.

Своим переводом библии Лютер дал в руки плебейскому движению мощное оружие. Посредством библии он противопоставил феодализованному христианству своего времени скромное христианство первых столетий, распадающемуся феодальному обществу — картину общества, совершенно не знавшего многосложной, искусственной феодальной иерархии. Крестьяне всесторонне использовали это оружие против князей, дворянства и попов. Теперь Лютер обратил его против крестьян и составил на основании библии настоящий дифирамб установленной богом власти — дифирамб, лучше которого не в состоя-

¹ Под таким названием Лютер выпустил в мае 1525 г., в самый разгар крестьянской войны, злобный памфлет против крестьянского движения. *Ред.*

² *Лат.* — «пищу, кладь и кнут — ослу». *Ред.*

нии был когда-либо изготовить ни один блюдолиз абсолютной монархии. С помощью библии были санкционированы и княжеская власть божьей милостью, и безропотное повиновение, и даже крепостное право. Это было отречение не только от крестьянского восстания, но и от бунта самого Лютера против духовной и светской власти; Лютер, таким образом, предал князьям не только народное, но и бюргерское движение.

Нужно ли нам приводить имена тех буржуа, которые совсем недавно дали нам снова примеры подобного же отречения от своего собственного прошлого?

Противопоставим теперь бюргерскому реформатору Лютеру плебейского революционера *Мюнцера*.

Томас Мюнцер родился в *Штольберге*, у подножья Гарца, около 1498 года¹. Его отец, жертва произвола штольбергского графа, окончил, повидимому, свою жизнь на виселице. Уже пятнадцать лет от роду Мюнцер основал в школе в Галле тайный союз против архиепископа Магдебургского и римской церкви вообще. Его глубокие познания в тогдашней теологии рано обеспечили ему докторскую степень и место капеллана в женском монастыре в Галле. Здесь он проявляет уже величайшее презрение к церковным догматам и обрядам, совершенно опускает во время обедни слова о пресуществлении и ест, как рассказывает о нем Лютер, тело господне неосвященным. Главным предметом его изучения были сочинения средневековых мистиков, особенно хилиастические произведения Иоахима Калабрийского. Тысячелетнее царство, страшный суд над выродившейся церковью и развращенным миром, которые предсказывал и изображал этот писатель, казались Мюнцеру с началом реформации и характерного для того времени всеобщего возбуждения уже близкими. Его проповеди в окрестных деревнях встречали горячее одобрение. В 1520 г. он прибыл в качестве первого евангелического проповедника в Цвикау. Здесь он застал одну из тех экзальтированных хилиастических сект, которые продолжали тайно существовать во многих местностях; их временное смирение и уединение служили лишь прикрытием нараставшей оппозиции низших слоев общества существующему строю, и теперь, с ростом всеобщего возбуждения, они стали все более открыто и настойчиво давать о себе знать. Это была секта анабаптистов, во главе которой стоял Никлас *Шторх*. Они проповедовали приближение страшного суда и тысячелетнего царства; у них были «видения, экстазы и нисхождения пророческого духа». В скором времени у них возник конфликт с цвикауским советом. Мюнцер встал на их сторону, хотя он никогда

¹ Эту дату приводил Циммерман в первом издании своей работы. По уточненным впоследствии данным Томас Мюнцер родился около 1490 года. *Ред.*

безоговорочно к ним не примыкал и скорее сам подчинил их своему влиянию. Совет решительно выступил против анабаптистов; они вынуждены были покинуть город, а вместе с ними также и Мюнцер. Это произошло в конце 1521 года.

Мюнцер отправился в Прагу и, завязав сношения с сохранившимися последователями гуситского движения, попытался здесь обосноваться; но написанное им воззвание привело лишь к тому, что он должен был бежать также из Чехии. В 1522 г. он сделался проповедником в Альштедте, в Тюрингии. Здесь он начал свою деятельность с реформы богослужения. Он совершенно отменил латинский язык еще до того, как Лютер осмелился пойти так далеко, и распорядился читать народу не только воскресные тексты из евангелия и апостольских посланий, но и всю библию. В то же время он организовал пропаганду и в близлежащих местностях. Народ стекался к нему со всех сторон, и вскоре Альштедт стал центром народного движения против попов во всей Тюрингии.

Мюнцер все еще оставался прежде всего теологом; он все еще направлял свои удары почти исключительно против попов. Однако он не был проповедником спокойной дискуссии и мирного прогресса, каким уже тогда сделался Лютер, а продолжал прежние громовые проповеди Лютера, призывая саксонских князей и народ к вооруженному выступлению против римских попов. «Говорит же Христос: «Я пришел принести не мир, а меч». Что же вы (саксонские князья) должны сделать этим мечом? Не иначе, как устранить и уничтожить злых, преграждающих путь евангелию, если только вы хотите быть слугами господа. Христос строго-настрого повелел (Лука, гл. 19, 27): «Врагов моих приведите сюда и избежите передо мною»... Оставьте пустую болтовню, будто сила божья должна сделать это без помощи вашего меча, ибо, в противном случае, он заржавеет в ножнах. Тех, кто противится божественному откровению, следует убивать без всякого милосердия, подобно тому как Езекия, Кир, Иосия, Даниил и Илия сокрушили жрецов Ваала, ибо иначе христианская церковь не сможет вернуться к своим исконным началам. С наступлением жатвы следует вырвать плевелы из вертограда божья. Господь сказал (Пятая книга Моисея, гл. 7): «Не жалеите безбожников, разбейте их алтари, разбейте и сожгите идолы их, чтобы гнев мой не обрушился на вас»».

Но эти призывы к князьям оказались тщетными, тогда как среди народа революционное возбуждение продолжало с каждым днем нарастать. Мюнцер, идеи которого становились все более определенными, все более смелыми, решительно отмежевался теперь от бюргерской реформации и стал с той поры открыто выступать и как политический агитатор.

Его теолого-философские доктрины были направлены против всех основных догматов не только католицизма, но и христианства вообще. В христианской форме он проповедовал пантеизм, обнаруживающий замечательное сходство с современными спекулятивными воззрениями¹ и местами соприкасающийся даже с атеизмом. Он отказывался рассматривать библию как единственный и безупречный источник откровения. Настоящее и живое откровение, по его мнению, есть разум, откровение, которое существовало во все времена и у всех народов и которое существует до сих пор. Противопоставлять разуму библию значило бы убивать дух мертвой буквой, ибо святой дух, о котором говорит библия, не есть нечто, существующее вне нас; святой дух и есть наш разум. Вера является не чем иным, как пробуждением разума в человеке, и потому обладать верой могли и язычники. Посредством этой веры, посредством пробудившегося разума человек уподобляется божеству и достигает блаженства. Поэтому рай не является чем-то потусторонним, его нужно искать в этой жизни, и призвание верующих состоит в том, чтобы установить этот рай, т. е. царство божье, здесь на земле. Подобно тому как не существует потустороннего рая, не существует и потустороннего ада и вечного проклятия. Точно так же не бывает никакого другого дьявола, кроме дурных страстей и вождлений человека. Христос был таким же человеком, как и мы, пророком и учителем, и его таинство причащения есть лишь простая поминальная трапеза, во время которой едят хлеб и пьют вино без всякой мистической приправы.

Эти взгляды Мюнцер проповедовал, большей частью прикрывая их той же самой христианской фразеологией, которой долгое время должна была прикрываться и новейшая философия. Но основная архиеретическая мысль повсюду отчетливо выступает в его произведениях, и мы ясно видим, что он придавал этому библейскому покрову гораздо меньшее значение, чем многие ученики Гегеля в новейшее время. А между тем современную философию отделяют от Мюнцера целых три столетия.

Его политическая доктрина тесно примыкала к этим революционным религиозным воззрениям и так же далеко выходила за пределы тех общественных и политических отношений, которые были тогда непосредственно налицо, как и его теология выходила за пределы господствовавших в то время представлений. Подобно тому как религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму, его политическая программа была близка к коммунизму, и даже накануне февральской революции многие

¹ Энгельс имеет в виду взгляды немецкого философа-идеалиста Штрауса, а также Фейербаха, который в своих ранних произведениях выступал в вопросах религии как пантеист. *Ред.*

современные коммунистические секты не обладали таким богатым теоретическим арсеналом, каким располагали последователи Мюнцера в XVI веке. Эта программа, которая представляла собой не столько сводку требований тогдашних плебеев, сколько гениальное предвосхищение условий освобождения едва начинавших тогда развиваться среди этих плебеев пролетарских элементов, требовала немедленного установления царства божьего на земле — тысячелетнего царства, предсказанного пророками, — путем возврата церкви к ее первоначальному состоянию и устранения всех учреждений, находившихся в противоречии с этой якобы ранне-христианской, в действительности же совершенно новой церковью. Но под царством божьим Мюнцер понимал не что иное, как общественный строй, в котором больше не будет существовать ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной, противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти. Все существующие власти, в случае если они не подчинятся революции и не примкнут к ней, должны быть низложены, все промыслы и имущества становятся общими, устанавливается самое полное равенство. Для того чтобы осуществить все это не только во всей Германии, но и во всем христианском мире, нужно основать союз; князьям и дворянам следует предложить присоединиться к нему; если они этого не сделают, союз должен при первом удобном случае свергнуть их с помощью оружия или уничтожить.

Мюнцер немедленно принялся за организацию этого союза. Его проповеди становились все более пламенными и революционными. Не ограничиваясь уже нападками на попов, он с той же страстностью обрушился на князей, дворянство и патрициат, гневными словами изображал существующий гнет и противопоставлял ему свою фантастическую картину тысячелетнего царства социально-республиканского равенства. Одновременно он выпускал один революционный памфлет за другим, рассылал во все стороны своих эмиссаров и сам принялся за организацию союза в Альштедте и его окрестностях.

Первым плодом этой пропаганды было разрушение часовни св. Марии в Меллербахе под Альштедтом, согласно заповеди: «Разружьте их алтари, разбейте их столбы, сожгите их идолы, ибо вы священный народ» (Второзаконие, гл. 7, 6). Саксонские князья сами явились в Альштедт, чтобы прекратить волнения, и приказали вызвать Мюнцера в замок. Здесь он произнес проповедь, подобную которой им не приходилось выслушивать от Лютера, этой «сытно живущей плоти виттенбергской», как назвал его Мюнцер. Ссылаясь на Новый завет, он настаивал на том, чтобы безбожные правители, в особенности попы и монахи, поносящие евангелие как ересь, были истреблены. Безбожники не имеют права жить, разве

только по милости избранных. Если князья не истребят безбожников, то господь отнимет у них меч, *ибо сила меча принадлежит всей общине*. Главными виновниками ростовщичества, воровства и разбоя являются князья и дворяне; они присваивают себе всякое создание: рыбу в воде, птицу в воздухе, все произрастающее на земле. И после этого они еще проповедают беднякам заповедь: не укради. Сами же они забирают все, что только попадает под руку, грабят крестьянина и ремесленника, дерут с них шкуру; последним же стоит только совершить самый пустячный проступок, как их отправляют на виселицу, и ко всему этому доктор Люгнер¹ приговаривает: аминь. «Господа сами виновны в том, что бедняк становится их врагом. Они не хотят устранить причины возмущения; как же может, в конце концов, установиться мир? О, любезные господа, как славно господь перебьет железным посохом старые горшки! Истинно говорю вам, я буду возмущать народ. Прощайте!» (Ср. Циммерман. «Крестьянская война», ч. II, стр. 75²).

Мюнцер напечатал свою проповедь. В наказание за это его типограф в Альштедте должен был, по повелению герцога Иоганна Саксонского, покинуть страну, а все произведения самого Мюнцера были объявлены подлежащими цензуре герцогского правительства в Веймаре. Но Мюнцер не обратил внимания на этот приказ. Он немедленно же напечатал в имперском городе Мюльхаузене чрезвычайно мятежное сочинение³, в котором он призывал народ «расширить брешь, чтобы весь мир мог увидеть и понять, что представляют из себя наши важные господа, столь нечестиво превратившие бога в размалеванного человечка». Он закончил это сочинение словами: «Великое потрясение предстоит выдержать всему миру; разыграется такое представление, что безбожники будут низвергнуты; а униженные возвышены». В качестве эпиграфа «Томас Мюнцер с молотом» привел на заглавном листе следующее: «Знай, я вложил мои слова в уста твои, я поставил тебя сегодня над людьми и царствами для того, чтобы ты искоренял, разрушал, рассеивал и разбивал и чтобы ты строил и насаждал. Воздвигнута железная

¹ Мюнцер имеет в виду Лютера; игра слов — «люгнер» (Lügner) по-немецки означает «лжец». *Ред.*

² См. русское издание книги Циммермана «История крестьянской войны», т. I, Москва 1937, стр. 145. *Ред.*

³ Энгельс имеет в виду памфлет Мюнцера, вышедший в Мюльхаузене в 1524 году под названием: «Открытое опровержение ложной веры несправедливого мира на основании свидетельства евангелия от Луки, изложенное бедному и несчастному христианству в качестве напоминания об его заблуждении» (Ausgedrückte Entblössung des falschen Glaubens der ungetreuen Welt durchs Zeugnis des Evangelions Lucae, vorgetragen der elenden erbärmlichen Christenheit zur Erinnerung ihres Irrsals. Thomas Müntzer mit dem Hammer. Mühlhausen M. D. XXIIII). *Ред.*

стена против королей, князей и попов и против народа. Пусть же они вступят в борьбу, и победа чудесным образом приведет к гибели могущественных безбожных тиранов»¹.

Разрыв Мюнцера с Лютером и его партией назрел уже давно. Лютер был вынужден сам принять ряд церковных реформ; которые Мюнцер ввел, не спрашиваясь его. Он следил за деятельностью Мюнцера с раздражением и недоверием умеренного реформатора к более энергичной и радикальной партии. Уже весной 1524 г. Мюнцер написал Меланхтону, этому прообразу филистерского, чахлого кабинетного ученого, обвиняя его и Лютера в полном непонимании движения. Они стремятся задушить его с помощью слепой веры в библейскую букву, и все их учение источено червями. «Дорогие братья, оставьте ваши ожидания и колебания, время наступило, лето уже на пороге. Не поддерживайте дружбы с безбожниками; они препятствуют тому, чтобы слово действовало с полной силой. Не льстите вашим князьям, иначе вы сами погибнете вместе с ними. Вы, изнеженные ученые-книжники, не гневайтесь на меня, я не могу поступать иначе».

Лютер неоднократно вызывал Мюнцера на диспут; но последний, готовый в любой момент принять бой перед народом, не имел ни малейшего желания пускаться в богословский спор перед предубежденной публикой Виттенбергского университета. Он не хотел превращать «свидетельство духа в привилегию высшей школы». Если Лютер искренен, то пусть он использует свое влияние для того, чтобы прекратить преследования типографа Мюнцера и цензурные запреты, дабы спор мог быть беспрепятственно разрешен в печати.

И вот, после издания упомянутой революционной брошюры Мюнцера, Лютер открыто выступил с доносом на него. В своем печатном «Письме к саксонским князьям против мятежного духа» Лютер объявил Мюнцера орудием сатаны и призвал князей вмешаться и изгнать из страны возбудителей мятежа, так как они не довольствуются одной лишь проповедью своих вредных учений, по призывают к восстанию и насильственному противодействию властям.

Первого августа Мюнцер должен был держать ответ перед князьями в Веймарском замке по обвинению в подстрекательстве к мятежу. Против него имелись в высшей степени компрометирующие факты: попали на след его тайного союза, было обнаружено, что он приложил руку к созданию объединений среди рудокопов и крестьян. Ему пригрозили изгнанием. Едва

¹ В эпиграфе к своему сочинению Мюнцер перефразировал слова из книги пророка Иеремии (Ветхий завет), вложив в них революционное содержание. *Ред.*

успев вернуться в Альштедт, он узнал, что герцог Георг Саксонский требует его выдачи: были перехвачены написанные его рукой письма союза, в которых он призывал подданных Георга к вооруженному сопротивлению врагам евангелия. Если бы он не покинул города, он был бы выдан городским советом.

Между тем все более возраставшее возбуждение среди крестьян и плебеев чрезвычайно благоприятствовало мюнцеровской пропаганде. Для этой пропаганды Мюнцер нашел неоценимых агентов в лице анабаптистов. Члены этой секты, не имея никаких определенных положительных догматов, связанные только общей оппозицией против всех господствующих классов и общим символом вторичного крещения, аскетически строгие в образе жизни, неутомимые, фанатичные и бесстрашные в своей агитации, все более и более спланивались вокруг Мюнцера. Лишенные из-за преследований какого-либо определенного места жительства, они бродили по всей Германии, всюду возвещая новое учение, в котором Мюнцер разъяснил им их собственные потребности и стремления. Несчетное число их было замучено пытками, сожжено или подвергнуто другим видам казни; но мужество и выдержка этих эмиссаров оставались непоколебимыми, и успех их деятельности при быстром росте народного возбуждения был необычайно велик. Поэтому после своего бегства из Тюрингии Мюнцер нашел почву везде подготовленной и мог обратиться куда хотел.

Под Нюрнбергом, куда первоначально направился Мюнцер¹, примерно за месяц до его прибытия было в зародыше подавлено крестьянское восстание. Мюнцер начал здесь тайную агитацию; вскоре стали появляться люди, защищавшие его самые смелые богословские положения относительно необязательности библии и недействительности таинств; они объявили Христа простым человеком, а власть светских господ безбожной. «Тут бродит сатана, дух из Альштедта!», — воскликнул Лютер. Здесь, в Нюрнберге, Мюнцер напечатал свой ответ Лютеру². Он прямо обвинил его в том, что тот льстит

¹ По уточненным впоследствии данным Мюнцер направился сначала в имперский город Мюльхаузен, откуда он был изгнан в начале сентября 1524 г. за участие в волнениях городских низов. Из Мюльхаузена Мюнцер прибыл в Нюрнберг. *Ред.*

² Печатный ответ Мюнцера Лютеру носил название: «Хорошо обоснованная защитная речь и ответ безбожной, сытно живущей плоти виттенбергской, которая посредством извращений и жульнических искажений священного писания постыднейшим образом осквернила несчастное христианство» (*Hoch verursachte Schutzrede und Antwort wider das geistlose, sanftlebende Fleisch zu Wittenberg, welches mit verkehrter Weise durch den Diebstahl der heiligen Schrift die erbärmliche Christenheit also ganz jämmerlich besudelt hat. Thomas Müntzer Allstedter. Anno M. D. XXIII*). *Ред.*

князьям и своей половинчатостью поддерживает реакционную партию. Но невзирая на это, народ все же добьется свободы, и доктор Лютер окажется тогда в положении пойманной лисы. — Совет наложил на это сочинение запрет, и Мюнцер был вынужден покинуть Нюрнберг.

Отсюда он отправился через Швабию в Эльзас, Швейцарию и обратно в верхний Шварцвальд, где уже за несколько месяцев до того вспыхнуло восстание, ускоренное в значительной мере его анабаптистскими эмиссарами. Эта пропагандистская поездка Мюнцера, несомненно, существенным образом способствовала организации народной партии, четкому определению ее требований и, наконец, началу всеобщего восстания в апреле 1525 года. Здесь особенно отчетливо выступают обе стороны деятельности Мюнцера: с одной стороны — среди народа, к которому он обращался на единственно тогда понятном массам языке религиозного пророчества, и, с другой стороны — среди посвященных, которым он мог открыто говорить о своих конечных стремлениях. Если еще раньше, в Тюрингии, он сумел собрать вокруг себя группу наиболее решительных людей, выходцев не только из народа, но также из низшего духовенства, и поставить их во главе тайного союза, то теперь он становится средоточием всего революционного движения Юго-западной Германии, организатором объединения, распространявшегося от Саксонии и Тюрингии, через Франконию и Швабию, вплоть до Эльзаса и швейцарской границы. Теперь среди его учеников и руководителей союза мы видим целый ряд южногерманских агитаторов, большей частью революционных священников: Губмайера в Вальдсхуте, Конрада Гребеля из Цюриха, Франца Рабмана в Гриссене, Шашпелера в Меммингене, Якоба Вез в Лейпгейме, доктора Мантеля в Штутгарте. Сам он большей частью оставался в Гриссене, на шафхаузенской границе, объезжая отсюда Гегау, Клетгау и другие места. Кровавые преследования, которые встревоженные князья и дворяне повсюду предприняли против этой новой плебейской ереси, не мало содействовали усилению революционного духа и более тесному сплочению союза. Так агитировал Мюнцер около пяти месяцев в Верхней Германии; когда же приблизился момент осуществления заговора, он вернулся в Тюрингию, где он хотел сам руководить восстанием и где мы с ним опять встретимся.

Мы увидим, как верно отражали характер и поведение обоих партийных вождей позицию самих партий, насколько нерешительность Лютера, его страх перед принимавшим все более серьезный характер движением и трусливое угодничество перед князьями соответствовали колеблющейся и двусмысленной политике бюргерства и как революционная энергия

и решимость Мюнцера воспроизводились среди наиболее развитой части плебеев и крестьян. Различие состояло лишь в том, что, в то время как Лютер довольствовался выражением взглядов и стремлений большинства своего класса и благодаря этому приобрел среди него чрезвычайно дешевую популярность, Мюнцер, напротив, пошел значительно дальше обычных представлений и непосредственных требований плебеев и крестьян и только из избранной части тогдашних революционных элементов создал партию, которая, поскольку она стояла на уровне его идей и разделяла его энергию, всегда оставалась лишь незначительным меньшинством восставшей массы.

III

Приблизительно через пятьдесят лет после подавления гуситского движения появились первые признаки зарождающегося революционного духа среди немецкого крестьянства*.

В Вюрцбургском епископстве, области, уже ранее разоренной гуситскими войнами, «дурным управлением, многочисленными налогами, поборами, феодальными усобицами, враждой, войной, пожарами, убийствами, арестами и т. п.»¹ и непрерывно подвергавшейся самому бесстыдному грабежу со стороны епископов, попов и дворян, в 1476 г. возник первый крестьянский заговор. Молодой пастух и музыкант, *Ганс Бёхайм из Никласхаузена*, называвшийся также Барабанщиком и *Гансом Дударем*, внезапно выступил в долине Таубера в качестве пророка. Он рассказывал, что ему явилась пречистая дева Мария и повелела ему сжечь его барабан, перестать служить танцам и греховным наслаждениям и призвать народ к покаянию. Пусть каждый поэтому раскается в своих грехах и откажется от суетных мирских удовольствий, снимет с себя все украшения и драгоценности и отправится паломником к матери божьей в Никласхаузен испросить себе прощение своих грехов.

Уже здесь, у этого первого предшественника движения, мы находим тот аскетизм, который мы обнаруживаем во всех средневековых восстаниях, посивших религиозную окраску, и в новейшее время на начальной стадии каждого пролетарского движения. Эта аскетическая строгость нравов, это требование отказа от всех удовольствий и радостей жизни, с одной стороны, означает выдвижение против господствующих

* Мы следуем в своей хронологии данным Циммермана, на которые мы вынуждены целиком положиться ввиду отсутствия за границей достаточных источников и которыми можно вполне удовлетвориться для целей настоящей работы. *Примечание Энгельса к изданию 1850 года.*

¹ Энгельс цитирует приводимый Циммерманом отрывок из рукописи XV века, хранящейся в Вюрцбургском архиве. *Ред.*

классов принципа спартанского равенства, а с другой — является необходимой переходной ступенью, без которой низший слой общества никогда не может притти в движение. Для того чтобы развить свою революционную энергию, чтобы самому осознать свое враждебное положение по отношению ко всем остальным общественным элементам, чтобы объединиться как класс, низший слой должен начать с отказа от всего того, что еще может примирить его с существующим общественным строем, отречься от тех немногих наслаждений, которые минутами еще делают сносным его угнетенное существование и которых не может лишить его даже самый суровый гнет. Этот *плебейский и пролетарский аскетизм* как по своей неистово-фанатической форме, так и по своему содержанию резко отличается от бюргерского аскетизма в том виде, как его проповедовали бюргерская лютеранская мораль и английские пуритане (в отличие от индепендентов ¹ и других более радикальных сект) и весь секрет которого состоит в *буржуазной бережливости*. Впрочем, само собой разумеется, что этот плебейско-пролетарский аскетизм теряет свой революционный характер, по мере того как, с одной стороны, развиваются современные производительные силы, безгранично увеличивая средства потребления и делая тем самым ненужным спартанское равенство, и, с другой стороны, становятся все более революционными условия жизни пролетариата, а вместе с ними и сам пролетариат. Тогда массы постепенно освобождаются от аскетизма, а у цепляющихся за него сектантов он вырождается либо непосредственно в буржуазную скредность, либо в ходульную добродетель, которая на практике также сводится к мещанскому или ремесленническому скряжничеству. Масса пролетариата менее всего нуждается в проповеди отречения от земных благ, хотя бы уже потому, что у нее не осталось почти ничего, от чего бы она могла еще отречься.

Проповедь покаяния, с которой выступил Ганс Дударь, встретила живейший отклик; все мятежные пророки начинали с нее, и, действительно, лишь величайшее напряжение, лишь внезапный отказ от всего привычного образа жизни могли при-

¹ *Индепенденты* (сторонники религиозной независимости) — религиозно-политическое течение, возникшее в Англии во второй половине XVI в. и явившееся формой оппозиции абсолютизму и государственной англиканской церкви со стороны значительной части торговой и промышленной буржуазии и «нового» обуржуазившегося дворянства. В период английской буржуазной революции XVII в. индепенденты сплотились в особую политическую партию, завоевавшую в конце 1648 г. власть. Широкие круги городской мелкой буржуазии и крестьянства, которые первоначально примыкали к индепендентам, в годы революции сгруппировались вокруг революционно-демократической партии левеллеров (сторонников политического равенства). Движение левеллеров было подавлено индепендентским правительством. *Ред.*

вести в движение этот распыленный, разбросанный мелкими группами, приученный с детства к слепому повиновению крестьянский люд. Начались паломничества в Никласхаузен, быстро принявшие широкие размеры; и чем многочисленнее были толпы стекавшегося сюда народа, тем откровеннее раскрывал свои планы юный бунтарь. Никласхаузенская божья мать, проповедовал он, объявила ему, что впредь не должно быть ни императора, ни князей, ни папы, ни каких-либо других духовных или светских властей; все должны стать друг другу братьями, каждый должен зарабатывать свой хлеб трудом своих рук и никто не должен иметь больше другого. Все чинши, оброки, барщины, пошлины, подати и остальные поборы и повинности должны быть отменены навсегда, а леса, воды и пастбища должны повсеместно стать свободными.

Народ с радостью принял это новое евангелие. Слава о пророке, «посланце владычицы нашей», быстро распространялась; к нему стали стекаться толпы паломников из Оденвальда, с Майна, Кохера и Ягста и даже из Баварии, Швабии и с Рейна. Рассказывали друг другу про совершенные им будто бы чудеса; перед ним падали на колени, к нему обращались с молитвами, как к святому, оспаривали друг у друга клочки его шапки, как будто это были реликвии или амулеты. Напрасно выступали против него попы, изображая его видения дьявольским навождением, а его чудеса — адским обманом. Масса верующих росла с огромной быстротой, стала образовываться революционная секта, воскресные проповеди мятежного пастуха собирали в Никласхаузене до сорока тысяч и более человек.

Несколько месяцев проповедовал Ганс Дударь перед масса-ми. Но он не был намерен ограничиться одной только проповедью. Он находился в тайных сношениях с никласхаузенским священником, а также с двумя рыцарями, Кунцом фон Тупфельдом и его сыном, которые присоединились к новому учению и должны были стать военными предводителями предполагавшегося восстания. Наконец, в воскресенье, накануне дня св. Килиана, когда ему показалось, что он уже пользуется достаточно сильным влиянием, он подал сигнал к восстанию. «А теперь, — закончил он свою проповедь, — идите по домам и обдумайте то, что возвестила вам пресвятая мать божья; пусть в ближайшую субботу жены, дети и старики останутся дома, а сами вы, мужчины, приходите снова сюда, в Никласхаузен, в день св. Маргариты, иными словами в ближайшую субботу, и приведите с собой своих братьев и друзей, сколько бы их ни было. Но приходите сюда не с посохом странника, а в доспехах и с оружием, — со свечой паломника в одной руке, с мечом, пикой или алебардой в другой. И святая дева объявит вам тогда свою волю, которую вы должны будете исполнить».

Но, прежде чем успели собраться массы крестьян, всадники епископа под покровом ночи захватили мятежного пророка и привезли его в Вюрцбургский замок. В назначенный день собралось около 34 000 вооруженных крестьян, но известие о случившемся подействовало на них удручающим образом. Большая часть разбежалась; более посвященным удалось удержать около 16 000, с которыми они и двинулись под предводительством Кунца фон Тунфельда и его сына Михаэля к замку. С помощью разных обещаний епископ уговорил их уйти; но как только они начали расходиться, на них напала конница епископа и многие были захвачены в плен. Двое были обезглавлены, сам же Ганс Дударь сожжен. Кунц фон Тунфельд должен был бежать и лишь ценой уступки всех своих имений епископу был снова признан его вассалом. Паломничества в Никласхаузен в течение некоторого времени еще продолжались, но в конце концов также были насильственно прекращены.

После этой первой попытки в Германии снова наступило на довольно продолжительное время затишье. Новые заговоры и восстания крестьян начались лишь в 90-ых годах.

Мы не будем останавливаться на голландском восстании крестьян в 1491—1492 гг., которое было подавлено лишь герцогом Альбрехтом Саксонским в битве при Геемскерке, на произошедшем одновременно восстании крестьян Кемптенского аббатства в Верхней Швабии и на фризском восстании 1497 г. под предводительством Сиарда Айльвы, подавленном также Альбрехтом Саксонским. Эти восстания отчасти слишком удалены от арены собственно крестьянской войны, отчасти же представляют собой борьбу до сих пор свободного крестьянства против попытки навязать ему феодализм. Мы прямо перейдем к двум большим заговорам, которые подготовили крестьянскую войну: к заговору «Баиммака» и заговору «Бедного Конрада».

Та самая дороговизна, которая вызвала крестьянское восстание в Нидерландах, привела в 1493 г. в Эльзасе к образованию тайного союза крестьян и плебеев, в котором приняли также участие и люди, принадлежавшие к чисто бюргерской оппозиции, и к которому относилась более или менее сочувственно даже часть низшего дворянства. Ареной деятельности союза была область вокруг Шлетштадта, Зульца, Дамбаха, Росгейма, Шервейлера и т. д. Заговорщики требовали разграбления и истребления ростовщиков, которые уже тогда, так же как и теперь, высасывали все соки у эльзасских крестьян, установления юбилейного года, с наступлением которого должны были утрачивать свою силу все долговые обязательства, отмены пошлин, акцизов и других налогов, упразднения перковного и ротвейльского (имперского) судов, признания права

сословий утверждать налоги, запрещения попам иметь каждому более одного прихода, приносящего 50—60 гульденов дохода, отмены тайной исповеди и введения в каждой общине собственного, избираемого самой общиной, суда. План заговорщиков был таков: когда союз достаточно окрепнет, напасть на укрепления Шлетштадта, конфисковать монастырскую и городскую казну и поднять отсюда восстание во всем Эльзасе. На союзном знамени, которое должно было быть развернуто в момент восстания, был изображен крестьянский башмак с длинными ремнями, так называемый *Bundschuh*, ставший с тех пор символом для крестьянских заговоров ближайших двадцати лет и давший им свое имя.

Собрания заговорщиков происходили обычно ночью на уединенной Голодной горе. Прием в союз был связан с самыми таинственными церемониями и предупреждениями о самых суровых наказаниях за измену. Тем не менее заговор был раскрыт как раз в тот момент, когда должно было быть совершено нападение на Шлетштадт, в страстную неделю 1493 года. Власти приняли срочные меры; многие заговорщики были схвачены и подвергнуты пыткам; некоторых из них четвертовали или обезглавили, у других отрубили пальцы или руки, после чего они были изгнаны из страны. Большое число заговорщиков бежало в Швейцарию.

Однако после этого первого разгрома «Башмак» отнюдь не был уничтожен. Напротив, он продолжал тайно существовать; многочисленные, рассеянные по Швейцарии и Южной Германии беглецы превратились в его столь же многочисленных эмиссаров, которые, встречая везде одинаковый гнет и одинаковую готовность к восстанию, распространили «Башмак» по всей территории современного Бадена. Стойкость и упорство верхненемецких крестьян поистине заслуживают восхищения: в течение тридцати лет, начиная с 1493 г., они организовывали тайные заговоры, преодолевали все обусловленные их территориально-распыленным образом жизни препятствия к созданию более крупного и централизованного союза и после всех бесчисленных провалов, поражений и казней вожаков снова и снова возрождали свои заговорщические организации, пока, наконец, не наступил удобный момент для массового восстания.

В 1502 г. появились первые признаки тайного крестьянского движения в епископстве Шпейерском, которое тогда охватывало и область Брукзалея. Союз «Башмака» здесь действительно был успешно реорганизован. В нем состояло около 7 000 человек; его центр находился в Унтергромбахе, между Брукзалем и Вейнгартеном, отдельные же ветви простирались вниз по Рейну до Майна, а вверх — вплоть до маркграфства Баденского. Статьи его программы содержали следующие

требования: никаких чиншей, десятин, налогов и пошлин не должно больше уплачиваться князьям, дворянству и попам; крепостная зависимость должна быть отменена; монастырские и вообще все церковные имения должны быть конфискованы и разделены среди народа; наконец, не следует признавать никаких других властителей, кроме императора.

Мы здесь впервые встречаем у крестьян требование секуляризации церковных имений в пользу народа и требование единой и неделимой германской монархии. С этих пор оба эти требования каждый раз регулярно выдвигаются более развитой частью крестьян и плебеев, пока, наконец, Томас Мюнцер не превращает раздела церковных имений в их конфискацию ради установления общности имущества, а требование единой германской империи в требование единой и неделимой германской республики.

Возрожденный союз «Башмака» имел, как и прежний, свое тайное место для собраний, свой обет молчания, свои церемонии при приеме новых членов и свое союзное знамя с надписью: «Ничего, кроме божьей справедливости!». План действий имел сходство с планом эльзасцев; предполагалось внезапно захватить Брухзаль, большинство жителей которого принадлежало к союзу, организовать здесь союзное войско и направить его в качестве подвижного собирательного центра в окрестные княжества.

План был выдан священником, которому сообщил о нем на исповеди один из заговорщиков. Правительства немедленно приняли меры против заговора. Насколько далеко распространились разветвления тайного союза, показывает тот страх, который охватил различные имперские сословия в Эльзасе, а также Швабский союз¹. Были стянуты войска и произведены массовые аресты. Император Максимилиан, «последний рыцарь», издал кровожаднейшие карательные указы против неслыханной затеи крестьян. В отдельных местах дело дошло до образования крестьянских отрядов и вооруженного сопротивления; но разрозненные отряды крестьян не могли долго продержаться. Некоторые заговорщики были казнены, многие бежали; все же тайна была столь хорошо сохранена, что большинство заговорщиков и даже вожakov смогло остаться

¹ Швабский союз князей, дворян и патрицианской верхушки имперских городов Юго-западной Германии был основан в 1488 году. Главной целью его была борьба против крестьянского и плебейского движения. Руководившие этим реакционным объединением южно- и западнонемецкие князья стремились также использовать его для установления своей олигархической власти над Германией. Союз имел собственные административно-судебные органы и войско. В 1534 г. в результате внутренних раздоров он распался. *Ред.*

невредимым либо в своих родных местах, либо во владениях соседних господ.

После этого нового поражения опять наступило кажущееся длительное затишье в классовой борьбе. Но втихомолку работа продолжалась. В Швабии уже в первые годы XVI столетия возник союз «*Бедного Конрада*», повидимому, в связи с деятельностью рассеявшихся членов «*Башмака*»; в Шварцвальде «*Башмак*» продолжал существовать в виде отдельных мелких кружков, пока через десять лет одному энергичному крестьянскому вождю не удалось снова связать отдельные нити в один большой заговор. Оба заговора выступают наружу, один вскоре после другого, в бурные 1513—1515 годы, когда одновременно происходит ряд крупных восстаний швейцарских, венгерских и словенских крестьян.

На верхнем Рейне «*Башмак*» был восстановлен бывшим солдатом *Йоссом Фрицем* из Унтергромбаха, бежавшим после раскрытия заговора 1502 г. и представлявшим собой во всех отношениях выдающуюся личность. После своего бегства он жил в разных местах между Боденским озером и Шварцвальдом и, в конце концов, поселился в Леэне около Фрейбурга брейсгауского, где даже получил место лесного сторожа. Следственные акты содержат чрезвычайно интересные подробности относительно того, как ему удалось отсюда реорганизовать союз, как искусно вовлек он в него самых разнообразных людей. Благодаря дипломатическому таланту и железной выдержке этого образцового заговорщика в союз было втянуто необычайно большое количество лиц, принадлежавших к самым различным классам: рыцарей, священников, бюргеров, плебеев и крестьян; весьма вероятно, что он организовал даже несколько более или менее резко обособленных друг от друга ступеней заговора. Все пригодные элементы были использованы с величайшей осмотрительностью и искусством. Кроме более посвященных эмиссаров, которые, по-разному переодевшись, обходили страну вдоль и поперек, для второстепенных поручений были привлечены бродяги и нищие. Йосс установил непосредственную связь с королями нищих и через них имел в своем распоряжении всю многочисленную массу бродяг. Эти короли нищих играли в его заговоре значительную роль. Они представляли собой чрезвычайно оригинальные фигуры. Один из них странствовал в сопровождении девочки с якобы искалеченными ногами и собирал в ее пользу милостыню. У него на шапке было более восьми священных эмблем («четырнадцать святых заступников», св. Оттилия, пречистая дева и т. д.); при этом он носил длинную рыжую бороду и держал при себе массивную дубину с кинжалом и шипом. Другой попрошайничал во имя св. Валентина, торговал пряностями

и цитварным семенем, носил длинный кафтан цвета железа, красный берет с триентским младенцем, шпагу на боку, несколько ножей и кинжал за поясом; некоторые выставляли напоказ искусственно растравляемые раны и носили подобные же причудливые костюмы. Их было самое меньшее десять человек; они должны были за вознаграждение в 2 000 гульденов произвести поджоги одновременно в Эльзасе, маркграфстве Баденском и Брейсгау, явиться в Розен в день храмового праздника в Цаберне, по крайней мере, с двумя тысячами своих людей и, став под команду бывшего капитана ландскнехтов Георга Шнейдера, захватить город. Среди самих членов союза была налажена от одного пункта к другому служба связи, а Йоссе Фриц и его главный эмиссар Штоффель из Фрейбурга непрерывно объезжали одну местность за другой, производя почные смотры вновь принятым членам. Следственные акты дают достаточное количество данных относительно распространенности союза на верхнем Рейне и в Шварцвальде: они приводят множество имен — вместе с приметами — его членов из самых различных местностей этой области. В большинстве случаев — это ремесленные подмастерья, затем крестьяне и трактирщики, несколько дворян, священники (так, например, священник из самого Леэна) и безработные ландскнехты. Уже этот состав показывает, что под руководством Йоссе Фрица союз «Башмака» принял гораздо более широкий характер; плебейский элемент городов начинает играть в нем все большую роль. Разветвления заговора расходились по всему Эльзасу, по современному Бадену, вплоть до Вюртемберга и Майна. Время от времени на уединенных горах, на Книбсе и в других местах устраивали и более крупные собрания, на которых обсуждались дела союза. Сопевания вожаков, в которых часто принимали участие члены союза, принадлежавшие к данной местности, точно так же как и делегаты от более отдаленных районов, происходили на Хартматте¹ у Леэна; здесь же были приняты четырнадцать тезисов союзной программы: никаких властей, кроме императорской и (по некоторым версиям) папской; упразднение ротвейльского суда и ограничение юрисдикции церковного суда делами, касающимися религии; отмена всех процентов, сумма платежей по которым за время выплаты сравнилась с капиталом; пять процентов как наивысшая дозволенная норма; свобода охоты, рыбной ловли, выпаса и рубки леса; запрещение каждому попу иметь больше одного прихода; конфискация церковных имений и монастырских сокровищ в пользу союзной военной казны; отмена всех несправедливых налогов и пошлин; вечный мир

¹ *Хартматте* (Hartmatte) — буквально «жесткий луг». *Ред.*

во всем христианском мире; энергичное выступление против всех противников союза; введение налога в пользу союза; захват укрепленного города (Фрейбурга), который служил бы центром союза; открытие переговоров с императором, как только будут собраны союзные отряды, и с Швейцарией — в случае отказа со стороны императора. Таковы были те пункты, по которым было достигнуто соглашение. Они показывают, что, с одной стороны, требования крестьян и плебеев становились все более определенными и твердыми и что, с другой — в такой же мере возникала необходимость делать уступки более нерешительным и умеренным элементам.

Восстание должно было начаться осенью 1513 года. Недоставало лишь союзного знамени, и для того чтобы разукрасить его, Йосс Фриц отправился в Хейльбронн. Наряду с различными эмблемами и изображениями на знамени был нарисован башмак и сделана надпись: «Господи, помоги восстановлению твоей божественной справедливости!». Но во время отсутствия Йосса была предпринята преждевременная попытка осуществить внезапный захват Фрейбурга — попытка, о которой заблаговременно стало известно властям; несколько допущенных во время пропаганды неосторожностей помогли фрейбургскому совету и маркграфу Баденскому напасть на верный след, а измена двух заговорщиков завершила ряд разоблачений. Маркграф, фрейбургский совет и императорское правительство в Энзисгейме¹ немедленно послали своих пщеек и солдат; часть членов «Башмака» была арестована, подвергнута пыткам и казнена; но и на этот раз большинству удалось бежать, в том числе и Йоссу Фрицу. Швейцарские власти преследовали беглецов на этот раз с большим ожесточением и многих даже казнили; но они так же мало, как и их соседи, сумели помешать большинству беглецов оставаться поблизости от мест своего прежнего жительства и понемногу начать даже возвращаться в свои родные места. Более всего свирепствовало эльзасское правительство в Энзисгейме; по его приказанию много народа было обезглавлено, колесовано и четвертовано. Сам Йосс Фриц находился большей частью на швейцарском берегу Рейна, но часто перебирался в Шварцвальд, где его тем не менее никак не удавалось захватить.

Что побудило швейцарские власти объединиться на этот раз с соседними правительствами для преследования членов «Башмака», объясняет крестьянское восстание, вспыхнувшее в следующем 1514 г. в *Берне*, *Золотурне* и *Люцерне* и приведшее к чистке аристократических правительств и патрициата вообще.

¹ — т. е. правительство наместника австрийских Габсбургов в Верхнем Эльзасе и Брейсгау. *Ред.*

Крестьяне, кроме того, добились здесь для себя ряда преимуществ. Успех местных швейцарских восстаний объясняется попросту тем, что Швейцария была еще менее централизована, чем Германия. Со своими местными господами крестьяне и в 1525 г. повсюду быстро справлялись, но они не выдерживали борьбы с организованными вооруженными силами князей, а этих сил в Швейцарии как раз и не было.

Одновременно с заговором «Башмака» в Бадене и, очевидно, в непосредственной связи с ним в Вюртемберге возник второй заговор. Согласно источникам, он существовал уже с 1503 г., и так как название «Башмак» стало со времени провала унтергромбахского заговора слишком опасным, то союз здесь был назван *«Бедным Конрадом»*. Главным центром его была долина Ремса у подножья Гогенштауфенберга. Существование союза уже давно не было тайной, по крайней мере среди народа. Бессовестные притеснения со стороны правительства герцога Ульриха и ряд голодных лет, сильнее всего способствуя разветвлению движения 1513 и 1514 гг., увеличили число членов союза; самый взрыв был вызван вновь введенными налогами на вино, мясо и хлеб и налогом на капитал в размере одного пфеннига с гульдена ежегодно. Предполагалось в первую очередь захватить город Шорндорф, где главарь заговора устраивал сходки в доме ножовщика Каспара Прегигера. Восстание вспыхнуло весной 1514 года. К городу подступило 3 000, а по другим сведениям 5 000, крестьян, но герцогским чиновникам удалось посредством ласковых посулов убедить их уйти обратно; герцог Ульрих, пообещав отмену новых налогов, поспешно прискакал в город с восемьюдесятью всадниками, но там благодаря этому обещанию спокойствие уже было восстановлено. Герцог обещал созвать ландтаг и рассмотреть на нем все жалобы. Однако руководители союза хорошо понимали, что у Ульриха был лишь один умысел: удержать народ в повиновении до тех пор, пока он не наберет и не стянет достаточного количества войск, чтобы иметь возможность нарушить свое слово и собрать налоги силой. Поэтому они обратились из дома Каспара Прегигера, «канцелярии Бедного Конрада», с воззванием о созыве союзного съезда и повсюду разослали для этой цели своих эмиссаров. Успех первого восстания в долине Ремса поднял авторитет движения в глазах народа; послания и эмиссары нашли всюду благоприятную почву, и на состоявшийся 28 мая в Унтертюркгейме съезд собралось большое количество делегатов со всех частей Вюртемберга. Было решено энергично продолжать агитацию и при первом удобном случае начать действия в долине Ремса, с тем чтобы отсюда распространить восстание далее. Когда бывшему солдату Бантельгансу из Деттингена и пользовавшемуся большим уважением

крестьянину Зингергансу из Вюртингена удалось вовлечь в союз жителей Швабского Альба¹, восстание уже вспыхнуло повсеместно. Правда, Зингерганс был застигнут врасплох и схвачен, но города Бакнанг, Винненден, Маркгрёнинген оказались в руках соединившихся с плебеями крестьян, и вся страна от Вейнсберга до Блаубейрена и от Блаубейрена до баденской границы была охвачена открытым восстанием. Ульрих должен был уступить. Но назначив на 25 июня созыв ландтага, он в то же время обратился к соседним князьям и вольным городам за помощью против восстания, ссылаясь на то, что оно является угрозой для всех князей, властей и знатных людей империи и «поразительно напоминает действия «Башмака»».

Между тем ландтаг, т. е. депутаты от городов и многие делегаты от крестьян, которые также требовали себе места в ландтаге, собрался уже 18 июня в Штутгарте. Прелаты еще не явились, рыцари же вовсе не были приглашены. Городская оппозиция Штутгарта и два угрожающих крестьянских отряда, находившихся поблизости, у Леонберга и в долине Ремса, поддерживали требования крестьян. Крестьянские делегаты были допущены; было постановлено сместить и подвергнуть наказанию трех ненавистных советников герцога — Лампартера, Тумба и Лорхера, учредить при герцоге совет из четырех рыцарей, четырех бюргеров и четырех крестьян, назначить герцогу твердо установленное содержание и конфисковать имущество монастырей и богоугодных заведений в пользу государственной казны.

Этим революционным постановлением герцог Ульрих противопоставил государственный переворот. 21 июня он ускакал со своими рыцарями и советниками в Тюбинген, куда за ним последовали и прелаты и куда он приказал явиться также и бюргерам, что те и сделали; заседания ландтага были продолжены в Тюбингене без участия крестьян. Здесь, в условиях военного террора, бюргеры предали своих союзников, крестьян. 8 июля был заключен Тюбингенский договор, согласно которому страна должна была взять на себя уплату около миллиона герцогского долга, на власть герцога были наложены некоторые ограничения, которых он никогда потом не соблюдал, а крестьяне должны были удовлетвориться несколькими тощими общими фразами и весьма ощутимым карательным законом против мятежей и союзов. О крестьянском представительстве в ландтаге больше, разумеется, не было и речи. Сельское население громко говорило о предательстве, но герцог, снова получивший кредит после того как

¹ Швабский Альб, или Швабская Юра, — горный район Швабии. Ред.

сословия взяли на себя уплату его долгов, быстро собрал войска; его соседи, в особенности курфюрст Пфальцский, также прислали ему вспомогательные отряды. В результате вся страна еще в конце июля приняла Тюбингенский договор и принесла новую присягу. Лишь в долине Ремса «Бедный Конрад» оказал сопротивление; прибывшего туда снова герцога чуть было не убили, а на Каппельберге образовался крестьянский лагерь. Но когда дело затянулось, большинство повстанцев снова рассеялось из-за недостатка съестных припасов; оставшиеся же, положившись на двусмысленный договор, заключенный ими с несколькими депутатами ландтага, также разошлись по домам. Ульрих, войско которого тем временем было подкреплено отрядами, услужливо присланными из городов, превратившихся, после того как их требования были удовлетворены, в фанатических противников крестьян, напал, вопреки договору, на долину Ремса, подвергнув разграблению города и деревни этой местности. 1 600 крестьян было схвачено, из них 16 было немедленно обезглавлено, остальных приговорили большей частью к тяжелым денежным штрафам в пользу казны Ульриха. Многие долгое время оставались в тюрьмах. Против попыток восстановления крестьянского союза, против всяких крестьянских сходок были изданы суровые карательные законы, а швабское дворянство заключило специальный союз для подавления всякой попытки к восстанию. — Но главные руководители «Бедного Конрада» благополучно скрылись в Швейцарию, откуда спустя несколько лет большая часть их вернулась поодиночке на родину.

Одновременно с вюртембергским движением появились симптомы возобновления деятельности «Башмака» в Брейсгау и маркграфстве Баденском. В июне неподалеку от Бюля была сделана попытка к восстанию; но она была немедленно подавлена маркграфом Филиппом, и предводитель восстания Гугель-Бастиан был схвачен и обезглавлен во Фрейбурге.

В том же 1514 г., также весной, вспыхнула всеобщая крестьянская война в Венгрии. Здесь шла тогда проповедь крестового похода против турок, и по обыкновению всем крепостным и зависимым крестьянам, которые пожелали бы примкнуть к нему, была обещана свобода. Собралось около 60 000 человек, которые были поставлены под начальство секлера¹ Георгия Дожи, отличившегося в прежних войнах с турками и получившего за это дворянство. Однако венгерские рыцари и магнаты отнеслись весьма недоброжелательно к этому походу, из-за которого они могли лишиться своей собственности, своих

¹ Секлерами (секейями) назывались мадяры, жившие в восточной и северо-восточной части Трансильвании. *Ред.*

крепостных. Они поспешили вслед за отдельными отрядами крестьян и путем насилий и жестокостей вернули своих крепостных обратно. Когда об этом стало известно в войске крестоносцев, негодование угнетенных крестьян прорвалось наружу. Двое наиболее ревностных проповедников крестового похода, Лаврентий и Варнава, своими революционными речами еще более разожгли в войске ненависть к дворянству. Сам Дожа разделял гнев своего войска против предателей-дворян. Крестоносное войско превратилось в революционную армию, и Дожа стал во главе этого нового движения.

Он расположился со своими крестьянами лагерем на Ракошском поле у Пешта. Враждебные действия начались столкновениями с челядью дворянской партии в окрестных деревнях и предместьях Пешта. Вскоре дело дошло до вооруженных схваток и, наконец, до сицилийской вечерни¹ для всех попавших в руки крестьянам дворян и до сожжения всех окрестных замков. Двор стал грозить, но угрозы не подействовали. Когда первый народный суд над дворянством под стенами столицы был совершен, Дожа перешел к дальнейшим операциям. Он разделил свое войско на пять колонн. Две из них были посланы в верхневенгерские горы, чтобы поднять там всеобщее восстание и истребить дворянство. Третья, под начальством одного пештского горожанина, Амбруша Салереша, осталась на Ракошском поле для наблюдения за столицей; четвертую и пятую колонны Дожа и его брат Григорий повели на Сегедин.

Тем временем дворянство собралось в Пеште и призвало на помощь семиградского² воеводу Иоанна Заполья. После перехода Салереша с бюргерскими элементами крестьянского войска на сторону врага дворяне в союзе с будапештскими бюргерами разбили и уничтожили отряд, стоявший лагерем на Ракошском поле. Огромное количество пленных было подвергнуто жесточайшим казням, остальные же были отпущены по домам с отрезанными носами и ушами.

Дожа, потерпев неудачу под Сегедином, направился к Ченаду и взял его, разбив перед этим дворянское войско под командой Стефана Батория и епископа Чаки и отомстив за жестокости на Ракошском поле кровавой расправой над

¹ Имеется в виду народное восстание на острове Сицилия против господства иноземной французской Анжуйской династии, завоевавшей Южную Италию и Сицилию в 1267 году. Грабежи и насилия французских феодалов возбудили всеобщую ненависть населения Сицилии, отомстившего захватчикам в момент восстания в Палермо вечером 31 марта 1282 г. истреблением нескольких тысяч французских рыцарей и солдат. Завоеватели были изгнаны из Сицилии, однако в течение долгого времени еще господствовали в Южной Италии. *Ред.*

² *Семиградье* (Siebenbürgen) — немецкое название Трансильвании. *Ред.*

пленными, в числе которых были епископ, а также королевский казначей Телеки. В Ченаде он провозгласил республику, упразднение дворянства, всеобщее равенство и суверенитет народа и двинулся затем на Темешвар¹, куда укрылся Баторий. Но, пока он осаждал в течение двух месяцев эту крепость, получив подкрепление — новое войско под командой Антона Хосы, — оба верхневенгерских отряда были разбиты дворянством в ряде сражений, и против него двинулся с семиградской армией Иоанн Заполья. Заполья напал на крестьян и рассеял их; сам Дожа был взят в плен, заживо зажарен на раскаленном троне и съеден своими собственными людьми, которым лишь на этом условии была дарована жизнь. Рассеявшиеся крестьяне, снова собранные Лаврентием и Хосой, были разбиты еще раз, причем все, кто попал в руки врага, были посажены на кол или повешены. Трупы крестьян тысячами висели вдоль улиц и у околиц сожженных деревень. Говорят, что в боях и во время резни было убито до 60 000 человек. Дворянство постаралось, чтобы на ближайшем сейме порабощение крестьян было снова признано законом страны.

Вспыхнувшее около этого же времени крестьянское восстание в «Виндской Марке», т. е. в Каринтии, Крайне и Штирии, опиралось на заговор, близкий по характеру к заговору «Башмака»; он возник в этой разоренной вымогательствами дворян и императорских чиновников, опустошенной набегами турок и измученной голодом области еще в 1503 г. и тогда же вызвал восстание. Уже в 1513 г. словенские крестьяне этих местностей, так же как и немецкие, снова подняли знамя борьбы за «stara prava» («старые права»), и если в этом году их опять удалось успокоить, если в 1514 г., когда они собрались еще большими массами, их удалось уговорить разойтись только после того, как император Максимилиан дал определенное обещание о восстановлении «старых прав», то с тем большим ожесточением должен был подняться на войну за возмездие вечно обманываемый народ весной 1515 года. Как и в Венгрии, повсюду разрушались замки и монастыри, крестьянские судьи судили и приговаривали к обезглавлению взятых в плен дворян. В Штирии и Каринтии императорскому военачальнику Дитрихштейну вскоре удалось задуть восстание; но в Крайне оно было подавлено лишь в результате внезапного нападения на город Райн (осенью 1516 г.) и последовавших затем бесчисленных зверств австрийских властей, вполне заслуживающих быть поставленными рядом с гнусностями венгерского дворянства.

Вполне понятно, что после целого ряда столь тяжелых поражений и массовых расправ, учиненных дворянством, кре-

¹ Цыне румынский город Тимишоара. *Ред.*

стьяне в Германии оставались в течение довольно долгого времени спокойными. И все же ни заговоры, ни местные восстания полностью не прекращались. Уже в 1516 г. большинство бежавших участников заговоров «Башмака» и «Бедного Конрада» возвратилось в Швабию и на верхний Рейн, а в 1517 г. «Башмак» снова действовал во-всю в Шварцвальде. Сам Йосс Фриц, все еще хранивший спрятанное на груди старое знамя «Башмака» 1513 года, вновь стал разъезжать по всему Шварцвальду и развил энергичную деятельность. Заговор был организован заново. Как и четыре года тому назад, опять стали назначаться собрания на Книбисе. Но тайна не была соблюдена; власти узнали о заговоре и приняли решительные меры. Многие были схвачены и казнены; наиболее деятельные и интеллигентные участники заговора должны были бежать, в том числе и Йосс Фриц, захватить которого не удалось и на этот раз. Повидимому, он вскоре после этого умер в Швейцарии, так как с этого времени имя его уже нигде более не упоминается.

IV

В то самое время, когда в Шварцвальде был подавлен четвертый заговор «Башмака», Лютер дал в Виттенберге сигнал к движению, которое должно было увлечь все сословия в водоворот событий и потрясти все здание империи. Тезисы тюрингенского августинца ¹ оказали воспламеняющее действие, подобное удару молнии в бочку пороха. Многообразные, взаимно перекрещивающиеся стремления рыцарей и бюргеров, крестьян и плебеев, домогавшихся суверенитета князей и низшего духовенства, тайных мистических сект и литературной — ученой и бурлеско-сатирической ² — оппозиции нашли в этих тезисах общее на первых порах, всеобъемлющее выражение и объединились вокруг них с поразительной быстротой. Этот сложившийся в одну ночь союз всех оппозиционных элементов, как бы недолговечен он ни был, сразу обнаружил всю огромную мощь движения и тем еще больше ускорил его развитие.

Но как раз это быстрое развитие движения должно было вызвать очень скоро созревание имевшихся в нем зародышей

¹ Энгельс имеет в виду 95 тезисов, прибityх 31 октября 1517 г. Лютером (начавшим свою духовную карьеру простым монахом августинского монастыря в Тюрингии) к дверям одной из церквей в Виттенберге. Тезисы содержали резкий протест против продажи индульгенций и злоупотреблений католического духовенства, а также первые наброски религиозного учения Лютера в духе бюргерских идеалов дешевой церкви. *Ред.*

² *Бурлеска* — один из жанров пародийно-сатирической литературы, распространенный среди писателей эпохи Возрождения и идеологов гуманизма; использовался ими для высмеивания высокопарного стиля придворной поэзии и чопорных нравов верхушки феодального общества. *Ред.*

раздора, должно было, во всяком случае, вновь вызвать разрыв между теми составными элементами возбужденной массы, которые были прямо противоположны друг другу по всему своему жизненному положению, должно было привести их в нормальное для них состояние вражды. Это размежевание пестрой оппозиционной массы, сосредоточивающейся на двух полюсах, вокруг двух центров притяжения, обнаружилось уже в первые годы реформации; дворянство и бюргеры, не задумываясь, сгруппировались вокруг Лютера; крестьяне и плебеи, не видя еще в Лютере прямого врага, составили, как и прежде, особую революционную оппозиционную партию. Только движение приняло теперь гораздо более всеобщий и глубокий характер, чем до Лютера, и это обстоятельство должно было неизбежно привести к резко выраженному антагонизму и к непосредственному столкновению обеих партий. Этот прямой антагонизм выступил вскоре наружу: Лютер и Мюнцер повели борьбу друг с другом в печати и с кафедры, а войска князей, рыцарей и городов, состоявшие большей частью из лютеранских или, по крайней мере, из склонявшихся к лютеранству сил, рассылали отряды крестьян и плебеев.

Насколько расходились интересы и потребности различных элементов, принявших реформацию, показала еще до крестьянской войны попытка дворянства добиться осуществления своих требований в противовес князьям и попам.

Выше мы уже видели, какое положение занимало немецкое дворянство в начале XVI века. Оно сознавало, что ему грозит потеря независимости и подчинение светским и духовным князьям, которые становились все более могущественными. В то же время оно видело, что в той мере, в какой опускалось оно, слабела и имперская власть и империя все более распадалась на ряд суверенных княжеств. Таким образом, для дворянства его собственная гибель должна была отождествляться с гибелью немцев как нации. К этому присоединялось также и то, что дворянство, в особенности непосредственно подчиненное империи дворянство, являлось сословием, главным образом представлявшим империю и имперскую власть как в силу своей военной профессии, так и в силу своего положения по отношению к князьям. Оно было самым национальным сословием, и чем сильнее была имперская власть, чем слабее и малочисленнее были князья, чем более единой была Германия, тем сильнее было и оно. Этим объясняется всеобщее недовольство рыцарства жалким политическим положением Германии, бессилием империи во внешних делах, возраставшим в той же мере, в какой императорский дом присоединял к империи путем наследования одну за другой новые провинции, недовольство рыцарства интригами иностранных держав

внутри Германии и заговорами немецких князей с зарубежными силами против имперской власти. Поэтому требования дворянства должны были прежде всего свестись к требованию имперской реформы, жертвой которой должны были стать князья и высшее духовенство. Сведённое воедино этих требований взял на себя *Ульрих фон Гуттен*, теоретический представитель немецкого дворянства, совместно с военным и политическим представителем дворянства *Францем фон Зиккингом*.

Гуттен весьма определенно сформулировал выдвинутые им от имени дворянства требования имперской реформы и составил их в весьма радикальном духе. Дело шло не более и не менее, как об устранении всех князей, секуляризации всех духовных княжеств и имуществ, установлении *дворянской демократии* с монархом во главе, наподобие той, которая существовала в лучшие дни блаженной памяти польской республики. Путем восстановления господства дворянства, этого по преимуществу военного класса, устранения князей, носителей раздробленности, уничтожения могущества попов и освобождения Германии из-под духовной власти Рима Гуттен и Зиккинген надеялись снова сделать империю единой, свободной и могущественной.

Покоящаяся на крепостничестве дворянская демократия, в том виде, как она существовала в Польше и — в несколько иной форме — в течение первых столетий в завоеванных германцами странах, является одной из самых грубых общественных форм и совершенно естественно перерастает далее в развитую феодальную иерархию, которая представляет собой уже значительно более высокую ступень. Следовательно, эта чистая дворянская демократия была в Германии XVI века уже невозможна. Она была невозможна хотя бы потому, что в Германии существовали тогда значительные и могущественные города. Однако, с другой стороны, невозможен был и тот союз между низшим дворянством и городами, который в Англии привел к превращению феодально-сословной монархии в монархию буржуазно-конституционную. В Германии старое дворянство сохранилось, в Англии же оно было истреблено в войне Роз¹, за исключением 28 семей, и его сменило новое дворянство буржуазного происхождения и с буржуазными тенденциями.

¹ *Война Роз* (1455—1485) — война между представителями двух борющихся за престол английских феодальных родов: Йорков, на гербе которых была изображена белая роза, и Ланкастеров, носивших на гербе алую розу. Вокруг Йорков группировалась часть крупных феодалов более развитого в экономическом отношении юга, рыцарство и горожане, Ланкастеров поддерживала феодальная аристократия северных графств. Война завершилась приходом к власти новой династии Тюдоров, установившей в Англии абсолютизм. *Ред.*

В Германии продолжала существовать крепостная зависимость, и дворянство имело *феодалные* источники дохода; в Англии крепостная зависимость была почти полностью упразднена и дворяне превратились в простых буржуазных землевладельцев с *буржуазным* источником дохода — земельной рентой. Наконец, централизация, которую осуществляла абсолютная монархия, установившаяся во Франции уже со времени Людовика XI благодаря антагонизму между дворянством и буржуазией и в дальнейшем там все более укреплявшаяся, в Германии была невозможна уже потому, что предпосылки, необходимые для национальной централизации, здесь не существовали вовсе или находились в зачаточном состоянии.

При этих обстоятельствах, чем ближе подходил Гуттен к практическому осуществлению своего идеала, тем больше должен он был делать уступок и тем неопределеннее должны были становиться очертания его имперской реформы. Дворянство само не обладало достаточными силами для выполнения этого предприятия; об этом свидетельствовала все возрастающая слабость его по отношению к князьям. Нужны были союзники, а единственно возможными союзниками были города, крестьяне и влиятельные теоретики реформационного движения. Но города достаточно хорошо знали дворянство, чтобы не доверять ему и отказываться от всякого союза с ним. Крестьяне с полным основанием видели в высасывавшем из них последние соки и жестоко обращавшемся с ними дворянстве своего злейшего врага. Теоретики же реформации были на стороне либо бюргеров и князей, либо крестьян. Да и что положительного сулила бюргерам и крестьянам эта предлагаемая дворянством имперская реформа, главной целью которой являлось прежде всего усиление дворянства? При этих обстоятельствах Гуттену не оставалось ничего другого, как не касаться совсем или почти не затрагивать в своих пропагандистских произведениях вопроса о будущих взаимоотношениях между дворянством, городами и крестьянами, возлагать ответственность за все зло на князей, попов и зависимость от Рима и доказывать бюргерам, что в предстоящей борьбе между князьями и дворянством они в своих же собственных интересах должны по крайней мере держаться нейтрально. Об отмене крепостной зависимости и повинностей, которые крестьянин нес в пользу дворянства, у Гуттена нигде не говорится ни слова.

Отношение немецкого дворянства к крестьянам было тогда совершенно таким же, как и отношение польского дворянства к его крестьянству во время восстаний 1830 и 1846 годов. Как в современных польских восстаниях, в Германии в то время движение могло рассчитывать на успех только при наличии союза всех оппозиционных партий, в особенности союза дво-

рянства с крестьянами. Но как раз этот союз в обоих случаях был *невозможен*. Ни дворянство не было поставлено перед необходимостью отказаться от своих политических привилегий и феодальных прав по отношению к крестьянам, ни революционно настроенное крестьянство не могло, довольствуясь общими неопределенными перспективами, пойти на союз с дворянством, с тем сословием, которое как раз больше всего его угнетало. Как в Польше в 1830 г., так и в Германии в 1522 г. дворянство уже не могло привлечь на свою сторону крестьян. Лишь полная отмена крепостного права и зависимых отношений и отказ дворянства от всех его привилегий могли побудить сельское население объединиться с ним; но, подобно всякому привилегированному сословию, дворянство не испытывало ни малейшего желания добровольно отказываться от своих привилегий, от своего особого положения, от большинства источников своего дохода.

В результате, когда дело дошло до столкновения, дворянство оказалось совершенно одиноким лицом к лицу с князьями. Можно было с самого начала предвидеть, что князья, которые в течение двух столетий отнимали у него одну позицию за другой, легко справятся с ним и на этот раз.

Перипетии самой борьбы известны. Гуттен и Зиккинген, который был уже признанным политическим и военным вождем дворянства центральной Германии, учредили в 1522 г. в Ландау под предлогом самозащиты союз рейнских, швабских и франконских дворян, заключенный сроком на 6 лет; Зиккинген частью на собственные средства, частью совместно с соседними рыцарями собрал войско, организовал вербовку и набор подкреплений во Франконии, на нижнем Рейне, в Нидерландах и в Вестфалии и в сентябре 1522 г. начал военные действия объявлением войны курфюрсту-архиепископу Трирскому. Однако в то время как он осаждал Трир, шедшие к нему подкрепления были отрезаны в результате поспешного вмешательства князей; ландграф Гессенский и курфюрст Пфальцский двинулись на помощь трирцам, и Зиккинген должен был укрыться в свой замок Ландштуль. Несмотря на все усилия Гуттена и остальных друзей Зиккингена, участники дворянского союза, напуганные концентрированными и быстрыми действиями князей, покинули его на произвол судьбы; сам Зиккинген был смертельно ранен, сдал Ландштуль и вскоре после этого умер. Гуттен должен был бежать в Швейцарию и умер по прошествии нескольких месяцев на острове Уфнау на Цюрихском озере.

После этого поражения и смерти обоих вождей сила дворянства как независимой от князей корпорации была сломлена. Начиная с этого момента, дворянство выступает лишь на

службе у князей и под их руководством. Вспыхнувшая вслед за тем крестьянская война в еще большей степени принудила его доставить себя прямо или косвенно под покровительство князей. В то же время она показала, что немецкое дворянство-свержению князей и попов при помощи открытого союза с освобожденным крестьянством предпочло дальнейшую эксплуатацию крестьян под верховной властью князей.

V

С того момента, когда объявление Лютером войны католической иерархии привело в движение все оппозиционные элементы Германии, не проходило ни одного года без того, чтобы крестьяне вновь и вновь не выступали со своими требованиями. С 1518 по 1523 г. в Шварцвальде и Верхней Швабии одно местное восстание крестьян следовало за другим. С весны 1524 г. эти восстания приняли систематический характер. В апреле этого года крестьяне аббатства Мархталь отказались нести барщину и выполнять повинности; в мае от выполнения крепостных повинностей отказались санкт-блазиенские крестьяне, в июне крестьяне из Штейнгейма под Меммингеном заявили, что не желают платить ни десятину, ни другие поборы; в июле и августе произошло восстание тургауских крестьян, которые были усмирены отчасти в результате посредничества цюрихцев, отчасти посредством свирепых мер властей Швейцарского союза, приказавших казнить ряд участников восстания. Наконец, произошло решающее восстание в ландграфстве Штюлинген, которое можно считать непосредственным началом крестьянской войны.

Штюлингенские крестьяне внезапно отказались от несения повинностей ландграфу, соединились в большие отряды и под предводительством Ганса Мюллера из Бульгенбаха двинулись 24 августа 1524 г. к Вальдсхуту. Здесь вместе с горожанами они основали евангелическое братство. У горожан тем более имелись основания для вступления в союз, потому что они в это время находились в конфликте с правителями переднеавстрийских земель¹ из-за религиозных преследований, направленных против их проповедника Бальтазара Губмайера, одного из учеников и друзей Томаса Мюнцера. Был установлен также союзный налог в размере трех крейцеров еженедельно, что составляло, принимая во внимание тогдашнюю стоимость денег, огромный взнос, и разсланы эмиссары в Эльзас, на Мозель, по

¹ «Переднеавстрийскими землями» назывались рассеянные в районе Верхней Швабии и Шварцвальда владения австрийских Габсбургов и их прямых вассалов. *Ред.*

всему верхнему Рейну, во Франконию, чтобы всюду вовлекать в союз крестьян. В качестве цели союза было провозглашено уничтожение феодального господства, разрушение всех замков и монастырей и устранение всех властителей, кроме императора. Союзным знаменем было *немецкое трехцветное знамя*¹.

Восстание быстро распространилось по всему современному баденскому Оберланду². Панический страх охватил все верхне-швабское дворянство, военные силы которого были почти целиком заняты в Италии в войне против французского короля Франциска I. Дворянам оставалось только попытаться затянуть дело посредством переговоров, а тем временем раздобыть денег и нанять войска, дабы, собравшись с силами, наказать затем крестьян за их дерзость «огнем и мечом, разграблением и убийствами»³. С этого момента началось то систематическое предательство, то постоянное вероломство и коварство, которыми отличалось поведение дворянства и князей в течение всей крестьянской войны и которые сыграли роль их сильнейшего оружия против распыленных, с трудом поддающихся организации крестьян. Швабский союз, куда входили князья, дворянство и имперские города Юго-западной Германии, выступил в качестве посредника, не дав, однако, крестьянам гарантий относительно каких-либо определенных уступок. Движение крестьян не прекращалось. С 30 сентября до середины октября Ганс Мюллер из Бульгенбаха прошел через Шварцвальд до Ураха и Фуртвангена, увеличил свой отряд до 3 500 человек и занял с ним позицию при Эватингене (недалеко от Штюлингена). В распоряжении дворянства было не более 1 700 человек, но даже и эти силы были распылены. Оно оказалось вынужденным пойти на перемирие, которое и было действительно заключено в лагере под Эватингеном. Крестьянам было обещано полюбовное соглашение, либо непосредственно между сторонами, либо при посредничестве третейских судей, а также расследование их жалоб земским судом в Штоккахе. Как войска дворян, так и крестьяне разошлись.

С общего согласия крестьянами были выдвинуты 16 тезисов, которые должны были быть представлены на утверждение штоккахского суда. Они были очень умеренными. Упразднение права охоты, барщины, обременительных податей и вообще господских привилегий, защита от произвольных арестов

¹ — черно-красно-золотое знамя, служившее в то время, а также позднее символом единства Германии. *Ред.*

² — т. е. возвышенной восточной части Бадена. *Ред.*

³ Из ультиматума, предъявленного Трухзессом, командующим карательной армией Швабского союза, восставшим крестьянам Гегау 15 февраля 1525 г., когда дворянство уже собрало контрреволюционные силы. *Ред.*

и пристрастных, выносящих произвольные решения судов, — большего они не требовали.

Напротив, дворянство, как только крестьяне разошлись по домам, немедленно потребовало вновь выполнения всех спорных повинностей в течение всего времени, пока будет длиться судебное разбирательство. Крестьяне, разумеется, отказывались и отсылали господ к суду. Борьба разгорелась вновь; крестьяне снова начали собираться в отряды; князья и дворяне сосредоточивали свои войска. На этот раз движение распространилось значительно дальше, за границу Брейсгау и далеко в глубь Вюртемберга. Дворянские войска под начальством *Георга Трухзесса фон Вальдбурга*, этого Альбы крестьянской войны, осуществляли наблюдение за крестьянами, наносили поражение их отдельным вспомогательным отрядам, но не осмеливались напасть на главные силы. Георг Трухзесс вел с вожаками крестьян переговоры и в отдельных случаях заключал с ними договоры.

В конце декабря началось рассмотрение дела земским судом в Штоккахе. Крестьяне протестовали против того, что в состав суда вошли одни только дворяне. В ответ на это им был зачитан указ императора¹. Переговоры стали затягиваться; тем временем дворяне, князья и швабские союзные власти вооружались. Эрцгерцог Фердинанд, который помимо теперешних наследственных австрийских земель властвовал еще над Вюртембергом², баденским Шварцвальдом и южным Эльзасом, приказал применить к мятежным крестьянам самые суровые меры. Было предписано ловить, пытать, избивать их без всякого милосердия, губить их всевозможными способами, жечь и разорять все их имущество, изгонять из страны их жен и детей. Мы видим, как соблюдали князья и дворяне перемирие и что понимали они под полюбовным посредничеством и рассмотрением жалоб. Эрцгерцог Фердинанд, которому дом Вельзеров в Аугсбурге дал взаймы деньги, вооружался с величайшей поспешностью; Швабский союз предписал произвести в три срока поставку военных контингентов и уплату денежных взносов.

Происходившие до этого времени восстания совпадают с пятимесячным пребыванием Томаса Мюнцера в Оберланде. Хотя и нет никаких прямых доказательств его влияния на начало и ход движения, однако косвенно это влияние вполне установлено. Наиболее решительные революционеры среди крестьян являются большей частью его учениками и последова-

¹ Согласно указу императора Максимилиана о земских судах, членами их могли быть только представители «благородных» сословий. *Ред.*

² После изгнания в 1519 г. герцога Ульриха силами Швабского союза и недовольных вюртембергских дворян и бюргеров Вюртемберг был передан в управление австрийскому эрцгерцогу. *Ред.*

телями его идей. Все современники приписывали ему «Двенадцать тезисов», как и «Письмо-тезисы» [Artikelbrief] оберландских крестьян, хотя несомненно, что он не был автором, во всяком случае, первого документа. Еще к моменту своего возвращения в Тюрингию он выпустил в высшей степени революционное послание к восставшим крестьянам¹.

К этому же времени относятся интриги изгнанного в 1519 г. из Вюртемберга герцога Ульриха, намеревавшегося с помощью крестьян вновь завладеть своей страной. Установлено, что со времени своего изгнания он стремился использовать революционную партию и постоянно ее поддерживал. Его имя замешано в большинстве происходивших в 1520—1524 гг. местных волнений в Шварцвальде и Вюртемберге, а теперь он прямо стал готовиться к нападению на Вюртемберг из своего замка Хоэнтвиль. Крестьяне, однако, лишь пользовались им как орудием; он никогда не имел среди них влияния и в еще меньшей степени пользовался их доверием.

Так прошла зима, и ни одна из сторон не предприняла решительных действий. Знатные господа попрятались, крестьянское восстание распространялось вширь. В январе 1525 г. вся страна между Дунаем, Рейном и Лехом находилась в состоянии величайшего возбуждения, а в феврале буря разразилась.

В то время как *шварцвальд-гегауский отряд*, возглавляемый Гансом Мюллером из Бульгенбаха, вступил в тайные сношения с Ульрихом Вюртембергским и частично принял участие в его безрезультатном походе на Штутгарт (февраль — март 1525 г.), 9 февраля произошло крестьянское восстание в Риде, выше Ульма; крестьяне собрались в прикрытом болотами лагере при Бальтрингене, водрузили *красное знамя* и образовали под предводительством Ульриха Шмидта *бальтрингенский отряд*. Их было 10—12 тысяч человек.

25 февраля на Шуссене, под влиянием слухов о приближении войск, посланных против появившихся и здесь недовольных, собрался *верхнеальгауский отряд*, численностью в 7 000 человек. Кемптенцы, которые всю зиму враждовали со своим архиепископом, объединились 26 февраля и примкнули к отряду. К движению присоединились на известных условиях города Мемминген и Кауфбейрен, но уже здесь обнаружилась двусмысленность той

¹ Энгельс имеет в виду напечатанный в Нюрнберге в начале 1525 г. анонимный памфлет «К собранию всего возмущившегося и поднявшего восстание крестьянства верхне немецкой нации и многих других мест по поводу того, справедливо или нет его возмущение и что должно и чего не должно оно делать по отношению к властям. Основано на священном писании божьем, составлено и изложено с полного одобрения оберландских собратьев» (см. *W. Zimmermann. Allgemeine Geschichte des grossen Bauernkrieges*, T. 2, Stuttgart 1842, S. 113—115). *Ред.*

позиции, которую заняли города в этой борьбе. 7 марта в Меммингене были приняты двенадцать меммингенских тезисов для всех верхнеальгауских крестьян.

Под влиянием посланцев альгауских крестьян на Боденском озере образовался *приозерный отряд*, предводительствуемый Эйтелем Гансом. Этот отряд также быстро увеличивался. Главная квартира его находилась в Берматингене.

Уже в первых числах марта крестьяне восстали также в нижнем Альгау, в окрестностях Оксенхаузена и Шелленберга, в Цейле и Вальдбурге, владениях Трухзесса. Этот *нижнеальгауский отряд*, численностью в 7 000 человек, расположился лагерем у Бурцаха.

Все эти четыре отряда приняли меммингенские тезисы, которые, впрочем, были значительно умереннее тезисов гегауских крестьян и в пунктах, касавшихся отношения вооруженных отрядов к дворянству и властям, носили печать весьма характерной нерешительности. Там, где крестьяне проявляли решительность, они проявляли ее в ходе самой войны, после того как они на опыте знакомились с образом действий своих врагов.

Одновременно с этими отрядами на Дунае образовался шестой отряд. Со всего района от Ульма до Донауверта, из долины Иллера, Рота и Бибера крестьяне собрались в Лейпгейм и расположились там лагерем. Из 15 местностей явились все способные носить оружие мужчины и из 117 прибыли подкрепления. Предводителем *лейпгеймского отряда* был Ульрих Шен, его проповедником — лейпгеймский пастор Якоб Веэ.

Таким образом, в начале марта под оружием находилось в шести лагерях от 30 до 40 тысяч восставших верхнешвабских крестьян. По своему характеру эти крестьянские отряды отличались большой пестротой. Революционная — мюнцеровская — партия всюду составляла меньшинство. Тем не менее она всюду являлась ядром и опорой крестьянских лагерей. Крестьянская масса всегда была готова идти на соглашение с господами, лишь бы только ей гарантировали уступки, которые она рассчитывала вырвать посредством своего угрожающего поведения. Кроме того, когда дело затягивалось и начинали приближаться княжеские войска, война крестьянам становилась в тягость, и те из них, у кого было еще что терять, расходились большей частью по домам. При этом к отрядам присоединялась масса бродяжничавших люмпенпролетариев, которые мешали установлению дисциплины, разлагали крестьян и часто то уходили, то снова возвращались. Уже одним этим объясняется, почему крестьянские отряды повсюду ограничивались оборонительными действиями, разлагались в лагерях и, независимо от тактических недочетов и недостатка в хороших предводите-

лях, не выдерживали никакого сравнения с княжескими войсками.

Еще в то время, когда собирались отряды, герцог Ульрих с на вербованными им войсками и некоторым количеством гегавских крестьян вторгся из Хоэнтвиля в Вюртемберг. Если бы крестьяне двинулись теперь с другой стороны против войск Трухзесса фон Вальдбурга, то гибель Швабского союза была бы неизбежна. Но при чисто оборонительном образе действий крестьянских отрядов Трухзессу быстро удалось заключить с альгаускими, бальтрингенскими и приозерными крестьянами перемирие, начать с ними переговоры и назначить срок для окончательного разрешения дела на воскресенье *Judica* (2 апреля) ¹. В течение этого времени он смог двинуться против герцога Ульриха, занять Штутгарт и принудить герцога уже 17 марта снова покинуть Вюртемберг. Затем он обратился против крестьян, но в его собственном войске произошел мятеж ландскнехтов, которые отказались против них выступить. Трухзессу удалось, однако, успокоить мятежников, и он двинулся к Ульму, где собирались новые подкрепления. У Кирхгейма-унтер-Тек он оставил наблюдательный лагерь.

Швабский союз, у которого, наконец, оказались развязанными руки и который уже собрал свои первые контингенты, сбросил теперь маску и объявил, что «он решился с оружием в руках и с божьей помощью положить конец своевольным действиям крестьян» ².

Между тем крестьяне строго соблюдали условия перемирия. Для переговоров в воскресенье *Judica* они выдвинули свои требования, знаменитые «*Двенадцать тезисов*». Они требовали выборности и сменяемости духовных лиц общинами, отмены малой десятины, употребления большой десятины ³, за вычетом содержания священнику, на общественные нужды, отмены крепостного права, права охоты и рыбной ловли, отмены посмертного побора, сокращения до определенного размера

¹ Воскресенье *Judica* (от *judex* — судья, буквально «судное воскресенье») — пятое воскресенье великого поста. *Ред.*

² Это решение было принято на совещании союзных властей в Ульме в марте 1525 г. в момент, когда представители Швабского союза еще вели переговоры с восставшими. Оно зафиксировано в документе из Ульмского архива, приводимом Циммерманом (см. «История крестьянской войны в Германии», т. I, Москва 1937, стр. 254). *Ред.*

³ *Большая и малая десятина* — две разновидности чрезвычайно обременительного для крестьян налога в пользу католической церкви. Размер и характер этого налога были весьма различны в разных местностях Германии, в большинстве случаев значительно превышая десятую долю продукта крестьянского производства. Как правило, малая десятина взималась с поголовья скота, в то время как большая десятина собиралась с урожая. *Ред.*

непомерных податей, оброков и барщины, возврата общинам и отдельным лицам насильственно отобранных у них лесов, пастбищ и привилегий, устранения произвола в судах и управлении. Как мы видим, умеренная, соглашательская партия еще значительно преобладала среди крестьянских отрядов. Революционная партия выдвинула свою программу еще раньше в «Письме-тезисах». Это открытое обращение ко всем крестьянским общинам призывало их вступать в «христианский союз и братство» для уничтожения всех тягот, добром ли, «что, впрочем, невозможно», или силой, и грозило всем упорствующим «светским отлучением», т. е. изгнанием из общества и прекращением всякого общения с членами союза. Светскому отлучению должны были быть подвергнуты также все замки, монастыри и церкви, если только дворяне, попы и монахи не покинут их добровольно, не переселятся в обычные жилища, подобно остальным людям, и не примкнут к христианскому союзу. — Итак, в этом радикальном манифесте, который, очевидно, был составлен до весеннего восстания 1525 г., речь шла прежде всего о революции, о достижении полной победы над еще господствующими классами, а пункт о «светском отлучении» означал лишь, что угнетатели и изменники должны быть перебиты, замки сожжены, монастыри и церкви конфискованы и сокровища их обращены в деньги.

Однако прежде чем крестьяне смогли предложить назначенным третейским судьям свои двенадцать тезисов, до них дошла весть о нарушении договора со стороны Швабского союза и о приближении войск. Немедленно были приняты меры. В Гейсбейрене состоялась общая сходка альгауских, бальтрингенских и приозерных крестьян. Четыре отряда были слиты, и из них образованы четыре новых колонны; было постановлено конфисковать имущества церкви, продавать ее драгоценности в пользу военной кассы и сжигать замки. Таким образом, наряду с официальными двенадцатью тезисами «Письмо-тезисы» сделалось правилом для ведения войны, и воскресенье *Judica* — день, назначенный для заключения мира, — стало датой *всеобщего восстания*.

Возраставшее всюду возбуждение, непрерывные местные столкновения крестьян с дворянством, вести о разраставшемся уже в течение шести месяцев восстании в Шварцвальде и о его распространении вплоть до Дуная и Леха — все это и так в достаточной мере объясняет, почему ряд вспыхнувших одно за другим крестьянских восстаний охватил две трети Германии. Самый факт одновременности всех отдельных восстаний доказывает, что во главе движения стояли люди, заранее организовавшие его через посредство анабаптистских и других эмиссаров. В Вюртемберге, на нижнем Неккаре, в Оден-

вальде, в Нижней и Средней Франконии волнения вспыхнули уже во второй половине марта, но днем всеобщего выступления повсюду заранее было назначено 2 апреля, воскресенье *Judica*, и решающий взрыв массового восстания повсюду произошел на первой неделе апреля. Также и альгауские, гегауские и приозерные крестьяне, ударив в набат и создав массовые сходки, призвали 1 апреля всех способных носить оружие мужчин в лагеря и вместе с бальтрингенцами начали военные действия против замков и монастырей.

Во *Франконии*, где движение сосредоточивалось вокруг шести центров, восстание всюду вспыхнуло в первых числах апреля. Около этого времени у *Нёрдлингена* образовались два крестьянских лагеря; с их помощью в городе одержала верх революционная партия, вождем которой был Антон *Форнер*. Эта партия провела Форнера в бургомистры и добилась присоединения города к крестьянам. В *Ансбахе* крестьяне повсеместно восстали с 1 по 7 апреля; отсюда восстание распространилось вплоть до Баварии. В районе *Ротенбурга* крестьяне взяли за оружие уже 22 марта; в городе Ротенбурге 27 марта власть патрициата была свергнута мелкими бюргерами и плебеями, возглавляемыми Стефаном фон *Менцингеном*; но так как здесь главным источником городских доходов были как раз крестьянские повинности, то отношение нового правительства к крестьянам было также весьма колеблющимся и двусмысленным. Во владении *вюрцбургского* соборного капитула¹ в начале апреля повсеместно произошло восстание крестьян и мелких городов, а в епископстве *Бамбергском* всеобщее восстание принудило через пять дней епископа к уступкам. Наконец, на севере, у границы Тюрингии, образовался многолюдный *бильдхаузенский* крестьянский лагерь.

В *Оденвальде*, где во главе революционной партии стояли *Вендель Гиплер*, дворянин и бывший канцлер графов Гогенлоэ, и *Георг Мецлер*, трактирщик в Балленберге близ Краутгейма, буря разразилась уже 26 марта. Крестьяне со всех сторон устремились к Тауберу. К ним примкнули также 2 000 человек из ротенбургского лагеря. Предводительство принял на себя Георг Мецлер; 4 апреля, после того как прибыли все подкрепления, он двинулся к Шентальскому монастырю на Ягсте, где к нему присоединились *неккарталъцы*. Последние под руководством *Иеклейна Рорбаха*, трактирщика в Беккингене близ Хейльбронна, подняли в воскресенье *Judica* восстание во Флейне, Зонтгейме и других местах, в то время как Вендель Гиплер

¹ *Вюрцбургский капитул* — духовная коллегия, управлявшая Вюрцбургской епархией, глава которой епископ Вюрцбургский одновременно носил титул герцога Франконского. *Ред.*

с отрядом заговорщиков внезапно захватил Эринген и вовлек в движение окрестных крестьян. В Шентале обе крестьянские колонны, объединившись в *Светлый отряд*, приняли двенадцать тезисов и организовали ряд набегов на замки и монастыри. Светлый отряд насчитывал до 8 000 человек, у него были пушки и 3 000 ружей. К нему присоединился и франконский рыцарь *Флориан Гейер*, сформировавший Черный отряд, отборное войско, составленное главным образом из ротенбургских и эрингенских ополченцев.

Военные действия открыл вюртембергский фогт в Неккар-зульме, граф Людвиг фон Гельфенштейн. Всех попавших в его руки крестьян он приказал немедленно перебить. Светлый отряд выступил ему навстречу. Резня, учиненная графом, а также только что полученная весть о поражении лейпгеймского отряда, казни Якоба Вез и зверствах Трухзесса ожесточили крестьян. Гельфенштейн, укрывшийся в Вейнсберге, подвергся здесь нападению. Флориан Гейер взял штурмом замок, после продолжительной битвы был взят и город; граф Людвиг и несколько рыцарей были захвачены в плен. На другой день, 17 апреля, Йеклейн Рорбах с несколькими наиболее решительными людьми из отряда судил пленных и приговорил четырнадцать из них во главе с Гельфенштейном к самой позорной смерти, какой они только могли быть преданы: их прогнали сквозь пики. Взятие Вейнсберга и террористическая месть Йеклейна Рорбаха Гельфенштейну оказали должное действие на дворянство. Графы Левенштейны примкнули к крестьянскому союзу; графы Гогенлоз, которые присоединились к нему уже раньше, но до сих пор не оказывали ему никакой помощи, немедленно прислали требуемые оружие и порох.

Предводители стали совещаться по поводу того, не следует ли пригласить в качестве военачальника Геца фон Берлихингена, «так как он мог бы привлечь на сторону крестьян дворянство». Предложение встретило сочувствие; но Флориан Гейер, увидевший в этом настроении крестьян и предводителей начало реакции, отделился после этого со своим Черным отрядом от Светлого отряда и, действуя на свой собственный страх и риск, прошел сначала область Неккара, а потом вюрцбургскую территорию, всюду разрушая замки и поповские гнезда.

Остальная часть отряда двинулась сначала на Хейльбронн. В этом мощном вольном имперском городе, как и почти повсюду, патрициату противостояли оппозиция бюргеров и революционная оппозиция. Последняя, действуя по тайному соглашению с крестьянами, уже 17 апреля открыла во время замешательства городские ворота Георгу Мецлеру и Йеклейну Рорбаху. Крестьянские вожаки со своими людьми овладели городом, который был принят в братство, дал 1200 гульденов день-

гами и выставил небольшой отряд добровольцев. Разграблению подверглись лишь имущество духовенства и владения командоров Тевтонского ордена¹. 22 апреля крестьяне покинули город, оставив там небольшой гарнизон. Хейльбронн должен был стать центром для различных отрядов. И, действительно, последние прислали сюда своих делегатов, для того чтобы договориться о совместных действиях и общих требованиях крестьянства. Однако бюргерская оппозиция и соединившийся с нею со времени прихода крестьян патрициат снова получили преобладание в городе и стали препятствовать каким-либо решительным шагам, дожидаясь лишь приближения княжеских войск, чтобы окончательно предать крестьян.

Крестьяне двинулись к Оденвальду. 24 апреля Гец фон Берлихинген, который всего за несколько дней до того предлагал свои услуги сначала курфюрсту Пфальцскому, потом крестьянам, затем опять курфюрсту, вынужден был вступить в евангелическое братство и принять на себя главное командование над *Лучезарно-светлым* отрядом (в противовес *Черному* отряду Флориана Гейера). Но в то же время Гец являлся пленником крестьян, которые с недоверием следили за каждым его шагом и поставили его в зависимость от совета вожаков, без которого он не мог ничего предпринять. Гец и Мецлер двинулись теперь с массой крестьян через Бухен в Аморбах, где они пробыли от 30 апреля до 5 мая, подняв восстание на всей майнской территории. Дворяне всюду были принуждены примкнуть к крестьянам, и это спасло их замки; разграблены и сожжены были лишь монастыри. Отряд явным образом все более разлагался; наиболее энергичные люди ушли вместе с Флорианом Гейером или Йеклейном Рорбахом, который после занятия Хейльбронна также отделился, очевидно, в силу того, что он, судья графа Гельфенштейна, не мог долее оставаться при отряде, искавшем соглашения с дворянством. Это настойчивое стремление к соглашению с дворянством уже само по себе

¹ *Тевтонский орден* — немецкий рыцарский «духовный» орден, основанный в 1190 г. во время крестовых походов. Посредством захватов и вымогательств орден приобрел в Германии и в других странах многочисленные владения, управлявшиеся орденскими сановниками — командорами (или комтурами). В XIII в. под владычество ордена перешла завоеванная путем варварского покорения и истребления местного литовского населения Восточная Пруссия, которая стала оплотом его агрессии против Польши, Литвы и русских княжеств. В 1237 г. он объединился с грабительским Ливонским орденом, также обосновавшимся в Прибалтике. В 1242 г. рыцари ордена были наголову разбиты Александром Невским на Чудском озере (Ледовое побоище); в 1410 г. они были разгромлены в битве при Грюнвальде объединенными русскими, польскими и литовскими силами, в результате чего орден пришел в упадок и в дальнейшем сохранил лишь небольшую часть своих владений. *Ред.*

являлось признаком деморализации. Вскоре после этого Вендель Гиплер выдвинул весьма разумный план реорганизации отряда: он посоветовал брать на службу ежедневно предлагавших свои услуги ландскнехтов и не обновлять, как это делалось, ежемесячно личный состав отряда, привлекая новые и отпуская старые контингенты, а оставить однажды уже призванный к оружию и до известной степени обученный состав. Но собрание общины отвергло оба предложения; крестьяне стали уже заносчивыми, на всю войну они начали смотреть как на поход за добычей, а потому конкуренция ландскнехтов им мало улыбалась и, с другой стороны, им нужна была возможность возвращаться домой, как только будут наполнены их карманы. В Аморбахе дело дошло даже до того, что хейльброннский советник Ганс Берлин заставил предводителей и советников отряда принять «Объяснение двенадцати тезисов», документ, в котором были сглажены последние острые пункты двенадцати тезисов, а крестьяне выставлялись в виде смиренных просителей. Однако на этот раз крестьянам это показалось уже чрезмерным; они шумно отвергли «Объяснение» и настояли на первоначальном тексте тезисов.

Между тем в епископстве Вюрцбургском в ходе событий наступил решительный поворот. Епископ, который при первой вспышке крестьянского восстания в начале апреля укрылся в укрепленный замок Фрауэнберг у Вюрцбурга и повсюду разослал письма, тщетно взывая о помощи, вынужден был, наконец, пойти на временные уступки. 2 мая был открыт ландтаг, в котором приняли участие и представители крестьян. Но, прежде чем мог быть достигнут какой-нибудь результат, были перехвачены письма, доказывавшие изменнические происки епископа. Ландтаг немедленно разошелся, и начались военные действия между восставшими горожанами и крестьянами, с одной стороны, и людьми епископа — с другой. Сам епископ 5 мая бежал в Гейдельберг; на другой же день в Вюрцбург прибыл Флориан Гейер с Черным отрядом, а вместе с ним *франконский тауберский отряд*, образовавшийся из мергентгеймских, ротенбургских и ансбахских крестьян. 7 мая явился и Гец фон Берлихинген с Лучезарно-светлым отрядом, и началась осада Фрауэнберга.

В Лимпурге, а также в районе Эльвангена и Галля уже в конце марта и начале апреля образовался другой — *гайльдорфский*, или *Простой светлый отряд*. Он действовал чрезвычайно решительно, поднял восстание во всей области, сжег много монастырей и замков, среди них и замок Гогенштауфен, заставил всех крестьян присоединиться к отряду и принудил всех дворян и даже имперских кравчих графов Лимпургских вступить в христианское братство. В начале мая

отряд вторгся в Вюртемберг, но был вынужден уйти обратно. Немецкий партикуляризм, порожденный делением на мелкие государства, так же мало допускал в это время, как и в 1848 г.; совместные действия революционеров, принадлежавших к разным государствам. Гайльдорфский отряд, чьи действия оказались ограниченными небольшой территорией, неизбежно должен был распасться, после того как восставшими было сломлено всякое сопротивление на этой территории. Они заключили соглашение с городом Гмюндом и, оставив лишь 500 вооруженных крестьян, разошлись.

В *Пфальце*, на обоих берегах Рейна, крестьянские отряды образовались к концу апреля. Они разрушили много замков и монастырей и 1 мая овладели Нейштадтом на Хардтском плато, после того как переправившиеся с другого берега брукхрейнцы¹ днем ранее принудили Шпейер к заключению договора. Маршал фон Хаберн, располагавший лишь небольшим курфюршеским войском, ничего не смог предпринять против восставших крестьян, и поэтому курфюрст вынужден был 10 мая заключить с ними договор, в котором он гарантировал им, что ландтагом будет проведено облегчение их тягот.

Наконец, в *Вюртемберге* восстание еще раньше вспыхнуло в отдельных местностях. На Урахском нагорье крестьяне уже в феврале заключили союз против попов и господ, а в конце марта поднялись крестьяне Блаубейрена, Ураха, Мюнзингена, Балингена и Розенфельда. У Геппингена на территорию Вюртемберга вступили гайльдорфцы, у Браккенгейма вторгся Йеклейн Рорбах, у Пфуллингена — остаток разбитого лейнгеймского отряда; они подняли на восстание сельское население. Серьезные волнения начались и в других местностях. Уже 6 апреля крестьянам должен был сдаться Пфуллинген. Правительство австрийского эрцгерцога находилось в чрезвычайно затруднительном положении. У него совсем не было денег и имелось очень мало войск. Города и замки находились в самом жалком состоянии; у них не было ни гарнизонов, ни снаряжения. Даже Асперг был почти совершенно беззащитен.

Попытка правительства стянуть городские ополчения и двинуть их против крестьян немедленно привела к его поражению. 16 апреля боттварское ополчение отказалось выступить и, вместо того чтобы идти к Штутгарту, направилось к Вунненштейну² у Боттвара, образовав там ядро быстро растущего

¹ *Брукхрейн* — область, охватывающая расположенные на правом берегу Рейна округа Шпейерского епископства. *Ред.*

² *Вунненштейн* — гористая местность близ Боттвара. *Ред.*

лагеря из бюргеров и крестьян. В тот же день восстание вспыхнуло в Цабергау; Маульброннский монастырь подвергся разграблению; ряд других монастырей и замков был совершенно опустошен. Из соседнего Брухрейна к крестьянам пришли подкрепления.

Во главе отряда, собравшегося на Вунненштейне, встал *Матерн Фейербахер*, городской советник в Боттваре, один из вождей бюргерской оппозиции, который, однако, настолько себя скомпрометировал, что должен был идти вместе с крестьянами. Тем не менее он все время держался весьма умеренно, препятствовал применению по отношению к замкам требований «Письма-тезисов» и всюду стремился играть роль посредника между крестьянами и умеренными бюргерами. Он помешал соединению вюртембержцев с Лучезарно-светлым отрядом; именно он побудил позднее гайльдорфцев уйти из Вюртемберга. Из-за своих бюргерских тенденций 19 апреля он был смещен, но уже на следующий день его снова назначили военачальником. Его считали необходимым, и даже когда 22 апреля к вюртембержцам присоединился Йеклейн Рорбах с 200 решительных людей, последнему пришлось оставить Фейербахера на его посту, ограничившись лишь тщательным надзором за его действиями.

18 апреля правительство попыталось вступить в переговоры с крестьянами, расположившимися на Вунненштейне. Крестьяне настаивали на том, чтобы оно приняло двенадцать тезисов, на что, разумеется, правительственные уполномоченные не могли пойти. Тогда отряд двинулся в поход. 20 числа он находился в Лауффене, где предложения представителей правительства были отклонены в последний раз. 22-го отряд, численностью в 6 000 человек, расположился в Битиггейме, угрожая Штутгарту. Большинство членов штутгартского совета бежало, и во главе управления был поставлен комитет из горожан. Горожане были расколоты на те же партии, как и повсюду: на патрициат, бюргерскую оппозицию и революционных плебеев. Последние открыли 25 апреля крестьянам ворота, и Штутгарт был немедленно занят. Здесь была окончательно установлена организация *Светлого христианского отряда*, как стали теперь называть себя вюртембергские повстанцы, и выработаны твердые правила относительно жалованья, раздела добычи, снабжения и т. д. К крестьянам примкнул небольшой отряд штутгартцев во главе с Тейсом Гербером.

29 апреля Фейербахер выступил со всем отрядом против вторгнувшихся на территорию Вюртемберга вплоть до Шорндорфа гайльдорфцев, принял всю местность в союз и на этом основании принудил гайльдорфцев вернуться обратно. Таким путем он помешал опасному усилению революционных элементов

в своем отряде, во главе которых стоял Рорбах, что имело бы место в случае слияния с неукротимыми гайльдорфцами. Получив известия о приближении Трухзесса, он двинулся из Шорндорфа навстречу последнему и 1 мая расположился лагерем у Кирхгейма-унтер-Тек.

Мы изобразили, таким образом, возникновение и развитие восстания в той части Германии, которую мы должны рассматривать как арену действия первой группы крестьянских отрядов. Прежде чем перейти к остальным группам (в Тюрингии и Гессене, Эльзасе, Австрии и Альпах), мы должны описать поход Трухзесса, в течение которого он, действуя сначала один, потом при поддержке различных князей и городов, уничтожил эту первую группу повстанцев.

Мы покинули Трухзесса у Ульма, куда он устремился в конце марта, оставив у Кирхгейма-унтер-Тек наблюдательный отряд под начальством Дитриха Шпета. Корпус Трухзесса, — численность которого после включения в него сосредоточенных в Ульме союзных подкреплений составляла почти 10 000 человек, из коих 7 200 были пехотинцы, — являлся единственным войском, пригодным для наступательной войны против крестьян. Подкрепления стягивались в Ульм чрезвычайно медленно, отчасти вследствие трудности вербовки в охваченных восстанием местностях, отчасти из-за отсутствия денег у правительств, отчасти потому, что наличные немногочисленные войска повсюду были более чем необходимы для обороны замков и городов. Мы уже видели, какими небольшими военными силами располагали князья и города, не принадлежавшие к Швабскому союзу. Все зависело, таким образом, от успехов Георга Трухзесса и его союзной армии.

Трухзесс обратился сначала против *бальтрингенского отряда*, который начал тем временем опустошать замки и монастыри в районе Рида. Крестьяне, отступившие при приближении союзных войск, были путем обхода вытеснены из болот, перешли через Дунай и бросились в ущелья и леса Швабского Альба. Здесь, где конница и артиллерия, составлявшие главную силу союзной армии, ничего не могли против них сделать, Трухзесс прекратил их преследование. Он двинулся против лейпгеймцев, из которых 5 000 человек находились у Лейпгейма, 4 000 — в Миндельтале и 6 000 — у Иллертиссена; они подняли восстание во всей области, разрушали замки и монастыри и готовились двинуться всеми тремя колоннами на Ульм. Здесь, повидимому, крестьяне также были уже охвачены известной деморализацией, уничтожившей боеспособность отряда, ибо Якоб Вез с самого начала пытался вступить с Трухзессом в переговоры. Однако последний, располагая достаточными военными силами, ни на какие переговоры больше не шел и, напав 4 апреля на основное

ядро отряда у Лейпгейма, разбил его наголову. Якоб Вее и Ульрих Шен, а также два других крестьянских вожака были взяты в плен и обезглавлены; Лейпгейм капитулировал, и после нескольких набегов в окрестности весь округ был покорен.

Новый мятеж ландскнехтов, вызванный жадной грабежа и желанием получить дополнительную плату, снова задержал Трухзесса до 10 апреля. Затем он двинулся на юго-запад против *бальтрингенцев*, которые тем временем напали на его владения Вальдбург, Цейль и Вольфегг и осадили его замки. И здесь он застал силы крестьян раздробленными и разбил их 11 и 12 апреля по частям в нескольких сражениях, в результате которых бальтрингенский отряд также был совершенно рассеян. Остатки его под начальством попа Флориана отступили к месту расположения *приозерного отряда*. Против последнего и обратился теперь Трухзесс. Приозерный отряд, который за это время не только предпринял ряд набегов, но и заставил примкнуть к братству города Бухгорн (Фридрихсхафен) и Вольматинген, созвал 13 апреля в монастыре Салем большой военный совет, принявший решение идти навстречу Трухзессу. Немедленно всюду стали бить в набат, и в берматингенском лагере собралось 40 000 человек, к которым присоединились также разбитые бальтрингенцы. 15 апреля крестьяне выдержали удачный бой с Трухзессом, который, не желая рисковать здесь своей армией в генеральном сражении, предпочел начать переговоры, тем более что он узнал о приближении крестьянских отрядов из Альгау и Гегау. Поэтому 17 апреля он заключил в Вейнгартене с приозерными и бальтрингенскими крестьянами с виду довольно выгодный для них договор, на который они, не задумываясь, согласились. Он добился даже того, что этот договор приняли также делегаты верхнеальгауских и нижнеальгауских крестьян, и затем отступил в Вюртемберг.

Хитрость Трухзесса спасла его здесь от верной гибели. Если бы он не сумел одурачить неустойчивых, ограниченных и в большинстве своем уже деморализованных крестьян и их большей частью неспособных, трусливых и продажных вожаков, то он был бы со своим небольшим войском окружен четырьмя колоннами, насчитывавшими вместе самое меньшее 25—30 тысяч человек, и безусловно уничтожен. Но ограниченность его врагов — ограниченность, неизбежная у крестьянских масс, — позволила ему ускользнуть из их рук как раз в такой момент, когда они могли бы одним ударом закончить всю войну, по крайней мере в Швабии и Франконии. Приозерные крестьяне с такой пунктуальностью соблюдали договор, посредством которого они, разумеется, оказались в конечном счете жестоко обманутыми, что впоследствии подняли оружие на своих же собственных

союзников — гегауских крестьян; альгауские крестьяне, вовлеченные в предательскую сделку своими вожаками, правда, тотчас же отrekliсь от договора, но Трухзесс тем временем уже был вне опасности.

Гегауские крестьяне, хотя они и не подписывали Вейнгартенского договора, дали вслед за тем новое доказательство беспредельной местной ограниченности и упрямого провинциализма, которые погубили всю крестьянскую войну. Когда Трухзесс после безрезультатных переговоров с ними направился в Вюртемберг, они последовали за ним, все время оставаясь у него во фланге; однако им не пришло в голову соединиться с вюртембергским Светлым христианским отрядом, и притом только на том основании, что вюртембержцы и некарталцы однажды отказали им в помощи. Поэтому, когда Трухзесс отошел достаточно далеко от их родных мест, они преспокойно повернули назад и двинулись на Фрейбург.

Мы расстались с вюртембержцами, под начальством Матерна Фейербахера, у Кирхгейма-унтер-Тек, откуда оставленный Трухзессом наблюдательный отряд под начальством Дитриха Шпета отступил к Ураху. После неудачной попытки взять Урах Фейербахер повернул к Нюртингену и разослал всем соседним повстанческим отрядам письма с просьбой о подкреплении для решающей битвы. И действительно, значительные подкрепления прибыли как из вюртембергской равнины, так и из Гея¹. В частности гейские крестьяне, примкнувшие к остаткам лейпгеймского отряда, которые отступили к западному Вюртембергу, и поднявшие восстание по всей долине верхнего Неккара и Нагольда вплоть до Беблингена и Леонберга, выступили двумя сильными отрядами и 5 мая соединились с Фейербахером в Нюртингене. Трухзесс столкнулся с соединенными отрядами у Беблингена. Их численность, их артиллерия и выбранная ими позиция привели его в замешательство; прибегнув к своему обычному методу, он немедленно начал с крестьянами переговоры и заключил с ними перемирие. Как только их бдительность была таким путем усыплена, он 12 мая внезапно напал на них *во время перемирия* и заставил принять генеральное сражение. Крестьяне долго и мужественно сопротивлялись, пока, наконец, Беблинген не был сдан Трухзессу в результате предательства бюргеров. Левый фланг крестьян, лишившийся вследствие этого опоры, был смят и обойден. Это решило исход сражения. Недисциплинированные крестьяне пришли в расстройство и вскоре обратились в паническое бегство; тот, кто не был убит или взят в плен союзной конницей, бросал оружие и спешил вернуться домой. Светлый христиан-

¹ Гей — гористая область в юго-западной части Вюртемберга. *Ред.*

ский отряд был совершенно рассеян, а вместе с ним было подавлено и вюртембергское повстанческое движение. Тейс Гербер укрылся в Эслингене, Фейербахер бежал в Швейцарию; Иеклейна Рорбаха взяли в плен и таскали в цепях до прибытия в Неккаргартах, где по приказанию Трухзесса его привязали к столбу и, обложив дровами, живьем зажарили на медленном огне. Сам Трухзесс, пируя тут же вместе со своими рыцарями, услаждался этим рыцарским зрелищем.

Из Неккаргартах Трухзесс, вторгнувшись в Крайхгау, поддержал операции курфюрста Пфальцского. Последний, набрав тем временем войска, по получении известий об успехах Трухзесса немедленно нарушил договор с крестьянами, начал 23 мая на Брухрайн, взял после упорного сопротивления Мальш и сжег его, разграбил ряд деревень и занял Брухзаль. В это же время Трухзесс захватил Эппинген, взяв в плен тамошнего вождя движения Антона Эйзенхута, который был по приказу курфюрста немедленно же казнен вместе с дюжиной других крестьянских вожаков. Брухрайн и Крайхгау были, таким образом, усмирены и должны были заплатить около 40 000 гульденов контрибуции. Оба войска — отряд Трухзесса, сократившийся в результате предыдущих сражений до 6 000 человек, и отряд курфюрста (6 500 человек) — соединились и двинулись против оденвальдцев.

Весть о поражении под Беблингеном вызвала повсюду смятение среди повстанцев. Те вольные имперские города, которые подпали под стеснительную опеку крестьян, неожиданно почувствовали облегчение. Хейльбронн первый сделал шаг к примирению с Швабским союзом. В Хейльбронне находилась крестьянская канцелярия и заседали делегаты различных отрядов, обсуждая предложения, которые должны были быть сделаны императору и империи от имени всех восставших крестьян. Эти совещания, призванные привести к общим, имеющим значение для всей Германии результатам, еще раз показали, что ни одно из сословий, в том числе и крестьянство, не достигло достаточной зрелости, чтобы, исходя из своей собственной позиции, все немецкие порядки перестроить по-новому. Сразу же выяснилось, что для этой цели необходимо было привлечь дворянство и, в особенности, горожан. Благодаря этому руководящая роль в обсуждении этих вопросов перешла в руки *Венделя Гиплера*. Из всех вождей движения Вендель Гиплер правильное всего понимал существующее положение вещей. Он не был ни революционером с широким кругозором, как Мюнцер, ни представителем крестьян, как Медлер и Рорбах. Его многосторонний опыт и практическое знание положения, которое занимали отдельные сословия по отношению друг к другу, не позволяли ему сделаться выразителем интересов

исключительно одного из участвовавших в движении сословий в противовес другим. Подобно тому как Мюнцер — в качестве представителя того класса, который стоял вне всяких существовавших до того времени официальных общественных связей и являлся зародышем пролетариата, — возвысился до предчувствия коммунизма, точно так же и Вендель Гиплер, представитель, так сказать, средней равнодействующей всех прогрессивных элементов нации, пришел к предчувствию *современного буржуазного общества*. Правда, защищаемые им принципы и выдвигаемые им требования не представляли собой чего-то непосредственно возможного, но они воплотили в себе, хотя и в несколько идеализированном виде, необходимые результаты происходившего разложения феодального общества, и крестьяне, как только они задались целью составить проекты законов для всей империи, неизбежно должны были стать на эту точку зрения. В результате централизация, которую требовали крестьяне, обрела здесь, в Хейльбронне, более определенные очертания, хотя в этом виде она и бесконечно отличалась от представлений о ней крестьян. Так, например, она была значительно уточнена во всем, что касалось установления единства монеты, мер и весов, отмены внутренних таможенных пошлин и т. д., словом, требований, которые гораздо более отвечали интересам городских бюргеров, чем крестьян. Так, и дворянству были сделаны уступки, весьма приближавшиеся к современным выкупам и ведущие в конечном счете к превращению феодальной земельной собственности в буржуазную. Короче говоря, как только крестьянские требования были сведены к проекту «имперской реформы», они неизбежно оказались подчиненными, если не текущим требованиям бюргеров, то их конечным интересам.

В то время как в Хейльбронне еще обсуждалась эта имперская реформа, автор «Объяснения двенадцати тезисов» Ганс Берлин уже выехал навстречу Трухзессу, чтобы от имени патрициата и бюргерства начать переговоры о сдаче города. Измена была поддержана происками реакции в самом городе; Вендель Гиплер и крестьяне должны были бежать. Гиплер отправился в Вейнсберг, где попытался собрать остатки вюртембержцев и тех немногих гайльдорфцев, которые находились еще в боевой готовности. Но приближение курфюрста Пфальцского и Трухзесса заставило его уйти и отсюда, и он должен был отправиться в Вюрцбург, чтобы всколыхнуть Лучезарно-светлый отряд. Тем временем союзные и курфюршеские войска покорили всю область Неккара, заставили крестьян вновь принести присягу, сожгли множество деревень, перебили и перевешали всех попавших им в руки беглых крестьян. В отместку за казнь Гельфенштейна Вейнсберг был сожжен дотла.

Между тем соединившиеся у Вюрцбурга крестьянские отряды осадили Фрауэнберг; 15 мая, еще прежде чем была пробита брешь, они произвели храбрый, но оказавшийся безрезультатным штурм крепости. 400 лучших воинов, принадлежавших большей частью к отряду Флориана Гейера, полегли во рвах мертвыми или ранеными. Два дня спустя, 17 мая, прибыл Вендель Гиплер и созвал военный совет. Он предложил оставить под Фрауэнбергом только 4 000 человек, а со всеми главными силами, численностью до 20 000 человек, расположиться на глазах у Трухзесса лагерем у Краутгейма на Ягсте, куда могли быть стянуты все подкрепления. План был превосходен: лишь собрав всю массу повстанцев и опираясь на численное превосходство, можно было надеяться разбить княжеское войско, численность которого достигла теперь 13 000 человек. Но деморализация и упадок духа у крестьян были уже слишком велики, чтобы можно было предпринять какие-либо решительные действия. Гец фон Берлихинген, который вскоре открыто повел себя как предатель, также, повидимому, немало сделал для того, чтобы удержать отряд на месте; в результате план Гиплера так и не был приведен в исполнение. Вместо этого отряды, как и прежде, остались разобщенными. Лучезарно-светлый отряд двинулся лишь 23 мая, после того как франконцы обещали возможно скорее последовать за ним. 26 числа весть о том, что маркграф¹ начал военные действия против крестьян, заставила возвратиться домой стоявший у Вюрцбурга небольшой ансбахский отряд. Оставшаяся часть осадного войска вместе с Черным отрядом Флориана Гейера заняла позиции у Гейдингсфельда, недалеко от Вюрцбурга.

Лучезарно-светлый отряд прибыл в Краутгейм 24 мая в малобеспособном состоянии. Здесь многие крестьяне, узнав, что их деревни тем временем принесли присягу Трухзессу, разошлись под этим предлогом по домам. Отряд двинулся дальше к Неккарзульму и здесь вступил 28 мая в переговоры с Трухзессом. В то же время были разсланы гонцы к франконцам, эльзасцам и шварцвальд-гегауским крестьянам с призывом немедленно прислать подкрепления. Из Неккарзульма Гец двинулся обратно к Эрингену. Отряд таял с каждым днем; во время этого перехода исчез и сам Гец фон Берлихинген; он ускакал домой, вступив еще раньше через посредство своего старого товарища по оружию Дитриха Шпета в переговоры с Трухзессом относительно своего перехода к последнему. У Эрингена ложные

¹ Речь идет о маркграфе Казимире Бранденбургском, владевшем княжествами Ансбах и Байрейт. *Ред.*

известия о приближении врага в одно мгновение привели беспомощную и упавшую духом массу в состояние панического страха; отряд разбежался в полном беспорядке, и лишь с большим трудом Мецлеру и Венделю Гиплеру удалось удержать около 2 000 человек, которых они повели снова к Краутгейму. Тем временем появилось и франконское ополчение, числом в 5 000 человек. Но, продвигаясь через Левенштейн к Эрингену обходным путем, указанным Гецом, очевидно, в предательских целях, оно разошлось со Светлым отрядом и направилось к Неккарзульму. Этот городок, занятый несколькими подразделениями Лучезарно-светлого отряда, был осажден Трухзессом. Франконцы подошли к нему ночью и увидели огни союзного лагеря; но у их предводителей нехватило мужества отважиться на нападение, и они отступили обратно к Краутгейму, где, наконец, и застали остатки Лучезарно-светлого отряда. Не дождавшись помощи, Неккарзульм сдался 29 мая союзным войскам. Трухзесс приказал немедленно казнить тринадцать крестьян и двинулся навстречу Светлому отряду, подвергая всю местность огню и мечу, грабежам и убийствам. Его путь в долинах Неккара, Кохера и Ягста повсюду был отмечен пепелищами и повешенными на деревьях крестьянами.

У Краутгейма союзное войско настигло крестьян, которые, вследствие флангового движения Трухзесса, должны были отступить к Кенигсхофену на Таубере. Здесь они, в количестве 8 000 человек с 32 пушками, и заняли позицию. Трухзесс приблизился к ним под прикрытием холмов и леса и, двинув вперед обходные колонны, обрушился на них 2 июня с таким численным перевесом и такой энергией, что крестьяне, несмотря на упорнейшее, длившееся до наступления ночи сопротивление многих групп, были совершенно разбиты и рассеяны. Как и всегда, главную роль в разгроме войска повстанцев сыграла союзная конница, прозванная «крестьянской смертью»; бросившись на расстроенных уже артиллерийской канонадой, ружейным огнем и атаками копейщиков крестьян, она совершенно рассеяла их и затем уничтожила поодиночке. О том, какого рода войну вели Трухзесс и его конница, лучше всего свидетельствует судьба 300 кенигсхофенских горожан, находившихся в крестьянском войске. Во время битвы все они, за исключением пятнадцати человек, были изрублены, а из уцелевших пятнадцати четверо было потом обезглавлено.

Покончив таким образом с оденвальдцами, неккартальцами и нижнефранконцами, Трухзесс посредством разбойничьих набегов, сожжения целых деревень, бесчисленных казней усмирил всю окрестную местность и затем двинулся на Вюрцбург. В пути он узнал, что второй франконский отряд,

под начальством Флориана Гейера и Грегора фон Бург-Бернгейма, стоит у Зульцдорфа, и немедленно двинулся против этого отряда.

Со времени неудачного штурма Фрауэнберга Флориан Гейер был занят главным образом переговорами с князьями и городами относительно вступления их в крестьянское братство, в частности переговорами с городом Ротенбургом и с маркграфом Казимиром, правителем Ансбаха. Известие о поражении при Кенигсхофене заставило его немедленно вернуться. С его отрядом соединился возглавляемый Грегором фон Бург-Бернгеймом ансбахский отряд, который образовался совсем недавно. Маркграфу Казимиру, действовавшему в чисто гогенцоллернском стиле, удавалось частично путем обещаний, частично путем угрозы применения военной силы сдерживать крестьянское восстание в своих владениях. Он соблюдал строгий нейтралитет по отношению ко всем чужим отрядам, пока в их рядах не было ни одного ансбахского подданного, и стремился обратить ненависть крестьян главным образом против церковных учреждений, рассчитывая в конечном счете обогатиться путем конфискации их имуществ. При этом он не переставал вооружаться и выжидал удобного случая. Едва только пришло известие о сражении при Беблингене, как он немедленно же начал военные действия против своих мятежных крестьян, разграбил и сжег их деревни и многих из них приказал повесить и перебить. Однако крестьяне быстро собрали силы и под предводительством Грегора фон Бург-Бернгейма разбили маркграфа 29 мая при Виндсгейме. Они еще преследовали его, когда до них дошел призыв о помощи попавших в беду оденвальдцев, и они немедленно двинулись к Гейдингсфельду, а отсюда вместе с Флорианом Гейером снова к Вюрцбургу (2 июня). Не имея никаких вестей от оденвальдцев, они оставили здесь 5 000 крестьян и с 4 000 человек — остальные разбежались — двинулись по следам других отрядов. Уверенные в безопасности под влиянием ложных сведений об исходе битвы при Кенигсхофене, они были застигнуты врасплох Трухзессом при *Зульцдорфе* и разбиты им наголову. Как обычно, всадники и ландскнехты Трухзесса устроили страшную кровавую баню. Флориан Гейер собрал остатки своего Черного отряда в количестве 600 человек и пробился с ними к деревне Ингольштадт. 200 человек заняли церковь и кладбище, 400 — замок. Отряд преследовали солдаты курфюрста Пфальцского: колонна в 1 200 человек заняла деревню и подошла к церкви; те, кто не погибли в пламени, были перебиты. Затем нападавшие пробили брешь в ветхой стене замка и попытались взять его приступом. Дважды отбитые крестьянами, укрывшимися за второй внутренней стеной, они разрушили пушечным огнем и эту стену и в третий раз принялись штурмовать

замок, на этот раз успешно. Половина людей Флориана Гейера была изрублена, с последними двумя сотнями ему удалось спастись. Но уже на следующий день (духов день) его убежище было открыто; пфальцские солдаты окружили лес, в котором он скрывался, и перебили весь отряд. За эти два дня было взято всего-навсего 17 пленных. Флориану Гейеру с несколькими наиболее отважными смельчаками опять удалось пробиться и направиться к гайльдорфцам, которые вновь образовали отряд в 7 000 человек. Но по прибытии к ним он обнаружил, что большая часть отряда под влиянием поступавших со всех сторон удручающих известий снова рассеялась. Он попытался собрать крестьян, рассеявшихся в лесу, но был 9 июня застигнут врасплох неприятельским отрядом у Галля и пал в бою.

Трухзесс, который уже после победы при Кенигсхофене немедленно подал весть о себе осажденным во Фрауэнберге, двинулся теперь на Вюрцбург. Городской совет вступил с ним в тайный сговор, в результате чего союзное войско смогло ночью 7 июня окружить город вместе с находившимися в нем 5 000 крестьян и на следующее утро вступить в него через открытые советом ворота, даже не обнажив мечей. Благодаря этой измене вюрцбургских «благородных» горожан последний франконский крестьянский отряд был разоружен и все его предводители были взяты в плен. Трухзесс приказал тотчас же обезглавить 81 человека. В Вюрцбург один за другим съезжались различные франконские князья: прибыл сам епископ Вюрцбургский, а также епископ Бамбергский и маркграф Бранденбург-Ансбахский. Милостивые господа распределили между собой роли. Трухзесс отправился вместе с епископом Бамбергским, который тотчас же нарушил заключенный со своими крестьянами договор и отдал свою страну на растерзание неистовым ордам убийц и поджигателей, составлявших союзную армию. Маркграф Казимир занялся опустошением своих собственных владений. Тейнинген был сожжен; бесчисленное количество деревень было разграблено или предано огню; при этом в каждом городе маркграф творил кровавый суд. В Нейштадте-на-Айше по его приказанию было обезглавлено 18, в Маркт-Бюргеле — 43 мятежника. Отсюда он отправился в Ротенбург, где патрициат уже успел произвести контрреволюционный переворот и арестовать Стефана фон Менцингена. Ротенбургские мелкие бюргеры и плебеи должны были теперь жестоко расплатиться за свое столь двусмысленное поведение по отношению к крестьянам, за то, что они до последнего момента отказывали им в какой бы то ни было помощи, за то, что, побуждаемые узколобым местным эгоизмом, они добивались подавления деревенского ремесла в интересах городских цехов и только против воли отказались от тех доходов, которые город получал за счет феодальных

повинностей крестьян. Маркграф приказал обезглавить из них 16 человек и в первую очередь, конечно, Менцингена. — Епископ Вюрцбургский подобным же образом прошел свою область, грабя и предавая все огню и мечу. Во время своего победоносного шествия он казнил 256 мятежников и по возвращении в Вюрцбург увенчал свои подвиги тем, что обезглавил еще 13 вюрцбургских горожан.

В Майнцском архиепископстве наместник, епископ Вильгельм Страсбургский, восстановил спокойствие, не встретив сопротивления. Он предал казни лишь четверых. На Рейнгау, где также происходили волнения, но все давно разошлись по домам, уже после этого совершил нападение Фровен фон Гуттен, двоюродный брат Ульриха; он внес окончательное «успокоение» казнью 12 зачинщиков. Во Франкфурте, который также пережил значительные революционные волнения, недовольство было сдержано сначала уступчивостью совета, позднее — на вербованными войсками. В Рейнском Пфальце после нарушения договора курфюрстом снова собралось около 8 000 крестьян, которые опять принялись жечь монастыри и замки; однако архиепископ Трирский пришел на помощь маршалу фон Хаберну, и уже 23 июня при Пфеддерсгейме крестьяне были разбиты. Ряд свирепых мер (в одном только Пфеддерсгейме было казнено 82 человека) и занятие Вейсенбурга 7 июля положили конец восстанию и здесь.

Из всех отрядов непобежденными оставались теперь только два: гегау-шварцвальдский и альгауский. С ними обоими вели интриги эрцгерцог Фердинанд. Подобно маркграфу Казимиру и другим князьям, пытавшимся использовать восстание для захвата церковных земель и княжеств, эрцгерцог стремился использовать его для усиления могущества австрийского дома. Он вступил в переговоры с предводителем альгауского отряда Вальтером Бахом и начальником гегауских крестьян Гансом Мюллером из Бульгенбаха с целью побудить крестьян высказаться за присоединение к Австрии; однако, хотя оба вожака и оказались продажными, они смогли добиться от своих отрядов лишь того, что альгауские крестьяне заключили с эрцгерцогом перемирие и стали соблюдать по отношению к Австрии нейтралитет.

Гегауские крестьяне во время своего отступления из Вюртемберга разрушили ряд замков и стянули к себе подкрепления из владений маркграфу Баденского. 13 мая они двинулись на Фрейбург, 18-го начали его обстрел и 23-го, после того как город капитулировал, вошли в него с развевающими знаменами. Отсюда они выступили против Штокхаха и Радольфцеля и в течение долгого времени безуспешно вели мелкую войну с гарнизонами этих городов. Оба города, а также дворянство и другие

окрестные города призвали на помощь, на основании Вейнгартенского договора, приозерных крестьян, и бывшие повстанцы из приозерного отряда в количестве 5 000 человек двинулись против своих союзников. Настолько сильна была местная ограниченность этих крестьян! Так поступить отказалось лишь 600 человек, которые хотели примкнуть к гегауским крестьянам, но их перебили. Между тем гегауский отряд, побуждаемый подкупленным Гансом Мюллером из Бульгенбаха, уже снял осаду; за этим немедленно последовало бегство Ганса Мюллера, и большая часть отряда разошлась. Оставшиеся укрепились на Гильцингенском склоне, где и были 16 июля разбиты и уничтожены собранными тем временем войсками. С гегаускими крестьянами при посредничестве швейцарских городов был заключен договор; это не помешало, однако, властям арестовать в Лауфенбурге Ганса Мюллера и, несмотря на его предательство, обезглавить его. В Брейсгау от крестьянского союза отпал теперь и Фрейбург (17 июля), пославший против крестьян войска; однако и здесь благодаря слабости княжеских военных сил 18 сентября был заключен договор в Оффенбурге¹, условия которого были распространены и на Зундгау. Восемь шварцвальдских объединений и клетгауские крестьяне, которые еще не были разоружены, подняли новое восстание вследствие тирании графа фон Зульца. В октябре повстанцы были разбиты. 13 ноября шварцвальдцы вынуждены были заключить договор², а 6 декабря пал Вальдсхут, последний оплот восстания на верхнем Рейне.

После ухода Трухзесса *альгауские крестьяне* возобновили действия против замков и монастырей; энергичными репрессивными мерами они мстили за опустошения, произведенные союзными войсками. Им противостояли немногочисленные войска, которые в состоянии были предпринять только отдельные небольшие набеги, но не могли следовать за повстанцами

¹ Оффенбургский договор, заключенный повстанцами Брейсгау с австрийским правительством, предусматривал восстановление прежних крестьянских повинностей и введение строгих правил против крестьянских союзов и «еретиков». Со своей стороны, правительство обязалось амнистировать рядовых участников движения и ограничиться сравнительно небольшими штрафами. На вожаков восстания амнистия, однако, не была распространена. Тем не менее даже этот неблагоприятный для крестьян договор был вскоре вероломно нарушен австрийскими властями и местными феодалами, подвергшими массовым кровавым репрессиям участников восстания, как только они сложили оружие. *Ред.*

² Согласно условиям договора, шварцвальдские крестьяне должны были снова присягнуть Габсбургам, возобновить выполнение прежних повинностей и не препятствовать кровавой расправе победителей с центром движения, городом Вальдсхутом. Защитники последнего, однако, держались еще в течение нескольких недель, и город был сдан только в результате измены бюргеров. *Ред.*

в глубь лесов. В Меммингене, державшемся в общем нейтрально, в июне вспыхнуло движение против патрициата, которое было подавлено лишь благодаря тому, что поблизости случайно оказалось некоторое количество союзных войск, успешных во-время притти на помощь патрициату. Проповеднику и вождю плебейского движения Шаппелеру удалось бежать в Санкт-Галлен. Крестьяне подступили к Меммингену и хотели было начать пробивать брешь, как вдруг до них дошло известие о том, что Трухзесс из Вюрцбурга выступил против них. 27 июня они двинулись двумя колоннами ему навстречу через Бабенхаузен и Обергюнцбург. Эрцгерцог Фердинанд еще раз попытался привлечь крестьян на сторону австрийского дома. Основываясь на заключенном им с крестьянами перемирии, он потребовал, чтобы Трухзесс прекратил дальнейшее наступление против них. Однако Швабский союз приказал Трухзессу напасть на крестьян, прекратив лишь грабежи и поджоги. Но Трухзесс был слишком расчетлив, чтобы отказаться от своего первого и важнейшего военного средства, даже если бы он смог обуздать своих ландскнехтов, приученных к непрерывным кровавым эксцессам на всем пути от Боденского озера до Майна. Крестьяне в количестве 23 000 человек заняли позицию позади Иллера и Луибаса. Трухзесс расположился против них с 11 000 человек. Позиции и того и другого войска были очень сильны; конница не могла действовать на лежащей впереди местности, и если ландскнехты Трухзесса превосходили крестьян своей организацией, военными припасами и дисциплиной, то альгауские крестьяне насчитывали в своих рядах много бывших солдат и опытных начальников и имели многочисленную, хорошо обслуживаемую артиллерию. 19 июля союзное войско открыло канонаду, которую обе стороны продолжали и 20-го, но без всякого результата. 21-го к Трухзессу присоединился Георг фон Фрундсберг с 300 ландскнехтами. Он знал многих из крестьянских предводителей, служивших под его командой во время итальянских походов, и завязал с ними переговоры. Там, где бессильны были военные средства, пришла на помощь измена. Вальтер Бах и ряд других начальников, а также канониры поддались подкупу. Они подожгли все имевшиеся у крестьян запасы пороха и побудили отряд предпринять обходное движение. Едва успев выйти из своих укрепленных позиций, крестьяне попали в засаду, устроенную Трухзессом по предварительному сговору с Бахом и другими изменниками. Их способность к сопротивлению была ослаблена еще и тем, что предатели-начальники покинули их под предлогом рекогносцировки и находились уже на пути в Швейцарию. В результате две крестьянские колонны были совершенно рассеяны, третьей, находившейся под начальством Кнопфа из Луибаса, удалось все же отступить

в порядке. Она заняла позицию на Колленберге у Кемптена, где и была окружена Трухзессом. Но и здесь он не отважился на открытое нападение; он лишил ее подвоза припасов и старался ее деморализовать, приказав поджечь около двухсот деревень в окрестностях. Голод и вид их пылающих жилищ принудили, наконец, крестьян к сдаче (25 июля). Более двадцати человек было немедленно казнено. Кнопфу из Луибаса, единственному предводителю этого отряда, не изменившему своему знамени, удалось бежать в Брегенц; но здесь он был арестован и после продолжительного заточения повешен.

Этим закончилась крестьянская война в Швабии и Франконии.

VI

Немедленно после первой вспышки движения в Швабии *Томас Мюнцер* снова поселился в *Тюрингию* и в конце февраля или в начале марта поселился в вольном имперском городе Мюльхаузене, где его партия была наиболее сильной. Он держал в своих руках нити всего движения; он знал, какая буря назревает повсеместно в Южной Германии, и решил сделать из Тюрингии центр движения для Северной Германии. Он нашел в высшей степени подготовленную почву. Сама Тюрингия, главный очаг реформационного движения, находилась в состоянии крайнего возбуждения; соседние области — Гессен, Саксония и район Гарца — были также подготовлены ко всеобщему восстанию: материальная нужда угнетенных крестьян сыграла в этом не меньшую роль, чем имевшие широкое хождение революционные религиозные и политические доктрины. Именно в Мюльхаузене вся масса мелкого бюргерства примкнула к крайнему, мюнцеровскому, направлению и с нетерпением ждала момента, когда можно будет показать высокомерному патрициату силу своего численного превосходства. Чтобы вспышка не произошла до наступления благоприятного момента, самому Мюнцеру пришлось выступить с призывами к спокойствию; но его ученик Пфейфер, здешний руководитель движения, был уже настолько скомпрометирован, что не мог дольше задерживать взрыва, и Мюльхаузен совершил свою революцию уже 17 марта 1525 г., еще до начала всеобщего восстания в Южной Германии. Старый патрицианский совет был свергнут и управление передано в руки вновь избранного «Вечного совета», председателем которого стал Мюнцер¹.

¹ Позднейшими исследователями установлено, что Мюнцер не занимал официальных постов в мюльхаузенском «Вечном совете». Присутствуя, однако, на его заседаниях и направляя его деятельность, он фактически возглавлял новое революционное правительство. *Ред.*

Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. То, что он *может* сделать, зависит не от его воли, а от того уровня, которого достигли противоречия между различными классами, и от степени развития материальных условий жизни, отношений производства и обмена, которые всегда определяют и степень развития классовых противоречий. То, что он *должен* сделать, чего требует от него его собственная партия, зависит опять-таки не от него самого, но также и не от степени развития классовой борьбы и порождающих ее условий; он связан своими прежними доктринами и требованиями, которые опять-таки вытекают не из данного соотношения общественных классов и не из данного, в большей или меньшей мере случайного, состояния условий производства и обмена, а являются плодом более или менее глубокого понимания им общих результатов общественного и политического движения. Таким образом, он неизбежно оказывается перед неразрешимой дилеммой: то, что он *может* сделать, противоречит всем его прежним выступлениям, его принципам и непосредственным интересам его партии; а то, что он *должен* сделать, невыполнимо. Словом, он вынужден представлять не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение уже достаточно созрело в данный момент. Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными. Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно. Примеры тому мы видели и в самом недавнем времени; напомним лишь о том положении, в котором очутились в последнем французском временном правительстве представители пролетариата¹, хотя и в их лице была представлена еще весьма низкая ступень развития пролетариата. Тот, кто после опыта февральского правительства, — о наших благородных немецких временных правительствах и

¹ Энгельс имеет в виду мелкобуржуазного социалиста Луи Блана и рабочего Александра Мартена (Альбера), которые вошли в качестве представителей пролетариата в буржуазное временное правительство Французской республики, созданное в феврале 1848 года. Играя жалкую роль придатка буржуазных политиков, «министры-социалисты», по характеристике В. И. Ленина, оказались на деле «пустым украшением или ширмой буржуазного правительства, громом народного возмущения от этого правительства, орудием обмана масс этим правительством» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., т. 25, стр. 343). *Ред.*

имперском регентстве¹ мы уже и не говорим, — может претендовать на официальные посты, тот либо является сверх меры ограниченным человеком, либо связан с крайней революционной партией в лучшем случае одними лишь фразами.

Положение Мюнцера во главе мюльхаузенского Вечного совета было, однако, еще более рискованным, чем положение любого современного революционного правителя. Не только тогдашнее движение, но и вся его эпоха еще не созрели для проведения в жизнь тех идей, относительно которых у него самого возникало лишь смутное предчувствие. Представляемый им класс не только далеко не достиг еще достаточного развития и не был еще способен подчинить себе все общество и преобразовать его, но едва лишь зарождался. Общественный переворот, рисовавшийся в его воображении, имел еще совсем мало оснований в наличных материальных условиях, и, наоборот, эти последние подготавливали общественный порядок, прямо противоположный тому, о котором он мечтал. При этом, однако, он оставался связанным своими прежними проповедями о христианском равенстве и евангельской общности имущества; он должен был, по крайней мере, сделать попытку осуществить их. Были провозглашены общность всех имущества, одинаковая для всех обязанность трудиться и упразднение всех существующих властей. В действительности же Мюльхаузен остался республиканским имперским городом с несколько демократизированной конституцией, с сенатом, избираемым всеобщим голосованием и находящимся под контролем народного собрания, и с наспех импровизированной организацией натурального обеспечения бедных. Общественный переворот, казавшийся столь ужасным его протестантским буржуазным современникам, в действительности никогда не выходил за рамки слабой и бессознательной попытки преждевременного установления позднейшего буржуазного общества.

Мюнцер сам, повидимому, чувствовал глубокую пропасть, отделявшую его теории от непосредственно окружающей его действительности, пропасть, которая тем меньше могла остаться им незамеченной, чем больше искажались его гениальные воззрения в неразвитых головах массы его приверженцев. С необычайным даже для него рвением отдался он делу распространения и организации движения; он писал письма и рассылал гонцов

¹ *Имперское регентство* — регентский совет из пяти членов, учрежденный в июне 1849 г. франкфуртским Национальным собранием впредь до введения в действие выработанной собранием «имперской конституции» и избрания императора Германии. Этот совет, состоявший из представителей «левой» мелкобуржуазной фракции, оказался таким же трусливым, беспомощным и неспособным к революционным действиям, как и собрание в целом. Он вскоре бесславно закончил свое существование. *Ред.*

и эмиссаров во все стороны. Его послания и проповеди дышат революционным фанатизмом, поразительным по сравнению даже с его прежними сочинениями. Совершенно исчез наивный юношеский юмор предреволюционных памфлетов Мюнцера, не осталось больше следов спокойной, размеренной речи мыслителя, которая не была чужда ему раньше; Мюнцер теперь весь перевоплотился в пророка революции; он неустанно разжигает ненависть к господствующим классам, пробуждает самые бурные страсти, употребляет лишь те могучие обороты речи, которые религиозный и национальный экстаз вкладывал в уста ветхозаветных пророков. Стиль, который он должен был теперь для себя выработать, ясно показывает уровень развития той аудитории, на которую он должен был воздействовать.

Пример Мюльхаузена и агитация Мюнцера быстро оказали свое действие далеко за пределами города. В *Тюрингии*, в *Эйхсфельде*, на *Гарце*, в *саксонских герцогствах*, *Гессене*, *Фульде*, *Верхней Франконии* и *Фогтланде* крестьяне повсеместно поднимали восстания, собирались в отряды и жгли замки и монастыри. Мюнцер был более или менее признанным вождем всего движения, а Мюльхаузен оставался его центром, между тем как в Эрфурте одержало верх чисто бюргерское движение и господствовавшая там партия все время занимала двусмысленную позицию по отношению к крестьянам.

Князья в Тюрингии сначала оказались в таком же состоянии растерянности и бессилия перед крестьянами, как во Франконии и Швабии. Лишь в последних числах апреля ландграфу Гессенскому удалось собрать войска — тому самому ландграфу Филиппу, чье благочестие так восхваляют протестантские и буржуазные историки реформации и о чьих гнусностях по отношению к крестьянам нам сейчас предстоит сказать пару слов. В результате нескольких форсированных походов и применения решительных мер ландграф Филипп вскоре усмирил большую часть своих владений и затем, стянув новые ополчения, двинулся в земли аббата Фульдского, который до этого времени был его сюзереном. Разбив 3 мая фульдский крестьянский отряд при Фрауэнберге, он привел в покорность всю область и воспользовался этим случаем для того, чтобы не только сбросить с себя ленную зависимость от аббата, но и превратить аббатство Фульдское в гессенский лен, имея в виду, конечно, его последующую секуляризацию. Затем он занял Эйзенах и Лангензальцу и, соединившись с герцогскими саксонскими войсками, двинулся к центру восстания, Мюльхаузену. Мюнцер собрал свои боевые силы — около 8 000 человек с несколькими пушками — у Франкенхаузена. Тюрингенский отряд далеко не обладал теми боевыми качествами, которые проявила часть верхнешвабских и франконских отрядов в борьбе с Трухзессом; он был плохо

вооружен и плохо дисциплинирован, насчитывал очень мало бывших солдат и совершенно не имел командиров. Сам Мюнцер, повидимому, не обладал ни малейшими познаниями в военном деле. Тем не менее князья сочли целесообразным прибегнуть и здесь к той тактике, которая так часто обеспечивала победу Трухзессу, — к вероломству. Завязав 16 мая переговоры, они заключили с крестьянами перемирие, но затем неожиданно напали на них еще до окончания срока последнего.

Мюнцер расположился со своим отрядом на горе, которая еще и теперь носит название Шляхтберг¹, окружив себя вагенбургом². В отряде уже заметно давал себя чувствовать упадок духа. Князья обещали амнистию, если отряд выдаст Мюнцера живым. Мюнцер, созвав круг, приказал обсудить предложение князей. Один рыцарь и один священник высказались за капитуляцию. Мюнцер немедленно приказал их ввести внутрь круга и обезглавить. Этот энергичный террористический акт, с восторгом встреченный решительными революционерами, снова придал некоторую стойкость отряду; но, в конце концов, большая часть его, несомненно, разошлась бы без всякого сопротивления, если бы крестьяне не заметили, что княжеские ландскнехты, окружив всю гору, стали приближаться сомкнутыми колоннами, несмотря на перемирие. Повстанцы быстро построились в боевом порядке за повозками, но уже ядра и ружейные пули стали бить в наполюину безоружных, не привыкших к военным действиям крестьян, и ландскнехты оказались у самого вагенбурга. После непродолжительного сопротивления линия повозок была прорвана, пушки крестьян захвачены, а сами они рассеяны. Они бежали в диком беспорядке, тем вернее попадая в руки обходных колонн и конницы, которые устроили им неслыханную кровавую баню. Из восьми тысяч крестьян было убито свыше пяти тысяч; остальные бежали во Франкенхаузен и одновременно с ними туда ворвалась княжеская конница. Город был взят. Мюнцер, раненный в голову, был обнаружен в одном доме и захвачен в плен. 25 мая сдался также и Мюльхаузен; остававшийся там Пфейфер бежал, но был схвачен на территории Эйзенаха.

Мюнцер был в присутствии князей подвергнут пыткам и затем обезглавлен. На место казни он пошел с тем же мужеством, с которым жил. К моменту казни ему было, самое большее, двадцать восемь лет. Обезглавлен был также и Пфейфер, а кроме того множество других. В Фульде начал свою кровавую расправу

¹ Шляхтберг — гора битвы. *Ред.*

² Вагенбургом назывался лагерь, укрепленный баррикадами из повозок; широко употреблялся в Чехии восставшими гуситами во время гуситских войн. *Ред.*

«христолюбивый» Филипп Гессенский. По приказу его и саксонских князей помимо других казненных в Эйзенахе было казнено мечом — 24, в Лангезальце — 41, после Франкенхаузенской битвы — 300, в Мюльхаузене — свыше 100, у Гёрмара — 26, у Тунгеды — 50, у Зангерхаузена — 12, в Лейпциге — 8 мятежников, не говоря уже о всякого рода членовредительстве и других менее суровых наказаниях и о разграблении и сожжении ряда деревень и городов.

Мюльхаузен потерял вольности имперского города и был присоединен к саксонским землям, так же как аббатство Фульдское к ландграфству Гессенскому.

Князья направились теперь в район Тюрингенского леса, где франконские крестьяне из бильдхаузенского лагеря, объединившись с тюрингенскими крестьянами, сожгли много замков. У Мейнингена произошла битва; крестьяне были разбиты и отступили к городу, но последний внезапно закрыл перед ними ворота и пригрозил им нападением с тыла. Приведенный в смятение этой изменой своих союзников, отряд вступил в переговоры с князьями о сдаче, но разбежался еще до конца этих переговоров. Бильдхаузенский лагерь уже давно распался; таким образом, с уничтожением этого отряда были подавлены последние остатки восстания в Саксонии, Гессене, Тюрингии и Верхней Франконии.

В Эльзасе восстание вспыхнуло позднее, чем на правом берегу Рейна. Лишь около середины апреля поднялись крестьяне в епископстве Страсбургском, а вскоре вслед за ними — крестьяне Верхнего Эльзаса и Зундгау. 18 апреля один нижнеэльзасский крестьянский отряд разграбил монастырь Альторф; у Эберсгейма и Барра, а также в долинах Виллера и Урбиса образовались другие отряды. Вскоре они соединились в большой нижнеэльзасский отряд и стали занимать города и местечки и разрушать монастыри. Повсюду в войско был призван каждый третий мужчина. Двенадцать тезисов этого отряда были значительно более радикальными, чем тезисы швабско-франконских крестьян¹.

В то время как одна из нижнеэльзасских колонн сосредоточилась в начале мая у Санкт-Ипполита и после неудавшейся

¹ Тезисы эльзасских крестьян не только более резко формулировали антифеодальные требования, изложенные в «Двенадцати тезисах» швабско-франконского крестьянства (отмена крепостного права, возвращение узурпированных дворянством общинных земель и т. д.), но во многом шли дальше этой программы. Они были направлены также и против ростовщиков (пункт об отмене ростовщического процента и др.), требовали упразднения не только малой, но и большой десятины, провозглашали право местного населения смещать должностных лиц, вызывавших недовольство народа, и заменять их новыми. *Ред.*

попытки привлечь на свою сторону этот город подчинили своей власти благодаря соглашению с горожанами 10 мая Беркен, 13-го Рацшольтсвейлер и 14-го Рейхенвейер, вторая колонна двинулась под начальством Эразма Гербера на Страсбург с целью внезапно овладеть им. Попытка эта не удалась; тогда колонна двинулась к Вогезам, разрушила монастырь Мауэрсмюнстер и осадила Цаберн, сдавшийся 13 мая. Отсюда она направилась к лотарингской границе и подняла восстание в пограничных областях герцогства, заняв вместе с тем и горные проходы. При Гербольцгейме на Сааре и у Нейбурга были образованы большие лагеря; у Сааргемюнда укрепилось около 4 000 немецко-лотарингских крестьян. Наконец, два выдвинутых вперед отряда, кольбенский в Вогезах у Штюрдельбрюнна и клебургский у Вейсенбурга, прикрывали фронт и правый фланг, в то время как опорой левого фланга служили верхнеэльзасцы.

Последние, придя в движение с 20 апреля, заставили войти в крестьянское братство 10 мая Зульц, 12-го Гебвейлер, 15-го Зеннгейм и его окрестности. Правда, австрийское правительство и окрестные имперские города немедленно заключили союз против крестьян, но они были чересчур слабы и не могли оказать им серьезного сопротивления, не говоря уже о том, чтобы напасть на них. В результате к середине мая весь Эльзас, за исключением немногих городов, оказался в руках повстанцев.

Но уже приближалось войско, которому предстояло сокрушить дерзкую отвагу эльзасских крестьян. Восстановление дворянского господства явилось здесь делом *французов*. Уже 6 мая выступил в поход герцог Антон Лотарингский с армией в 30 000 человек, имевшей в своих рядах цвет французского дворянства и испанские, пьемонтские, ломбардские, греческие и албанские вспомогательные войска. Натолкнувшись 16 мая у Лупштейна на 4 000 крестьян, он разбил их без всякого труда и уже 17-го числа заставил капитулировать занятый крестьянами Цаберн. Но договор о сдаче был нарушен еще во время вступления лотарингцев в город и разоружения крестьян; ландскнехты напали на беззащитных крестьян и большую часть из них перебили. Остальные нижнеэльзасские колонны рассеялись, и герцог Антон двинулся теперь на верхнеэльзасцев. Последние, отказавшись ранее притти в Цаберн на помощь нижнеэльзасцам, подверглись теперь при Шервейлере нападению всех лотарингских сил. Они оборонялись с большой храбростью, но огромный численный перевес противника — 30 000 против 7 000 — и измена нескольких рыцарей, в особенности рейхенвейерского фогта, сделали бесполезной всякую храбрость. Они были разбиты наголову и рассеяны. Затем

герцог с обычной жестокостью усмирил весь Эльзас. От его нашествия не пострадал только Зундгау. Австрийское правительство принудило здесь своих крестьян, под угрозой призвать в страну герцога, к заключению в начале июня Энзисгеймского договора. Однако оно само же немедленно нарушило этот договор, предав массовым казням на виселице проповедников и вожаков движения. Это вызвало новое крестьянское восстание, закончившееся тем, что на зундгауских крестьян было распространено действие Оффенбургского договора (от 18 сентября) ¹.

Нам остается теперь изложить еще ход крестьянской войны в альпийских землях Австрии. Жители этих земель, точно так же как и примыкающего к ним архиепископства Зальцбургского, находились еще со времени движения за «старые права» в непрерывной оппозиции к правительству и дворянству; реформационные учения также и здесь нашли себе благоприятную почву. Религиозные преследования и произвольное увеличение налогового бремени привели к тому, что восстание разразилось и в этой местности.

Город Зальцбург, поддерживаемый крестьянами и рудокопами, уже с 1522 г. враждовал с архиепископом из-за своих городских привилегий и споров по вопросам религии. В конце 1524 г. архиепископ с навербованными ландскнехтами напал на город, терроризировал горожан, наведя на них пушки со стен замка, и стал преследовать еретических проповедников. В то же время он ввел новые, весьма обременительные налоги, доведя этим все население до крайнего раздражения. Весной 1525 г. одновременно с восстанием в Швабии, Франконии и Тюрингии, во всей стране внезапно вспыхнуло восстание крестьян и рудокопов, которые организовались в отряды под начальством Праслера и Вейтмозера, освободили город и осадили замок Зальцбург. Подобно западнонемецким крестьянам, они образовали христианский союз и изложили свои требования в виде тезисов, которых здесь было четырнадцать ².

В Штирии, Верхней Австрии, Каринтии и Крайне, где новые незаконные налоги, пошлины и произвольные распоряжения паносили тяжелый ущерб самым кровным интересам народа,

¹ Об Оффенбургском договоре см. примечание к стр. 93 настоящего издания. *Ред.*

² Эти тезисы в основном воспроизводили требования «Двенадцати тезисов» швабско-франконских крестьян (отмена крепостной зависимости, упразднение малой десятины, посмертного побора и других феодальных повинностей, выборность священников и т. д.). Помимо того они содержали некоторые требования местного характера. *Ред.*

крестьяне также восстали весной 1525 года. Они захватили ряд замков и разбили при Гойсе престарелого главнокомандующего Дитрихштейна, усмирителя движения за «старые права». Хотя правительству при помощи лживых посулов и удалось успокоить часть восставших, основная масса их все же не разошлась и соединилась с зальцбургскими повстанцами, так что все архиепископство Зальцбургское и большая часть Верхней Австрии, Штирии, Каринтии и Крайны оказались в руках крестьян и рудокопов.

В Тироле реформационные учения также нашли себе большое число сторонников: здесь эмиссары Мюнцера развили даже еще более успешную деятельность, чем в остальных альпийских землях Австрии. Эрцгерцог Фердинанд и в этом крае преследовал проповедников новой веры и точно так же посягал на местные права населения посредством новых произвольных финансовых мероприятий. Следствием этого было, как и всюду, восстание, начавшееся весной того же 1525 года. Повстанцы, главным предводителем которых был один из последователей Мюнцера, Гейсмайер, единственный начальник среди всех крестьянских вождей, обладавший выдающимся военным талантом, захватили множество замков и весьма энергично расправились с попами, особенно на юге, в области Эча. Восстали также и форарльбергские¹ крестьяне, присоединившиеся к крестьянам Альгау.

Теснимому со всех сторон эрцгерцогу, который еще совсем недавно намеревался предать повстанцев огню и мечу и подвергнуть их разграблению и убийствам, пришлось теперь итти на одну уступку за другой. Он объявил о созыве ландтагов в своих наследственных землях, а на время до их открытия заключил с крестьянами перемирие. Тем временем он стал усиленно готовиться к военным действиям, чтобы при первой возможности заговорить со «злоумышленниками» иным языком.

Перемирие соблюдалось, разумеется, недолго. Дитрихштейн, у которого вышли все деньги, начал накладывать в герцогствах контрибуции. Его мадьярские и славянские войска позволяли себе, кроме того, самые бесстыдные жестокости по отношению к населению. Крестьяне Штирии поэтому снова подняли восстание, напали в ночь со 2 на 3 июля на главнокомандующего Дитрихштейна в Шладминге и перебили всех, кто не говорил по-немецки. Сам Дитрихштейн был взят в плен; утром 3-го числа крестьяне устроили суд присяж-

¹ *Форарльберг* — область в северо-западной части Тироля, граничащая с Швабией и Швейцарией. *Ред.*

пых, который приговорил сорок чешских и хорватских дворян из числа взятых в плен к смерти. Они были тут же обезглавлены. Это подействовало: эрцгерцог немедленно согласился удовлетворить все требования сословий пяти герцогств (Верхней и Нижней Австрии, Штирии, Каринтии и Крайны).

В Тироле также были удовлетворены требования ландтага, и этим было восстановлено спокойствие в северной части страны. Однако юг не сложил оружия, настаивая на своих первоначальных требованиях в противовес решениям ландтага, в которых эти требования были смягчены. Лишь в декабре эрцгерцог смог восстановить здесь порядок силой. Он не преминул, конечно, казнить большое количество попавших в его руки зачинщиков и вожаков восстания.

Против Зальцбурга в начале августа двинулось 10 000 баварцев под предводительством Георга фон Фрундсберга. Эта внушительная военная сила, а также раздоры, возникшие среди крестьян, побудили зальцбургских повстанцев заключить договор с архиепископом; заключение договора состоялось 1 сентября, и он был принят также и эрцгерцогом. Однако оба князя, успевшие тем временем в достаточной степени усилить свои войска, очень скоро нарушили этот договор, толкнув тем самым зальцбургских крестьян на новое восстание. Восставшие продержались всю зиму; весной к ним прибыл Гейсмайер, который начал блестящую кампанию против надвигающихся со всех сторон войск. В ряде великолепных сражений — в мае и июне 1526 г. — он разбил одних вслед за другими баварцев, австрийцев, войска Швабского союза, ландскнехтов архиепископа Зальцбургского и в течение долгого времени препятствовал соединению отдельных вражеских армий. Помимо того он нашел еще время осадить Радштадт. Окруженный, наконец, со всех сторон превосходящими его по численности силами, он вынужден был отступить; ему удалось пробиться из окружения, и он провел остатки своего отряда через австрийские Альпы в Венецианскую область. Венецианская республика и Швейцария послужили этому неутомимому крестьянскому вождю опорными пунктами для новых предприятий; в течение целого года он пытался втянуть их в войну с Австрией, в войну, которая должна была дать ему возможность поднять новое крестьянское восстание. Но во время этих переговоров его настигла рука убийцы; эрцгерцог Фердинанд и архиепископ Зальцбургский не могли быть спокойными, пока был жив Гейсмайер; они наняли одного бандита, и последнему в 1527 г. удалось прервать жизнь опасного революционера.

VII

С отступлением Гейсмайера в Венецианскую область закончился последний, заключительный акт крестьянской войны. Крестьяне повсюду были снова подчинены власти своих господ — духовенства, дворянства и патрициата; договоры, кое-где заключенные с ними, были нарушены, существовавшие ранее тяготы были увеличены огромными контрибуциями, наложенными победителями на побежденных. Самая величественная революционная попытка немецкого народа закончилась позорным поражением, на первое время вдвое усилившим гнет. Однако же длительное ухудшение положения крестьянства объясняется не подавлением крестьянского восстания. То, что могли выколачивать из крестьян из года в год дворяне, князья и попы, выколачивалось несомненно еще и до войны; немецкий крестьянин того времени имел с современным пролетарием то общее, что его доля в продуктах своего труда ограничивалась минимумом средств существования, необходимым для поддержания жизни и продолжения его рода. Таким образом, в целом, больше здесь уже нечего было взять. Правда, немалое количество более зажиточных средних крестьян разорилось, многие зависимые крестьяне были насильственно обращены в крепостных, были конфискованы обширные пространства общинных земель, значительное число крестьян вследствие разрушения их жилищ, опустошения их полей и общего беспорядка было обречено на бродяжничество или превратилось в городских плебеев. Но война и опустошения принадлежали к повседневным явлениям той эпохи, и в общем класс крестьян находился на слишком низком жизненном уровне, чтобы повышение податей могло на длительный срок ухудшить его положение. Последовавшие затем религиозные войны и, наконец, Тридцатилетняя война¹ с ее многократными массовыми опустошениями и истреблением населения имели для крестьян гораздо более тяжелые последствия, чем крестьянская война; в особенности Тридцатилетняя война уничтожила большую часть вложенных в земледелие произв-

¹ *Тридцатилетняя война* (1618—1648) — междоусобная война протестантских и католических князей в Германии, вызванная их непрерывными распрями друг с другом и столкновениями с императором; послужила также поводом для вмешательства в германские дела иностранных государств (Испании, Дании, Швеции, Франции). В результате войны Германия была совершенно опустошена и доведена, по словам Маркса, до «варварского состояния» (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. V, стр. 213). Заключенный в 1648 г. Вестфальский мир еще больше укрепил политическую раздробленность Германии, предоставив отдельным князьям право заключать сепаратные соглашения с иностранными державами, и санкционировал захват рядом европейских государств немецких земель. *Ред.*

дительных сил и этим, а также одновременным разрушением многих городов, на долгое время низвела крестьян, плебеев и разорившихся бюргеров до состояния, близкого к ирландской нищете в худшей ее форме.

Больше всего пострадало от последствий крестьянской войны *духовенство*. Принадлежавшие ему монастыри и церковные учреждения были сожжены, его драгоценности были разграблены, проданы за границу или пущены в переплавку, его запасы были съедены. Оно повсюду оказалось наименее способным к сопротивлению, и в то же время на него сильнее всего обрушилась вся тяжесть народной ненависти. Другие сословия — князья, дворяне, горожане — втайне даже радовались злосключениям ненавистных прелатов. Крестьянская война сделала популярной идею секуляризации церковных имений в пользу крестьян; светские князья и отчасти города постарались провести эту секуляризацию в *своих* интересах, и в протестантских землях владения прелатов очень скоро оказались в руках князей или городского патрициата. При этом был нанесен также ущерб и господству духовных князей: светские князья и в этом отношении сумели использовать народную ненависть. Так, мы видели, что аббат Фульдский, бывший сюзерен Филиппа Гессенского, был низведен до положения его вассала. Так, город Кемптен принудил своего князя-аббата продать за бесценок ряд важных привилегий, принадлежавших ему в городе.

Значительные потери понесло также *дворянство*. Большинство его замков было разрушено, часть влиятельнейших родов разорилась и лишь на службе у князей могла добывать себе пропитание. Бессилие дворянства перед крестьянами было доказано: повсюду оно было бито и вынуждено капитулировать; его спасли лишь княжеские войска. Оно все более и более теряло свое значение как сословие, непосредственно подчиненное империи, и попадало в зависимость от князей.

Города в целом также не получили от крестьянской войны никаких выгод. Господство патрициата почти всюду снова укрепилось, а бюргерская оппозиция на долгое время была сломлена. Таким образом, старая патрицианская рутина тянулась вплоть до французской революции, сковывая во всех отношениях торговлю и промышленность. Кроме того, князья заставили города отвечать за временные успехи, которых в ходе борьбы добились в городах бюргерская или плебейская партии. На города, уже ранее принадлежавшие к княжеским владениям, были наложены тяжелые контрибуции, они лишились своих привилегий и сделались беззащитными рабами произвола и корыстолюбия князей (Франкенхаузен, Арнштадт, Шмалькальден, Вюрцбург и т. д.); вольные имперские города были присоединены к княжеской территории (например, Мюльхаузен) или, по

крайней мере, были поставлены под опеку соседних князей, как, например, многие франконские имперские города.

При этих условиях исход крестьянской войны оказался выгодным одним только *князьям*. Уже в начале нашего изложения мы видели, что недостаточное промышленное, торговое и сельскохозяйственное развитие Германии сделало невозможным всякое объединение немцев в *нацию*, допуская лишь местную и провинциальную централизацию, и что поэтому носители этой централизации внутри раздробленности — князья составляли единственное сословие, на пользу которому должно было пойти всякое изменение существующих общественных и политических отношений. Уровень развития тогдашней Германии был настолько низок и в то же время настолько различен в разных провинциях, что рядом со светскими княжествами могли существовать и независимые церковные владения, городские республики и суверенные графы и бароны; но в то же время это развитие шло, хотя и очень медленно и вяло, в сторону *провинциальной* централизации, т. е. подчинения всех остальных сословий империи власти князей. Поэтому в итоге крестьянской войны в выигрыше могли остаться только князья. Так в действительности оно и случилось. Они выиграли не только относительно, от ослабления своих конкурентов: духовенства, дворянства и городов, но и абсолютно, так как им досталась *spolia opima* (главная добыча) за счет всех остальных сословий. Церковные имения были секуляризированы в их пользу; часть дворянства, наполовину или совершенно разорившаяся, должна была постепенно подчиниться их верховной власти; контрибуции, наложенные на города и крестьянские общины, текли в их казну, которая, кроме того, получила в результате упразднения большого числа городских привилегий значительно более широкий простор для своих излюбленных финансовых махинаций.

Раздробленность Германии, усиление и закрепление которой было главным результатом крестьянской войны, явилась в то же время и причиной ее неудачи.

Мы видели, насколько раздроблена была Германия, расчлененная не только на бесчисленные, независимые, почти совершенно чуждые друг другу провинции, но и на различные сословия и сословные группы, на которые делился народ в каждой из этих провинций. Кроме князей и попов мы находим в деревне дворян и крестьян, в городах патрициев, бюргеров и плебеев; это все были сословия с совершенно чуждыми друг другу интересами, если даже их интересы взаимно не сталкивались и не были прямо противоположны. И сверх того над всем этим сложным переплетением интересов тяготели еще интересы императора и папы. Мы видели, с какими усилиями, как несовершенно и как, в зависимости от местных условий, неодинаково

эти различные интересы в конце концов оформились в виде трех больших групп; как, несмотря на эту группировку, достигнутую с таким трудом, каждое сословие оказывалось в оппозиции к определяемому обстановкой направлению национального развития, проделывало свое движение на свой собственный манер, приходило вследствие этого в столкновение не только с консервативными, но и со всеми остальными оппозиционными сословиями и в конце концов должно было потерпеть поражение. Так было и с дворянством в восстании Зиккингена, и с крестьянами в крестьянской войне, и с бюргерами во всей их смиренной реформации. Ведь даже крестьяне и плебеи в большинстве районов Германии не смогли объединиться для совместных действий и оказывались стоящими друг другу поперек дороги. Мы видели также, какими причинами было вызвано это распыление классовой борьбы и обусловленные им полное поражение революционного движения и половинчатый исход бюргерского.

Предшествующее изложение достаточно ясно показало каждому, как местная и провинциальная раздробленность и неизбежно порождаемая ею местная и провинциальная узость кругозора привели все движение к гибели; как ни бюргеры, ни крестьяне, ни плебеи не оказались способными на объединенное общенациональное выступление, как крестьяне, например, действовали в каждой провинции на свой собственный страх и риск, постоянно отказывая соседним восставшим крестьянам в помощи, и потому поочередно истреблялись в отдельных сражениях войсками, численность которых не достигала даже десятой части всей массы восставших. Различные перемирия и договоры, заключенные отдельными отрядами с их противниками, составляют столько же актов измены общему делу; а то обстоятельство, что объединение отдельных отрядов оказывалось возможным не в силу большего или меньшего единства их собственных действий, а исключительно потому, что они сталкивались с общим, своеобразным врагом, от которого терпели поражение, ярко показывает степень взаимной отчужденности крестьян различных провинций.

Здесь опять-таки сама собой напрашивается аналогия с движением 1848—1850 годов. В 1848 г. интересы оппозиционных классов также пришли в столкновение друг с другом, и каждый из них действовал за себя. Буржуазия, слишком развитая, чтобы дальше терпеть феодально-бюрократический абсолютизм, не обладала еще достаточной силой, чтобы немедленно подчинить притязания других классов своим собственным. Пролетариат, еще слишком слабый, чтобы надеяться на быстрое преодоление буржуазного периода и на скорое завоевание власти им самим, успел уже при абсолютизме в достаточной мере

вкусить сладость господства буржуазии и вообще достиг уже слишком высокой ступени развития, чтобы хотя на одну минуту увидеть в освобождении буржуазии свое собственное освобождение. Масса нации — мелкая буржуазия, владельцы мелких мастерских (ремесленники) и крестьяне — была покинута на произвол судьбы своей пока еще естественной союзницей, буржуазией, как уже слишком революционная, а кое-где и оставлена пролетариатом, как еще недостаточно передовая; будучи сама, в свою очередь, раздробленной, она тоже ничего не добилась и держалась оппозиционно по отношению к своим союзникам по оппозиции как справа, так и слева. Наконец, все классы, принимавшие участие в движении 1848 г., страдали не меньшей провинциальной ограниченностью, чем крестьяне в 1525 году. Сотни местных революций и последовавшее за ними такое же количество столь же беспрепятственно осуществляемых местных реакций, сохранение в неприкосновенности деления на мелкие государства и т. д. и т. д. достаточно убедительно свидетельствуют об этом. *Кто после обеих немецких революций — революции 1525 г. и революции 1848 г. — и их результатов может еще болтать о федеративной республике, тому место лишь в сумасшедшем доме.*

Но, несмотря на все аналогии, обе революции — революция XVI века и революция 1848—1850 гг. — все же весьма существенно отличаются друг от друга. Революция 1848 г. доказывает если не прогресс Германии, то, по крайней мере, прогресс Европы.

Кто извлек выгоду из революции 1525 г.? — *Князья*. Кто извлек выгоду из революции 1848 г.? — *Крупные* государи, Австрия и Пруссия. За спиной мелких князей 1525 г. стояло мелкое бюргерство, привязывавшее их к себе налогами, а за крупными государами 1850 г., за Австрией и Пруссией, стоит современная крупная буржуазия, быстро подчиняющая их себе посредством государственного долга. А за спиной крупной буржуазии стоит пролетариат.

Революция 1525 г. была местным делом Германии. Англичане, французы, чехи, венгры уже успели проделать свои крестьянские войны к тому моменту, когда немцы стали совершать свою. Если Германия была раздроблена, то Европа была раздроблена в гораздо большей степени. Революция 1848 г. не была местным немецким делом, а представляла из себя отдельный эпизод великих европейских событий. Ее побудительные причины, действовавшие в течение всего ее хода, не ограничены узкими пределами какой-нибудь одной страны или даже одной части света. Мало того, страны, бывшие ареной этой революции, менее всего повинны в ее возникновении. Они представляют собой в большей или меньшей степени бессознательный и

безвольный сырой материал, подлежащий переработке в ходе движения, в котором теперь участвует весь мир, движения, которое при существующих общественных отношениях может, разумеется, представляться нам лишь как какая-то чуждая сила, хотя в конечном счете оно является не чем иным, как нашим собственным движением. Революция 1848—1850 гг. не может поэтому окончиться так, как окончилась революция 1525 года.

Написано Ф. Энгельсом летом 1850 г.

Впервые напечатано в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» № 5—6 за 1850 г.

Вышло отдельным изданием в 1870 и 1875 гг. в Лейпциге с предисловием Ф. Энгельса

Печатается по тексту третьего немецкого издания 1875 г.

Перевод с немецкого

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Ф. ЭНГЕЛЬС

МАРКА¹

В такой стране, как Германия, где еще добрая половина населения живет земледельческим трудом, социалистические рабочие, а через них и крестьяне, непременно должны познаться с тем, как возникло современное землевладение, и

¹ Очерк «Марка» был опубликован Энгельсом в качестве приложения к немецкому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке» (1882). В 1883 г. он был перепечатан в центральном органе германской социал-демократии «Der Social-Demokrat» и выпущен также в виде отдельного оттиска. Во введении к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке», вышедшему в 1892 г., Энгельс писал по поводу этого очерка следующее: «Приложение «Марка» было написано с целью распространения среди немецкой социалистической партии некоторых элементарных сведений относительно истории возникновения и развития земельной собственности в Германии. В то время это было тем более необходимо, что объединение городских рабочих немецкой социал-демократической партией было уже на верном пути к завершению, и перед партией встала задача заняться сельскохозяйственными рабочими и крестьянами. Это приложение было включено в издание из тех соображений, что первобытные формы землевладения, общие у всех тевтонских племен, и история их разложения еще менее известны в Англии, чем в Германии. Я оставил текст в его первоначальном виде, не касаясь гипотезы, недавно предложенной Максимом Ковалевским, согласно которой разделу пахотных и луговых полей между членами марки предшествовала общая совместная обработка этой земли большой патриархальной семейной общиной, охватывающей несколько поколений (чему примером может служить еще существующая южнославянская задруга); впоследствии же, когда община разрослась и стала слишком громоздкой для совместного ведения хозяйства, произошел раздел земель общины. Ковалевский, вероятно, вполне прав, однако вопрос еще находится *sub judice* [в стадии обсуждения]» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, Москва 1948, стр. 85. Ред.*

крупное, и мелкое. Нынешнему бедственному положению батраков и нынешней долговой кабале мелких крестьян необходимо противопоставить древнюю общую собственность всех свободных мужчин, охватывавшую все, что для них тогда действительно являлось «отечеством», т. е. унаследованным свободным общим владением. Поэтому я даю краткое историческое описание того древнейшего земельного строя германцев, от которого в наши дни сохранились только жалкие остатки, но который на протяжении всего средневековья служил основой и образцом всякого общественного устройства и пронизывал всю общественную жизнь не только Германии, но и Северной Франции, Англии и Скандинавии. И все же он был столь основательно забыт, что лишь в последнее время Г. Л. Мауреру пришлось снова открывать его действительное значение.

Два стихийно возникших факта господствуют у всех или почти у всех народов на заре их истории: разделение народа по признаку родства и общая собственность на землю. Так было и у германцев. Они принесли с собой из Азии деление на племена, родовые группы и роды; еще в римские времена они составляли свои боевые отряды таким образом, что всегда плечом к плечу стояли ближайшие родичи; то же деление господствовало у них при занятии новой области к востоку от Рейна и к северу от Дуная. Каждое племя оседало на новом месте не по прихоти и не в силу случайных обстоятельств, а в соответствии с родственной близостью соплеменников, как об этом ясно сообщает Цезарь. Более близким по родству крупным группам доставалась определенная область, в пределах которой опять-таки отдельные роды, включавшие определенное число семей, селились вместе, образуя отдельные села. Несколько родственных сел составляли «сотню» (на древнем верхненемецком — *huntari*, на древнем скандинавском — *heradh*), несколько сотен образовывали «гау», совокупность этих гау составляла данный народ. Земля, на которую не притязало село, оставалась в распоряжении сотни, то, что не попадало в ее надел, оставалось гау; оставшаяся и после этого свободной земля — большей частью очень значительное пространство — находилась в непосредственном владении всего народа. Так, в Швеции мы встречаем все эти различные ступени общинного владения рядом друг с другом. Каждое село имело сельскую общинную землю (*bys almänningar*), и паряду с этим существовала общинная земля — сотни (*härads*), гау или округа (*lands*) и, наконец, народа; на последнюю претендовал король, как представитель всего народа в целом, и поэтому она носила название *konungs almänningar*¹. Однако все эти земли без различия, даже и

¹ — королевская альменда. *Ред.*

королевская, назывались *almänningar*, альмендами, общинными землями.

Если в Германии и существовала когда-нибудь эта форма старосведского земельного общинного строя, относящегося со своими точно определенными подразделениями во всяком случае к более поздней ступени развития, то она быстро исчезла. На так называемой *марке*, весьма обширном пространстве земли, которое предоставлено было вначале каждому отдельному селу, быстро увеличивающееся население основывало ряд дочерних сел, которые вместе с материнским селом на равных или несколько урезанных правах образовывали теперь единую общину-марку. Поэтому, насколько источники позволяют проникнуть в прошлое, мы находим повсюду в Германии большее или меньшее число сел, соединенных в *одну* общину-марку. Однако над этими союзами, по крайней мере в первое время, стояли еще более обширные союзы-марки, охватывавшие сотни или округа, и, наконец, весь народ первоначально составлял единую большую общину-марку, распорядившуюся землей, которая оставалась в непосредственной владении народа, и осуществлявшую верховный надзор за входившими в нее подчиненными марками.

Еще в то время, когда Франкское королевство подчинило себе германские земли на восточном берегу Рейна, центр тяжести общины-марки, повидимому, находился в округе; округ, собственно говоря, и охватывал общину-марку. Ибо только этим и объясняется, что при административном разделении королевства снова появляется так много старых крупных марок в качестве судебных округов¹. Но уже вскоре после этого началось раздробление старых крупных марок. Однако еще в «Имперском праве» XIII и XIV столетий² значителен, что марка, как правило, включает от 6 до 12 сел.

Во времена Цезаря по крайней мере значительная часть германцев, — а именно племя свевов, еще не перешедшее к прочной оседлости, — обрабатывала землю сообща. Происходило это, судя по аналогии с другими народами, следующим образом: отдельные роды, включавшие в себя несколько родственных семей, обрабатывали сообща предоставленную им землю, которая из года в год подвергалась переделу, продукты же распределялись между семьями. Когда же и свевы к началу нашего

¹ Административной единицей Франкского королевства (позднее, с 800 г. империи Карла Великого) было графство. Как правило, графства совпадали с территорией прежних округов (*gau*) тех германских племен и народностей, которые входили в состав королевства или были им завоеваны. Графство являлось также судебным округом. *Ред.*

² «Имперское право» — свод общеимперских, изданных центральной властью, законов средневековой Германской империи (так называемой Священной римской империи), основанной в 962 г. *Ред.*

летосчисления прочно осели на новых местах, такой порядок вскоре прекратился. Во всяком случае Тацит (через 150 лет после Цезаря) знает только обработку земли отдельными семьями. Но и им участки для обработки предоставлялись только на один год: по истечении года снова производился передел, и участки переходили в другие руки.

Мы и теперь еще можем видеть на Мозеле и в районе Хохвальда¹, в так называемых подворных общинах [Gehöferschaften], как происходили эти переделы. Вся пахотная земля, поля и луга — правда, уже не ежегодно, но все же через каждые 3, 6, 9 или 12 лет — заново делятся там на некоторое число «конов» [«Gewanne»], в зависимости от расположения земли и качества почвы. Каждый кон в свою очередь делится на столько равных частей в виде длинных узких полос, сколько правомочных членов имеется в общине; эти части распределяются между ними по жребию, так что каждый член общины получал первоначально равную долю в каждом коне, т. е. от каждого участка одинаково расположенной и одинаковой по качеству земли. В настоящее время наделы стали неравными в результате дробления при наследовании, вследствие продажи и т. д., но старый полный надел все еще составляет ту единицу, по которой определяются размеры половины, четверти, восьмой части и т. д. надела. Необработанная земля, леса и пастбища остаются общинным владением для общего пользования.

Подобная же древнейшая система удержалась до начала нашего столетия в баварском Рейнском Пфальце в виде так называемых жеребьевых участков [Losgüter], пахотная земля которых впоследствии перешла в частную собственность отдельных членов общины. И подворные общины находят для себя все более выгодным прекращать переделы и превращать владение, переходящее от одного к другому, в частную собственность. Таким образом, большинство из них, а местами и все они в течение последних сорока лет отмерли и превратились в обыкновенные села крестьян, владеющих парцеллой, при сохранении общинного пользования лесом и пастбищами.

Первым земельным участком, перешедшим в частную собственность отдельного лица, была приусадебная земля. Неприкосновенность жилища — этот фундамент всякой личной свободы — была перенесена с кибитки кочевника на бревенчатый дом оседлого крестьянина и постепенно превратилась в полное право собственности на усадьбу. Это произошло уже во времена Тацита. Усадьба свободного германца, должно быть, уже тогда

¹ Хохвальд — возвышенная местность в Рейнской области, расположенная на левом берегу Рейна к востоку от нижнего течения реки Саар. *Ред.*

выделилась из марки и, ставши поэтому недоступной для должностных лиц марки, явилась надежным убежищем для беглецов, как это описывается в позднейших уставах марок и отчасти уже в «народных правдах» V—VIII столетий¹. Ибо святость жилища была не следствием, а причиной превращения его в частную собственность.

Спустя четыре-пять столетий после Тацита мы встречаем в «народных правдах» также и пахотную землю в качестве наследственного, хотя и не безусловно свободного владения отдельных крестьян, которые имели право распоряжаться ею путем продажи или иной формы отчуждения. Для объяснения причин этого превращения мы имеем два опорных пункта.

Во-первых, с самого начала в самой Германии наряду с уже описанными замкнутыми селами с полной общностью полей существовали и такие села, где кроме приусадебных участков также и поля были выделены из общины, марки, и переданы отдельным крестьянам в наследственное пользование. Но это бывало лишь там, где к этому, так сказать, вынуждал характер местности: в тесных долинах, как в округе Берг², или на узких плоских возвышенностях между болотами, как в Вестфалии. Позднее так было в Оденвальде и почти во всех альпийских долинах. Здесь село, как и сейчас еще, состояло из разбросанных одиночных дворов; вокруг каждого из них расположены были принадлежащие ему поля. Передел здесь осуществить было нелегко, и, таким образом, в распоряжении марки оставалась только окружающая неводеланная земля. Когда же впоследствии приобрело значение право распоряжения усадьбой и отчуждения ее третьим лицам, то у таких собственников дворов оказалось выгодное преимущество. Стремление добиться такого же преимущества могло и в некоторых селах с общинным владением полями привести к прекращению обычных переделов, в результате чего стала также возможной передача отдельных наделов общинников по наследству и отчуждение этих наделов.

Во-вторых, завоевания привели германцев на римскую территорию, где много столетий земля была частной собственностью (и притом римской, неограниченной) и где завоеватели, при своей малочисленности, не могли совершенно устранить столь глубоко укоренившуюся форму владения. Подтверждением связи между наследственной частной собственностью на поля и луга и римским правом — по крайней мере на прежней римской терри-

¹ — т. е. в записях обычаев и правовых норм народностей средневековой Европы (франков, бургунов, готов, лангобардов и др.), составленных в период образования на развалинах Римской империи ранне-феодальных государств. *Ред.*

² В Рейнской области. *Ред.*

тории — служит также то обстоятельство, что сохранившиеся до нашего времени остатки общинной собственности на возделанную землю встречаются именно на левом берегу Рейна, т. е. хотя и в завоеванной, но совершенно германизированной области. Когда франки поселились здесь в V столетии, у них еще должна была существовать общность полей — иначе мы не смогли бы обнаружить там теперь подворные общины и жеребьевые участки. Но и сюда вскоре неудержимо проникло частное владение, ибо в «Рипуарской правде» VI века упоминается только о такого рода владении, когда речь идет о возделанной земле. И во внутренней Германии пахотная земля, как сказано выше, также быстро перешла в частное владение.

Если, однако, германские завоеватели и перешли к частному владению полями и лугами, т. е. при первом распределении земли или вскоре после него отказались от новых переделов (в этом только и состоял переход), то, с другой стороны, они всюду ввели свой германский марковый строй с общинным владением лесами и пастбищами и с верховной властью марки также и над поделенной землей. Это было проделано не только франками в Северной Франции и англо-саксами в Англии, но и бургундами в Восточной Франции, вестготами в Южной Франции и в Испании, остготами и лангобардами в Италии. Впрочем, в этих последних странах, насколько известно, следы существования марки сохранились до настоящего времени почти исключительно только в высокогорных местах.

В результате отказа от нового передела пахотной земли марковый строй принимает теперь ту форму, в какой он выступает перед нами не только в старых «народных правдах» V—VIII столетий, но также в английских и скандинавских средневековых судебных книгах, в многочисленных германских записях обычного права марок (так называемых *Weistümer*) от XIII до XVII столетия и в обычном праве (*coutumes*) Северной Франции.

Община-марка, отказавшись от права периодического передела полей и лугов между отдельными своими членами, из всех прочих своих прав на эти земли не уступила ни одного. А эти права были весьма значительны. Община передала свои земли отдельным лицам только для использования их в качестве пашен и лугов, но не для какой-либо другой цели. На все, что выходило за пределы этого, частный владелец не имел никакого права. Поэтому, если в земле бывали найдены сокровища глубже, чем достает сошник, то они первоначально принадлежали не владельцу, а общине; то же относится к праву добывать руду и т. д. Все эти права впоследствии были захвачены феодалами и князьями и обращены ими в свою пользу.

Но и пользование полем и лугом было подчинено контролю и регулированию со стороны общины, что осуществлялось сле-

дующим образом. Там, где господствовало трехполье, — а это было почти везде, — вся пахотная земля села делилась на три одинаковых по размеру поля; каждое из них попеременно служило один год для озимых посевов, второй год для яровых, третий год шло под пар. Таким образом, село каждый год имело свое озимое, яровое и паровое поле. При распределении земли заботились о том, чтобы каждый член общины получал одинаковую долю во всех трех полях и мог бы, таким образом, без ущерба подчиняться принудительному севообороту общины; в соответствии с этим озимь он должен был сеять только на своем участке озимого поля и т. д.

Что же касается парового поля, то, пока оно находилось под паром, оно всякий раз переходило в общее владение и служило пастбищем для всей общины. А как только кончалась уборка урожая на двух прочих полях, они также снова возвращались в общее владение до нового посева и использовались в качестве общинного выгона. То же самое относится к лугам после осеннего сенокоса. На всех полях, где должен был пастись скот, владелец обязан был удалить изгороди. Этот так называемый принудительный выпас естественно требовал, чтобы время посева, как и жатвы, не зависело от воли отдельного лица, а было для всех общим и устанавливалось общиной или обычаем.

Вся остальная земля, — т. е. все, что не входило в усадебное хозяйство и в пахотный надел: лес, пастбища, пустоши, болота, реки, пруды, озера, дороги, места охоты и рыбной ловли, — оставалась, как и в старину, общинной собственностью, предназначенной для общего пользования. Подобно тому как доля каждого члена общины в поделенной пахотной земле марки была первоначально для всех одинаковой, так же одинакова была и доля его в пользовании «общинной маркой». Способ этого пользования определялся всеми членами общины; таким же образом устанавливался способ наделения, когда наличной пахотной земли уже не хватало и от общинной марки отрезывался новый участок для возделывания. Общинная марка использовалась главным образом для выпаса скота и откармливания свиней желудями; кроме того, леса доставляли строительный материал и дрова, листья для подстилки, ягоды и грибы, а болота, если они имелись, — торф. Постановления о пастбищах, об использовании леса и т. д. составляют главное содержание многочисленных, сохранившихся от различнейших периодов записей обычного права марок. Они были записаны в те времена, когда старое неписаное обычное право начинало оспариваться. Сохранившиеся до настоящего времени общественные леса являются жалким остатком этих древних неподеленных марок. Другим пережитком, по крайней мере в Западной и Южной

Германии, является глубоко коренящееся в народном сознании представление, что лес есть общее достояние, и каждый может собирать в лесу цветы, ягоды, грибы, буковые орехи и т. д. и вообще имеет право делать все, что угодно, поскольку он не портит леса. Но и здесь Бисмарк позаботился о том, чтобы своим знаменитым законом о сборе ягод установить в западных провинциях старопрусские юнкерские порядки.

Наряду с одинаковыми земельными наделами и равными правами в пользовании общинными угодьями члены общины имели первоначально одинаковый доступ к участию в законодательстве, управлении и судопроизводстве в пределах марки. В определенные сроки, — а если нужно было, то и чаще, — собирались они под открытым небом для решения вопросов, касающихся всей марки, а также для суда над нарушителями обычаев марки и для разрешения тяжб. Это было — только в небольшом масштабе — древнее германское народное собрание, которое первоначально также являлось не чем иным, как большим собранием марки. Вырабатывались законы, правда, только в редких, самых необходимых случаях, избирались должностные лица, контролировалась их служебная деятельность; главным же образом творился суд. Председатель должен был только ставить вопросы, приговор же выносили все присутствующие сообща.

В древние времена строй марки был почти единственным политическим устройством тех германских племен, у которых не было королей. Старая родовая знать, которая пришла в упадок во время переселения народов или вскоре после него, легко приспособилась к этому строю, как и все стихийно возникшее вместе с ним; так, еще в XVII веке кельтская клановая знать уживалась с ирландской земельной общиной. И марка пустила настолько глубокие корни во всей жизни германцев, что мы находим ее следы на каждом шагу в истории развития немецкого народа. В древности вся публичная власть в мирное время была исключительно судебной властью и находилась в руках народных собраний по сотням, по округам или собраний всего племени. Но народный суд был только народным судом марки, применявшимся не только в тех случаях, которые касались дел марки, но и в тех, которые вообще входили в сферу публичной власти. Даже когда с образованием административного устройства по округам государственные окружные суды были отделены от обычных судов марки, и в тех и в других судебная власть оставалась в руках народа. Только тогда, когда древние народные вольности пришли в сильный упадок и исполнение судебных обязанностей, наряду с военной службой, стало тяжелым бременем для обедневшего свободного населения, только тогда Карл Великий мог в большинстве местностей

заменить в судебных округах народный суд судом шеффенов *. Но это нисколько не коснулось судов марки. Напротив, они сами послужили еще образцом для ленных судебных курий средневековья, а в последних сеньёр только ставил вопросы, приговор же выносили сами вассалы. Сельский строй являлся исключительно марковым строем самостоятельной сельской общины, переходившим в городской строй, как только село превращалось в город, т. е. укреплялось посредством рва и стен. Из этого первоначального строя городской марки выросли все позднейшие политические порядки в городах. И, наконец, по образцу маркового строя создавались уставы бесчисленных вольных товариществ средних веков, основанных не на общности землевладения, — особенно же уставы вольных цехов. Предоставленное цеху исключительное право занятия определенным ремеслом рассматривалось так же, как право пользования общинной маркой. С таким же, как там, рвением и часто с помощью тех же самых средств цехи также прилагали старание к тому, чтобы целиком или возможно точнее уравнивать долю участия каждого своего члена в общем источнике доходов.

Такую же почти изумительную приспособляемость, какую проявил марковый строй здесь в различнейших областях общественной жизни перед лицом самых разнообразных потребностей, обнаруживает он и в дальнейшем ходе развития земледелия, а также в борьбе с усиливающимся крупным землевладением. Этот строй возник одновременно с поселением германских племен в Германии, — следовательно, в такое время, когда скотоводство было главным источником пропитания, а принесенное ими из Азии, но полузабытое земледелие только лишь начинало возрождаться. Марка сохранилась на протяжении всех средних веков в тяжелой непрерывной борьбе с землевладельческой знатью. Однако потребность в ней всегда была настолько велика, что повсюду, где знать присвоила себе крестьянскую землю, попавшие в феодальную зависимость села сохранили свое устройство как устройство марки, хотя и сильно урезанное в результате посягательств феодалов. Ниже мы приводим пример этого. Марковый строй приспособлялся к самым изменчивым отношениям владения возделанной землей, пока еще существовали общинные угодья, а также к разнообразнейшим

* Не следует смешивать последних с бисмарковско-леонхардовскими судами шеффенов, где шеффены и юристы совместно устанавливают приговор. В древнем суде шеффенов вовсе не было юристов. Председатель, или судья, совсем не имел права голоса, и шеффены самостоятельно выносили приговор. *Примечание Энгельса.* (Председателями в судах были королевские саповники — графы или их заместители — викарии; скабины (по-немецки шеффены — своего рода присяжные) назначались из местной знати каждого графства. *Ред.*)

правам собственности на общинную марку, когда последняя перестала быть свободной. Марка погибла вследствие разграбления почти всей крестьянской земли, как поделенной, так и неподеленной, — разграбления, произведенного дворянством и духовенством при благосклонном содействии князей. Но окончательно устарела она экономически, потеряла жизнеспособность в качестве формы земледельческого производства фактически лишь с тех пор, как гигантский прогресс сельского хозяйства за последние сто лет превратил земледелие в науку и привел к появлению совершенно новых форм производства.

Основы маркового строя начали подтачиваться вскоре после переселения народов. В качестве представителей народа франкские короли завладели огромными земельными пространствами, принадлежавшими всему народу, в особенности лесами, чтобы затем расточительным образом раздарить их своей придворной челяди, своим военачальникам, епископам и аббатам. Таким путем они заложили основу позднейшего крупного землевладения дворянства и церкви. Последняя еще задолго до Карла Великого владела доброй третью всех земель во Франции; несомненно, что такое соотношение имело место почти во всей католической Западной Европе в течение средних веков.

Продолжавшиеся без конца внутренние и внешние войны, последствием которых неизменно была конфискация земли, разорили огромное множество крестьян, так что уже во времена Меровингов имелось весьма большое количество свободных людей, лишенных земли. Беспрерывные войны Карла Великого сломили главную мощь свободного крестьянства. Первоначально каждый свободный владелец земли был обязан службой и должен был на свои средства не только вооружиться, но также и прокормить себя на военной службе в течение шести месяцев. Нет ничего удивительного в том, что уже во времена Карла на военную службу мог действительно быть призван едва лишь каждый пятый мужчина. Во время хаотического правления его преемников свобода крестьян еще быстрее катилась под гору. С одной стороны, бедствия от набегов норманнов, вечные войны королей и междоусобицы знати вынуждали свободных крестьян, одного за другим, искать себе покровителя. С другой стороны, алчность той же знати и церкви ускоряла этот процесс; хитростью, обещаниями, угрозами, силой они подчиняли своей власти все больше крестьян и крестьянских земель. Как в том, так и в другом случае крестьянская земля превращалась в господскую и, самое большее, вновь передавалась крестьянам в пользование за оброк и барщину. Крестьянин же из свободного землевладельца превращался в зависимого, обязанного платить оброк и отбывать барщину, или даже становился крепостным. В Западнофранкском коро-

левстве¹, и вообще к западу от Рейна, это было общим правилом. К востоку от Рейна, напротив, сохранилось еще значительное число свободных крестьян, большей частью разбросанных в разных местах, реже соединенных в целые свободные села. Однако и здесь в X—XII столетиях под нажимом всемогущих дворянства и церкви все большее количество крестьян опускалось до положения крепостных.

Когда феодал-помещик — духовный или светский — приобретал крестьянское владение, он вместе с тем приобретал и принадлежавшие этому владению права в марке. Таким образом, новые землевладельцы становились членами марки и первоначально пользовались в пределах марки только равными правами наряду с остальными свободными и зависимыми общинниками, даже если это были их собственные крепостные. Но вскоре, несмотря на упорное сопротивление крестьян, они приобрели во многих местах особые привилегии в марке, а нередко даже им удавалось подчинить ее своей господской власти. И все же старая община-марка продолжала свое существование, хотя и под господской опекой.

Насколько безусловно необходимо было тогда марковое устройство для земледелия, даже для крупного землевладения, убедительнейшим образом доказывает колонизация Бранденбурга и Силезии фризскими, нидерландскими, саксонскими и рейнско-франконскими поселенцами. Начиная с XII столетия, их поселяли целыми деревнями на господской земле, и именно на основе германского права, т. е. древнего права марки, поскольку оно сохранилось в господских поместьях. Каждый получал усадьбу, одинаковую для всех долю в деревенской пашне, определяемую на древний лад жребием, а также право пользования лесом и пастбищем, большей частью в господском лесу, реже в особой марке. Все это передавалось в наследственное пользование. Собственность на землю сохранялась за господином, в пользу которого колонисты были обязаны из поколения в поколение платить определенные оброки и нести определенные повинности. Но эти повинности были весьма умеренны,

¹ *Западнофранкское королевство* образовалось в результате распада империи Карла Великого, которая представляла собой временное и непрочное военно-административное объединение, «конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки» (И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Москва 1951, стр. 12). В 843 г. произошел окончательный раздел империи между тремя внуками Карла. Одному из них, Карлу Лысому, и досталось Западнофранкское королевство, охватывавшее большую часть территории современной Франции. Земли к востоку от Рейна (ядро будущей Германии) были отданы Людовику Немецкому, а промежуточная полоса земель от Северного моря до центральной Италии осталась у старшего внука Карла Великого Лотаря. *Ред.*

и крестьяне находились здесь в лучшем положении, чем где-либо в Германии. Поэтому они и остались спокойными, когда разразилась крестьянская война. За это отступничество от своего собственного дела они, однако, жестоко заплатились.

Вообще около середины XIII столетия в положении крестьян наступил решительный поворот к лучшему; подготовили его крестовые походы. Многие феодалы, уходявшие в поход, прямо отпускали крестьян на свободу. Другие умерли, погибли; сотни дворянских родов исчезли, и их крестьянам тоже часто удавалось получить свободу. К тому же с ростом потребностей феодалов гораздо важнее для последних становилось право распоряжения крестьянскими повинностями, чем их личностью. Крепостное право раннего средневековья, заключавшее в себе еще много черт древнего рабства, предоставляло господину права, которые все больше и больше теряли свою ценность; постепенно оно стало ослабевать, и положение крепостных приблизилось к простой зависимости. Так как способ обработки земли оставался таким же, как и раньше, то увеличения помещичьих доходов можно было добиться только поднятием нови, основанием новых деревень. Но это было достижимо только при помощи любовного соглашения с колонистами — все равно, принадлежали ли они к поместью или пришли со стороны. Поэтому мы всюду видим в эту эпоху твердо установленные, большей частью умеренные крестьянские повинности и хорошее обращение с крестьянами, особенно во владениях духовенства. И, наконец, благоприятное положение вновь привлеченных колонистов оказывало со своей стороны влияние на условия жизни соседних зависимых крестьян, так что и они во всей Северной Германии, продолжая выполнять свои повинности в пользу помещиков, получили, однако, личную свободу. Только славянские и литовско-прусские крестьяне оставались несвободными. Однако все это не могло долго продолжаться.

В XIV и XV столетиях происходит быстрый подъем городов и рост их богатств. Особенно отличались расцветом своей художественной промышленности и своей роскошью города в Южной Германии и па Рейне. Роскошная жизнь городских патрициев не давала покоя поместному дворянству, которое питалось грубой пищей, одевалось в грубую одежду и должно было довольствоваться неуклюжей мебелью. Но откуда взять красивые вещи? Разбой на большой дороге становился все опаснее и безуспешнее. Для покупки же нужны были деньги. А их мог доставить только крестьянин. Отсюда — новый нажим на крестьян, увеличение оброков и барщины, возобновившееся и все растущее стремление превратить свободных крестьян в зависимых, зависимых в крепостных, а общинную землю марки в господскую землю. В этом деле князьям и дворянам помогли

юристы, изучившие римское право, которые своим применением норм римского права к германским отношениям, большей частью не понятым ими, сумели создать безграничную путаницу, и притом такую, что господин всегда был от нее в выигрыше, а крестьянин постоянно в проигрыше. Духовные владыки поступали проще: они подделывали документы, по которым права крестьян урезывались, а обязанности увеличивались. На это хищничество князей, дворян и попов крестьяне стали с конца XV в. отвечать частыми разрозненными восстаниями, пока в 1525 г. Великая крестьянская война не охватила Швабию, Баварию, Франконию и не распространилась также на Эльзас, Пфальц, Рейнгау и Тюрингию. Крестьяне были побеждены после ожесточенной борьбы. С этого момента возобновляется всеобщее преобладание крепостной зависимости среди немецких крестьян. В тех местностях, где бушевала война, все сохранившиеся еще права крестьян были теперь беззастенчиво попораны, их общинная земля была превращена в господскую, а сами они в крепостных. А северогерманские крестьяне — в награду за то, что они, живя в лучших условиях, оставались спокойными, — подпали, хотя и не сразу, под такой же гнет. Крепостное право для немецких крестьян в Восточной Пруссии, Померании, Бранденбурге, Силезии утвердилось с середины, а в Шлезвиг-Гольштейнии — с конца XVI столетия, и оно все больше приобретало характер всеобщего закабаления крестьян.

Это новое насилие имело к тому же и экономическое основание. Из войн периода реформации извлекли выгоду одни только немецкие владетельные князья, увеличившие свою власть. Благородное разбойничье ремесло дворянства уже изжило себя. Если дворянство не желало погибнуть, ему необходимо было выколачивать больше дохода из своих земельных владений. Единственным путем для этого было — по примеру более крупных феодальных господ и особенно монастырей — завести собственное хозяйство, по крайней мере на некоторой части своего поместья. То, что до тех пор являлось исключением, стало теперь насущной потребностью. Но этой новой форме хозяйства служило препятствием то обстоятельство, что почти повсюду земля была роздана оброчным крестьянам. С превращением свободных или зависимых оброчных крестьян в крепостных милостивый господин получал полную свободу действий. Часть крестьян была, как гласит технический термин, «согнана» [*gelegt*]¹, т. е. либо изгнана

¹ *Wird «gelegt». Bauernlegen* — технический термин изгнания, экспроприации крестьян в истории Германии. *Примечание В. И. Ленина к его переводу работы Ф. Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии»* (см. Ленинский сборник XIX, стр. 295. *Ред.*).

с земли, либо низведена до положения безнадельных крестьян [Kotsassen], владеющих только хижиной и клочком огородной земли; их наделы были слиты в одно большое господское поместье, земли которого обрабатывались барщинным трудом новых безнадельных крестьян, а также тех, кто еще не был согнан. Таким образом, не только множество крестьян было просто изгнано со своей земли, но и у остальных, еще уцелевших, барщинные повинности значительно увеличивались, и чем дальше, тем больше. Капиталистический период возвестил в деревне о своем пришествии как период крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян.

Эти перемены вначале все же происходили еще довольно медленно. Но вот наступила Тридцатилетняя война. В течение целого поколения в Германии вдоль и поперек хозяйничала самая разнузданная военщина, какую только знает история. Повсюду налагались контрибуции, совершались грабежи, поджоги, насилия и убийства. Больше всего страдал крестьянин там, где в стороне от больших армий действовали на свой собственный страх и риск и по своему произволу мелкие вольные отряды, или, вернее, мародеры. Опустошение и обезлюдение было безгранично. Когда наступил мир, Германия оказалась поверженной — беспомощной, растоптанной, растерзанной, истекающей кровью; и в самом бедственном положении был опять-таки крестьянин.

Дворяне-землевладельцы стали теперь единственными хозяевами в деревне. Князья, уничтожившие как раз к этому времени политические права дворянства в сословных собраниях, предоставили ему зато полную свободу действий в отношении крестьян. Последняя же способность крестьян к сопротивлению была сломлена войной. Таким образом, дворянство могло установить все земельные отношения в таком виде, как это было всего выгоднее для восстановления его расстроенных финансов. Не только заброшенные крестьянские хозяйства были без всяких обиняков присоединены к господскому, но именно теперь и начался в большом масштабе систематический сгон крестьян с земли. Чем крупнее было господское хозяйство, тем тяжелее были, разумеется, барщинные повинности крестьян. Снова наступило время «неограниченных повинностей»; барин мог выгонять на работу крестьянина, его семью, его скот так часто и на такой срок, как ему было угодно. Крепостное состояние сделалось отныне всеобщим; свободный крестьянин стал теперь такой же редкостью, как белая ворона. А для того, чтобы милостивый господин был в состоянии подавить в зародыше всякое, даже малейшее сопротивление крестьян, он получил от владетельного князя право вотчинной юрисдикции, т. е. он был назначен единствен-

ным судьей по всем мелким крестьянским проступкам и тяжбам, даже тогда, когда крестьянин имел тяжбу с ним, со своим баринном. Таким образом, господин был судьей в своем собственном деле! С того времени в стране стали господствовать палка и кнут. Как и вся Германия, немецкий крестьянин дошел до крайней степени унижения. Как и вся Германия, крестьянин до того обессилел, что исчезла всякая возможность самопомощи, и спасение могло явиться только извне.

И оно пришло. С французской революцией наступила и для Германии и для немецкого крестьянина заря лучших времен. Едва только революционные войска заняли левый берег Рейна, как там, словно по волшебству, исчез весь старый хлам — барщина, оброк и всякого рода повинности в пользу благородного господина, а также и сам господин. Крестьянин на левом берегу Рейна стал тогда хозяином своего участка, и, кроме того, в Гражданском кодексе, который был подготовлен в революционную эпоху, а Наполеоном только искажен, он получил свод законов, приспособленный к его новому положению, — свод, который не только был ему понятен, но который он с удобством мог носить с собой в кармане.

Но на правом берегу Рейна крестьянину пришлось еще долго ждать свободы. Правда, в Пруссии, после вполне заслуженного поражения при Иене¹, были отменены некоторые из самых позорных дворянских привилегий и была установлена законом возможность так называемого освобождения посредством выкупа прочих крестьянских повинностей. Но все это большей частью оставалось долгое время только на бумаге. В других же германских государствах было сделано еще меньше. Понадобилась вторая французская революция в 1830 г., чтобы сдвинуть с места выкуп повинностей, по крайней мере в Бадене и некоторых других мелких государствах, пограничных с Францией. И даже когда третья французская революция в 1848 г. увлекла за собой, наконец, и Германию, в Пруссии выкуп далеко еще не закончился, а в Баварии еще совсем и не начинался! Теперь, впрочем, дело пошло живее; барщина, отбываемая крестьянами, настроение которых стало на этот раз совсем бунтарским, потеряла уже всякую ценность.

В чем же заключалось это освобождение? Забирая у крестьянина определенную сумму денег или кусок его земли, милостивый господин обязывался за это признавать впредь остальную, оставшуюся еще у крестьянина землю независимой, свободной от повинностей собственностью последнего, — и это, несмотря на то, что и все ранее принадлежавшие

¹ 14 октября 1806 г. при Иене и Ауэрштедте прусская армия была наголову разбита армией Наполеона. *Ред.*

господину земли являлись не чем иным, как землями, награбленными у крестьян! Но и этого было мало. При размежевании назначенные для этой цели чиновники, разумеется, почти всегда держали сторону господина, у которого они жили и кутили, так что крестьян жестоко обделили, отобрав даже сверх того, что допускала буква закона.

Итак, благодаря трем французским и одной немецкой революциям мы пришли, наконец, к тому, что у нас снова имеются свободные крестьяне. Но как далеко нашему нынешнему свободному крестьянину до свободного члена марки старого времени! Его надел большей частью значительно сократился, а неподеленная марка исчезла вовсе, за исключением немногочисленных, очень мелких и запущенных общинных лесных участков. Но без пользования общинными угодьями мелкий крестьянин не может содержать скота; без скота нет удобрений, без удобрений невозможно рациональное земледелие. Сборщик податей и стоящая за ним грозная фигура судебного исполнителя, столь хорошо известные современному крестьянину, были незнакомы старому общиннику, так же как и ростовщик, дающий ссуды под ипотеку, в лапы которого один за другим попадают крестьянские дворы. И самое замечательное, что эти новые свободные крестьяне, у которых так сильно урезаны наделы и подрезаны крылья, появились в Германии, где все происходит слишком поздно, в такое время, когда не только научное ведение сельского хозяйства, но и новоизобретенные сельскохозяйственные машины все более и более превращают мелкое крестьянское хозяйство в устарелую, уже нежизнеспособную форму производства. Подобно тому как механическое прядение и ткачество вытеснили самопрялку и ручной ткацкий станок, так и эти новые методы сельскохозяйственного производства должны беспощадно уничтожить парцельное сельское хозяйство и заменить его крупной земельной собственностью, если только, разумеется, они будут иметь для этого необходимое время.

Ибо уже сейчас всему европейскому земледелию, в том виде как оно ведется в настоящее время, угрожает могущественный соперник — американское массовое производство зерна. С американской землей, которую сама природа позаботилась сделать плодородной и удобренной на долгий ряд лет и которую можно приобрести за бесценок, не могут выдержать состязания ни наши обремененные долгами мелкие крестьяне, ни наши столь же запутавшиеся в долгах крупные землевладельцы. Весь европейский способ ведения сельского хозяйства терпит поражение от американской конкуренции. Земледелие в Европе будет возможно только в том случае, если оно будет вестись в общественной форме и на пользу всего общества.

Таковы виды на будущее для наших крестьян. А восстановление хотя и горемычного, но свободного класса крестьян имело ту хорошую сторону, что оно поставило крестьянина в положение, в котором он — при содействии своих естественных союзников, рабочих — может сам себе помочь, лишь только он захочет понять, как это сделать¹.

Написано Ф. Энгельсом в первой половине декабря 1882 г.

Впервые напечатано в виде приложения к немецкому изданию брошюры Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», вышедшему в Цюрихе в 1882 г.

Печатается по тексту четвертого немецкого издания брошюры Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», вышедшего в Берлине в 1891 г.

Перевод с немецкого

¹ В отдельном оттиске, выпущенном в 1883 г. под названием «Немецкий крестьянин. Чем он был? Что он есть? Чем он мог бы быть?», Энгельсом сделано следующее добавление: «Но как? — Путем возрождения марки, но не в ее старой, пережившей себя, а в омоложенной форме: путем такого обновления общинного землевладения, при котором последнее не только обеспечит мелкокрестьянским общинникам все преимущества крупного хозяйства и применения сельскохозяйственных машин, но и даст им средства организовать наряду с земледелием также и крупную промышленность с использованием силы пара и воды, и притом организовать ее без капиталистов, а силами самого товарищества.

Организовать крупное сельское хозяйство и применить сельскохозяйственные машины и означает другими словами — сделать излишним сельскохозяйственный труд большинства мелких крестьян, которые теперь сами обрабатывают свои земли. А чтобы эти вытесненные из сельского хозяйства люди не оставались без работы или не были вынуждены скопляться в городах, для этого необходимо занять их промышленным трудом в самой деревне, а это может быть с выгодой для них организовано только в крупном масштабе, при помощи силы пара или воды.

Как это устроить? Подумайте об этом хорошенько, немецкие крестьяне. Помочь вам в этом могут только социал-демократы». Ред.

II

Ф. ЭНГЕЛЬС

К ИСТОРИИ ПРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА¹

Для пояснения настоящей работы Вольфа я считаю необходимым предпослать ей несколько слов.

Германия к востоку от Эльбы и к северу от Рудных и Исполиновых гор была во второй половине средних веков отнята у проникших сюда славян и вновь германизирована немецкими колонистами. Завоеватели, немецкие рыцари и бароны, которым были отданы эти земли, выступили в роли «грюндеров» — «основателей» деревень; они разбивали свои владения на деревенские участки, из которых каждый дробился на равные по величине крестьянские наделы, или гуфы. К каждой гуфе принадлежал приусадебный участок с двором и огородом в самой деревне. Эти гуфы распределялись по жребию между переселявшимися сюда франкскими (рейнско-франконскими и нидерландскими), саксонскими и фризскими колонистами; колонисты были обязаны за это грюндеру, т. е. рыцарю или барону, очень умеренными, твердо установленными оброком и отработками. До тех пор пока крестьяне выполняли эти повинности, они были наследственными владельцами своих гуф. К тому же они имели в лесу

¹ Эта работа была написана Энгельсом в 1885 г. в качестве второго раздела введения к отдельному изданию — под заглавием «Силезский миллиард» — статей Вильгельма Вольфа, которые печатались в марте — апреле 1849 г. в руководимой Марксом «Новой Рейнской Газете». Первым разделом введения послужил биографический очерк Энгельса о Вольфе, написанный еще в 1876 г. (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. XV). Статьи ученика и соратника Маркса и Энгельса Вольфа показывали, как под видом выкупа феодальных повинностей прусское правительство — при поддержке либеральной буржуазии — осуществило хищническое ограбление крестьянства в пользу помещиков-шюнкеров. *Ред.*

грюндера (впоследствии помещика) такое же право на рубку леса, выпас скота, откорм свиней и т. д., каким пользовались крестьяне Западной Германии в своей общинной марке. Пахотная деревенская земля была подчинена принудительному севообороту и в большинстве случаев обрабатывалась по трехпольной системе, делясь на озимое, яровое и паровое поля. Поля под паром и жнивье служили общим выгоном для скота как грюндера, так и крестьян. Все деревенские дела решались на собрании односельчан, т. е. владельцев гуф, большинством голосов. Права дворян-грюндеров ограничивались правом требовать выполнения повинностей и участвовать в пользовании паром и жнивьем под выгон, правом на все излишки после общего пользования лесными угодьями и на председательствование в собрании односельчан, которые все были лично свободными людьми. Таково в основном было положение немецких крестьян на землях, простиравшихся от Эльбы до Восточной Пруссии и Силезии, и это положение было в общем значительно более благоприятным, чем то, в котором находились в это же время крестьяне Западной и Южной Германии; последние тогда уже вели ожесточенную, постоянно возобновляющуюся борьбу с феодалами за свои старые наследственные права, и большинству из них уже была навязана гораздо более тяжелая форма зависимости, поставившая под угрозу их личную свободу или даже вовсе лишившая их этой свободы.

Возраставшая у феодалов нужда в деньгах в XIV и XV веках порождала, разумеется, и на северо-востоке попытки закабаления и эксплуатации крестьян в размерах, нарушающих прежние договоры. Однако эти попытки предпринимались далеко не так широко и не с таким успехом, как в Южной Германии. Население к востоку от Эльбы было еще редким; невозделанных земель было много; распашка этих пустошей, распространение земледелия, закладка новых оброчных деревень оставались здесь самым верным способом обогащения и для феодального землевладельца; к тому же здесь, на границе Германской империи с Польшей, уже образовались сравнительно крупные государства: Померания, Бранденбург, курфюршество Саксонское (Силезия принадлежала Австрии), и поэтому здесь лучше соблюдался внутрепний мир, а раздоры и грабежи дворянства обуздывались более сильной рукой, чем в раздробленных областях на Рейне, во Франконии и Швабии; а ведь больше всего от этих непрерывных войн страдали все те же крестьяне.

Только по соседству с покоренными польскими или литовско-пруссскими деревнями уже чаще давали себя знать попытки дворянства подчинить колонистов, поселившихся на основании германского феодального обычного права, той же крепостной зависимости, в которой находились его польские и прусские

подданные. Так было в Померании и в прусских владениях Тевтонского ордена, реже — в Силезии.

Следствием этого более благоприятного положения остальбских крестьян было то, что они почти не были затронуты могучим крестьянским движением Южной и Западной Германии в последнюю четверть XV и первую четверть XVI века, а когда разразилась революция 1525 г., то она нашла здесь слабый отголосок лишь в Восточной Пруссии, подавленный без большого труда. Остальбские крестьяне предоставили своих восставших братьев их судьбе и получили за это по заслугам. В местах, где бушевала Великая крестьянская война, крестьяне были теперь попросту превращены в крепостных, на них были взвалены неограниченные, зависевшие только от произвола феодального землевладельца повинности и барщина, а их свободная марка была просто превращена в господскую собственность, продолжать пользоваться которой они могли только в том случае, если на то была милость господина. Это идеальное для господства феодалов-землевладельцев состояние, к которому немецкое дворянство тщетно стремилось на протяжении всего средневековья и которого оно, наконец, достигло теперь, в период разложения феодального хозяйства, стало постепенно распространяться и на остальбские земли. Дело не ограничилось превращением обусловленного договором права крестьян пользоваться господским лесом — там, где это право еще не было урезано раньше, — в пользование в силу милостивого соизволения помещика, которое тот всегда мог отменить; не ограничилось оно и противозаконным увеличением барщины и оброка. Введены были и новые повинности, как, например, лаудемии (платежи феодалу в случае смерти владельца крестьянского двора), которые считались отличительными признаками крепостного состояния; либо же обычным традиционным повинностям придавали характер таких повинностей, которые несли только крепостные, а не свободные люди. Таким образом, менее чем за сто лет свободные остальбские крестьяне были превращены в крепостных, сначала фактически, а вскоре затем и юридически.

Между тем, феодальное дворянство все более и более обуржуазивалось. Все в большей степени возрастала его задолженность городским капиталистам-ростовщикам, а в силу этого и деньги становились для него настоятельной потребностью. Но из крестьянина, из крепостного, нельзя было выжать денег; из него можно было выколачивать прежде всего труд или сельскохозяйственные продукты, а крестьянское хозяйство, которое велось при крайне тяжелых условиях, давало лишь минимальный излишек последних, сверх того, что было необходимо для поддержания самого скудного существования работающего владельца этого хозяйства. Рядом же лежали обшир-

ные, доходные монастырские земли, которые обрабатывались на средства владельца, под сведущим надзором, барщинным трудом зависимых или крепостных крестьян. Такой способ ведения хозяйства мелкому дворянству до того времени почти никогда не доводилось применять в своих владениях, да и крупное дворянство и князья применяли его лишь в виде исключения. Теперь же, после успокоения страны, с одной стороны, везде можно было заводить крупное хозяйство, а с другой стороны, переходить к такому хозяйству дворянство все более вынуждала растущая потребность в деньгах. Обработка крупных поместий при помощи барщинного труда крепостных крестьян на средства феодального землевладельца постепенно делалась, таким образом, тем источником дохода, который должен был возместить дворянству убытки от прекращения отживших уже свой век рыцарских грабежей. Но откуда взять нужную земельную площадь? Дворянин, правда, был господином более или менее обширных земель, но они целиком, за немногими исключениями, находились в наследственном владении крестьян-чиншевиков¹, которые до тех пор, пока они выполняли обусловленные повинности, имели такое же право на свои усадьбы и гуфы, а также и на общинные уголья, как и сам милостивый господин. Нужно было отыскать средство, а для этого прежде всего требовалось превратить крестьян в крепостных. В самом деле, хотя изгнание крепостных крестьян из их усадеб являлось не меньшим нарушением закона и не менее насильственным актом, чем выселение свободных чиншевиков, все же это изгнание гораздо легче было оправдать при помощи вошедшего в употребление римского права. Словом, после того как удалось превратить крестьян в крепостных, они были в потребном количестве изгнаны с земли или же вновь поселены на господской земле в качестве безнадельных крестьян [Kotsassen] — крепостных поденщиков, владевших лишь хижинкой и небольшим огородом. Если прежние укрепленные рыцарские замки дворян уступили место их новым, почти или совсем незащищенным сельским замкам-дворцам, то именно поэтому во много раз большее количество усадеб некогда свободных крестьян должно было уступить место жалким лачугам крепостных.

После того как господское хозяйство — доминиум, как оно называется в Силезии, — было организовано, требовалось только обеспечить его обработку крестьянской рабочей силой. И тут сказалась другая выгодная сторона крепостного права.

¹ — т. е. зависимых крестьян, пользовавшихся личной свободой, но обязанных платить за свой надел чинш (оброк) и нести другие повинности в пользу феодала. *Ред.*

Прежние, твердо установленные договором барщинные повинности крестьян совершенно не годились для этой цели. В большинстве случаев они ограничивались работами, производимыми в общественных интересах, например, сооружением дорог и мостов и т. п., а также строительными работами в господском замке, различными ремесленными занятиями женщин и девушек в замке и личной дворовой службой. Но как только крестьянин превращался в крепостного, а этот последний юристами, изучившими римское право, приравнивался к римскому рабу, барин заводил совсем другую песнь. Поддерживаемый юристами в судах, он требовал теперь от крестьянина работы в неограниченном количестве, сколько, когда и где ему вздумается. Крестьянин должен был отбывать на помещика барщину, возить, пахать, сеять, жать по первому его требованию, запуская собственное поле и оставляя собственный урожай гнить под дождем. Точно так же и платимый им зерном или деньгами оброк взвешивался до самых крайних пределов.

Но этим дело не кончалось. Не менее благородному владельческому князю — а к востоку от Эльбы таковых повсюду было в избытке — также нужны были деньги, много денег. За то, что он позволял дворянам закабалить своих крестьян, дворяне позволяли ему облагать этих же крестьян государственными податями — сами-то ведь дворяне были, разумеется, свободны от уплаты податей! И в довершение всего тот же владетельный князь санкционировал фактически уже происходившее превращение прежнего права феодала председательствовать в — давно упраздненной — феодальной судебной курии свободных крестьян в право творить вотчинный суд и пользоваться полицейской властью в поместье; в силу этого помещик сделался не только полицейским начальником, но и единственным судьей над своими крестьянами, даже в собственном деле, так что крестьянин мог жаловаться на помещика только самому же помещику. Таким образом, последний в *одном* лице был и законодатель, и судья, и исполнитель приговора, являясь в своем поместье совершенно неограниченным властелином.

Это унижительное состояние, какого не было даже в России, где крестьянин все же имел свою самоуправляющуюся общину, достигло своего апогея в период между Тридцатилетней войной и спасительным поражением при Иене. Бедствия, причиненные Тридцатилетней войной, позволили дворянству завершить закабаление крестьян; запустение бесчисленных крестьянских хозяйств дало возможность беспрепятственно присоединить эти хозяйства к доминиуму рыцарского поместья, а перевод вновь на оседлое положение сельских жителей, которых опустошительная война насильственно превратила в бродяг, давал дворянству особенно удобный предлог для их прикрепления к земле в

качестве крепостных. Но и это удовлетворило их не надолго. Ибо едва стали кое-как зарубцовываться в течение ближайших пятидесяти лет страшные раны, нанесенные войной, едва начали вновь обрабатываться поля и население стало увеличиваться, как у благородных землевладельцев снова пробудился аппетит на крестьянскую землю и крестьянский труд. Господский доминиум не был достаточно велик, чтобы поглотить весь труд, который еще можно было выколотить из крепостных — в данном случае выколотить в буквальном смысле слова. Система перевода крестьян на положение безнадельных крепостных поденщиков блестяще себя оправдала. С начала XVIII века эта практика приобретает все больший размах: она носит теперь название «сгон крестьян» [*Bauernlegen*]. «Сгоняют» столько крестьян, сколько возможно, смотря по обстоятельствам; сначала еще оставляют такое их количество, которое требуется для выполнения барщинных работ с конной упряжкой, а остальных обращают в безнадельных крестьян (огородников [*Dreschgärtner*]¹, домовников-бобылей [*Häusler*], поденщиков [*Instleute*] и других, носящих подобные же названия), которые за хижину и небольшое картофельное поле должны были из года в год трудиться до изнеможения в поместье, получая нищенскую поденную плату зерном и в совсем ничтожных размерах деньгами. Там, где барин был достаточно богат, чтобы посылать на поле свой собственный рабочий скот, «сгоняли» и остальных крестьян, а их гуфы присоединяли к господскому хозяйству. Таким образом, все крупное землевладение немецкого дворянства, особенно же остальбских дворян, образовалось из *награбленной крестьянской земли*, и если эта земля будет отобрана у грабителей без всякого возмещения, то и тогда они еще не вполне получают по заслугам. Собственно говоря, с них самих следует еще дополнительно взыскать возмещение.

С течением времени владетельные князья стали замечать, что эта система, столь выгодная для дворянства, совершенно не отвечает их собственным интересам. Крестьяне платили государственные подати до того, как их согнали с земли; после присоединения же гуф к свободному от податей доминиуму государство не получало с них ни полушки, а от вновь поселенных безнадельных крестьян ему едва перепадали только жалкие гроши. Часть согнанных с земли крестьян оказалась излишней

¹ *Dreschgärtner* — буквально «огородники-молотильщики». Эта категория крепостных поденщиков была особенно распространена в Нижней Силезии. Владея хижинной и клочком огородной земли, огородники-молотильщики должны были выполнять многочисленные тяжелые барщинные повинности, в особенности по уборке и обмолоту помещичьего урожая. *Ред.*

для помещичьего хозяйства и была просто выброшена вон; эти крестьяне стали, таким образом, свободными, т. е. свободными, как птицы, нищими, Сельское население равнин стало редеть, а с тех пор как владетельный князь начал пополнять свое до-рогостоящее наемное войско более дешевым рекрутским набором среди крестьян, это ему было далеко не безразлично. Так на протяжении всего XVIII века издаются, особенно в Пруссии, один за другим указы, имеющие целью приостановить сгон крестьян с земли. Но эти указы постигла такая же участь, как и девяносто девять сотых той необозримой макулатуры, которая со времени капитуляриев¹ Карла Великого выходила из-под пера всех германских правительств; они так и оставались на бумаге; дворянство обращало на них мало внимания, и сгон крестьян с земли продолжался.

Даже грозный урок, преподанный Великой французской революцией упрямому феодальному дворянству, напугал его не надолго. Все оставалось по-старому, и то, что не удалось Фридриху II², тем менее могло удалиться его слабому и недалевидному племяннику Фридриху-Вильгельму III. Но возмездие пришло. 14 октября 1806 г. при Иене и Ауэрштедте все прусское государство было разбито в один день, и прусский крестьянин имеет все основания праздновать этот день, как и день 18 марта 1848 г., больше, чем все прусские победы от Мольвица³ до Седана. Только теперь, наконец, загнанное почти до самой русской границы прусское правительство начинало смутно понимать, что сыновей свободных, прочно владеющих землей французских крестьян нельзя победить при помощи сыновей крепостных барщинников, ежедневно подвергающихся угрозе быть изгнанными со своих дворов; только теперь, наконец, оно заметило, что и крестьянин, между прочим, тоже человек. Теперь-то должны были быть приняты меры.

Но как только был заключен мир и двор с правительством вернулся в Берлин, благородные намерения снова растаяли, как лед под лучами мартовского солнца. Правда, достопамятный эдикт от 9 октября 1807 г. *номинально* отменял на бумаге кре-

¹ *Капитулярии* — указы франкских королей, обычно делившиеся на главы или статьи (лат. capitula). *Ред.*

² Энгельс имеет в виду бесплодные попытки короля Фридриха II приостановить — с целью укрепления податной и военной системы прусского помещичьего государства — произвольный сгон крестьян с земли помещиками. *Ред.*

³ *18 марта 1848 г.* — дата народного восстания в Берлине, положившего начало революции 1848 г. в Пруссии.

При *Мольвице* (Силезия) Фридрих II выиграл 10 апреля 1741 г. битву с австрийцами во время войны за австрийское наследство (1740—1748). *Ред.*

постное право или наследственную зависимость (и то лишь со дня св. Мартина 1810 г.), но в действительности почти все оставалось по-старому. На этом дело и остановилось. Столь же малодушный, сколь и ограниченный король попрежнему шел на поводу у грабившего крестьян дворянства, и в такой мере, что с 1808 по 1810 г. появилось четыре указа, снова разрешавших помещику — вопреки эдикту 1807 г. — в целом ряде случаев сгонять крестьян с земли. Только когда уже надвигалась война Наполеона с Россией, снова вспомнили, что понадобятся крестьяне; и тогда был издан эдикт от 14 сентября 1811 г., в котором крестьянам и помещикам *рекомендовалось* в течение двух лет вступить в полюбовное соглашение о выкупе барщины и повинностей, а также и о выкупе у господина его верховных собственностических прав, причем вслед за этим королевская комиссия должна была на основании установленных правил в принудительном порядке ввести в действие это соглашение. Согласно основному принципу, крестьянин за уступку одной трети своего земельного участка (или за уплату ее денежной стоимости) должен был стать свободным собственником сохранявшейся у него еще после этого земли. Но даже и этот выкуп, предоставлявший такие огромные выгоды дворянству, оставался музыкой будущего. Ибо дворянство тормозило дело, чтобы добиться еще большего, а через два года Наполеон снова появился в стране.

Едва только было завершено изгнание Наполеона из страны¹, сопровождаемое неизменными обещаниями напуганного короля дать в будущем конституцию и народное представительство, как все прекрасные посулы были снова забыты. Уже 29 мая 1816 г. — не прошло еще и года после победы при Ватерлоо! — была издана декларация к эдикту 1811 г., которая звучала уже совершенно иначе. Выкуп феодальных повинностей был здесь уже не правилом, а исключением: он распространялся только на такие внесенные в поземельные налоговые кадастры (т. е. более крупные) сельскохозяйственные участки, которые находились под крестьянским хозяйством в Силезии не позднее, чем с 1749 г., в Восточной Пруссии — с 1752 г., в Бранденбурге

¹ Разгром наполеоновской армии русскими во время нашествия Наполеона на Россию в 1812 г. вызвал восстание покоренных им народов Европы против французского господства. Объединившиеся армии европейских государств во главе с русской армией нанесли в 1813 г. ряд новых поражений Наполеону, изгнав его из Германии. Однако победой над Наполеоном воспользовались реакционные монархи и правители Европы, сохранившие политическую раздробленность Германии и усилившие в каждом из германских государств, в первую очередь в Пруссии, режим монархической реакции и помещичьего произвола. *Ред.*

и Померании — с 1763 г. *, в Западной Пруссии — с 1774 года! Разрешалось также сохранять некоторые виды барщинного труда на время посева и жатвы. А когда, наконец, в 1817 г. серьезно взялись за дело с комиссиями по выкупу, аграрное законодательство зашагало назад гораздо быстрее, чем аграрные комиссии вперед. 7 июня 1821 г. последовало новое положение о выкупах, в котором вновь предписывалось ограничивать право на выкуп, предоставляя его только более крупным крестьянским дворам, так называемым «потребительским хозяйствам», а для владельцев мелких хозяйств — безнадельных крестьян, домовников, огородников, одним словом, всех посаженных на землю поденщиков — недвусмысленно увековечивались барщина и другие феодальные повинности. Это и стало отныне правилом. Только с 1845 г. в виде исключения для Саксонии¹ и Силезии стал допускаться выкуп и этого рода повинностей иначе, чем путем обоюдного соглашения — для него, разумеется, закона и не требовалось — между помещиком и крестьянином. Кроме того, платежи, с помощью которых можно было раз навсегда откупиться от повинностей, исчислявшиеся в деньгах или в зерне, были установлены в размере двадцатипятикратной ренты; выплата должна была производиться каждый раз только суммами не ниже 100 талеров, между тем как уже в 1809 г. на государственных землях крестьянам был разрешен выкуп в размере двенадцатикратной ренты. Одним словом, столь прославленное просвещенное аграрное законодательство «государства разума» преследовало только одну цель: спасти из феодализма все, что еще можно было спасти.

Практический результат вполне соответствовал этим жалким мероприятиям. Аграрные комиссии полностью усвоили благие намерения правительства и, как это на отдельных примерах ярко показано Вольфом, позаботились о том, чтобы при выкупе надлежащим образом надуть крестьянина в интересах дворянина. С 1816 по 1848 г. было выкуплено 70 582 крестьянских хозяйства с общей земельной площадью в 5 158 827 моргенов; это составляло шесть седьмых всех обязанных барщиной более крупных крестьянских хозяйств. Между тем из владельцев мелких хозяйств выкупили повинности

* Прусское коварство не знает границ. Здесь оно вновь проявляется даже в дате. Почему взят 1763 год? Только потому, что в следующем году, 12 июля 1764 г., Фридрих II издал строгий эдикт, в котором упорствующим дворянам под страхом наказания предписывалось в течение одного года вновь заселить владельцами на соответствующих условиях крестьянские дворы и участки безнадельных крестьян, подвергшиеся массовому захвату, начиная с 1740 г., особенно же с начала Семилетней войны. Результаты этого эдикта, если таковые имели место, были, таким образом, вновь уничтожены в 1816 г. к вышней выгоде дворянства. *Примечание Энгельса.*

¹ Речь идет о Саксонской провинции Пруссии. *Ред.*

только 289 651 (из них свыше 228 000 в Силезии, Бранденбурге и Саксонии). Число всех выкупленных барщинных дней в году составляло: конных барщинных дней — 5 978 295; личных барщинных дней — 16 869 824. За это благородное дворянство получило вознаграждение в следующих размерах: деньгами — 18 544 766 талеров; денежной рентой ежегодно — 1 599 992 талера; рожью в виде натуральной ренты — 260 069 шэффелей ежегодно; наконец, уступленной крестьянами земель — 1 533 050 моргенов*. Таким образом, помимо всех других видов возмещения прежние феодальные землевладельцы получили еще целую треть бывших крестьянских земель!

1848 год открыл, наконец, глаза столь же тупым, сколь и высокомерным прусским заскорюзлым юнкерам. Крестьяне, в особенности в Силезии, где система латифундий и связанное с ней принудительное превращение населения в безнадельных поденщиков получили наибольшее развитие, нападали на замки, сжигали уже заключенные акты о выкупных платежах и принуждали господ помещиков письменно отказываться от всяких требований повинностей в дальнейшем. Правда, эти эксцессы, на которые и стоявшая тогда у власти буржуазия смотрела как на святотатство, были подавлены военной силой и повлекли за собой суровые наказания. Но даже самые безмозглые юнкерские головы поняли тогда, что барщина стала невозможной, что лучше совсем от нее отказаться, чем требовать ее от этих мятежных крестьян! Теперь дело заключалось лишь в том, чтобы спасти все, что еще можно было спасти, и землевладельческое дворянство действительно имело наглость потребовать возмещения за эти ставшие нереальными повинности. И как только реакция снова почувствовала более или менее твердую почву под ногами, это требование было удовлетворено.

Но до того был издан еще закон 9 октября 1848 г., который приостанавливал все неоконченные до сих пор дела о выкупах и связанные с ними тяжбы, а также целый ряд других тяжб между помещиками и крестьянами. Этим законом, следовательно, было осуждено все прославленное аграрное законодательство, начиная с 1807 года. Однако после того как берлинское так называемое Национальное собрание было благополучно разогнано и был успешно осуществлен государственный переворот, феодально-бюрократическое министерство Бранденбурга — Мантейфеля почувствовало себя достаточно сильным, чтобы сделать серьезный шаг в интересах дворянства. Оно выпустило 20 декабря 1848 г. временный указ, который восстанавливал на

* См. по поводу этой статистики *Мейтцен, А.* Почва в прусском государстве [*Meitzen, A. Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse des Preussischen Staats, B. I—IV, Berlin 1868—1871*], т. I, стр. 432 и сл. *Примечание Энгельса.*

старых основаниях, за немногими исключениями, крестьянские повинности и т. д. впрямь до дальнейшего урегулирования вопроса. Этот указ и послужил нашему Вольфу поводом для того, чтобы осветить положение силезских крестьян на страницах «Новой Рейнской Газеты».

Между тем, прошло еще больше года, прежде чем был выработан новый окончательный закон о выкупах от 2 марта 1850 года. Нельзя более резко осудить и теперь еще превозносимое до небес прусскими патриотами аграрное законодательство 1807—1847 гг., чем это было сделано, вопреки всякому желанию, в мотивировке к этому закону, — и притом устами министерства Бранденбурга — Мантейфеля.

Короче говоря, некоторые незначительные повинности были просто отменены, другие подлежали, согласно декрету, выкупу путем их перевода в денежную ренту с капитализацией этой ренты в восемнадцатикратном размере; с посреднической целью для взимания платежей были учреждены рентные банки, которые посредством известных амортизационных операций¹ должны были выплатить помещику ренту в двадцатикратном размере, в то время как крестьянин освобождался от всех обязательств лишь в результате внесения амортизационных платежей в течение 56 лет.

Если министерство в своей мотивировке осудило все предшествовавшее аграрное законодательство, то комиссия палаты осудила новый закон. Этот закон не должен был распространяться на левый берег Рейна, давно освобожденный французской революцией от всего этого хлама, и комиссия присоединилась к этому ограничению на том основании, что из всех 109 параграфов законопроекта едва только один был там применим, «между тем как все остальные постановления совершенно не подходят для этих мест и, более того, легко могут вызвать там недоразумения и излишнее возбуждение... ввиду того, что на левом берегу Рейна в отношении отмены поземельных повинностей законодательство *шло гораздо дальше, чем намерены пойти в настоящее время*», и нельзя, дескать, все же требовать от жителей Рейнской области, чтобы они согласились поставить себя снова в идеальное положение обновленной Пруссии.

Теперь-то, наконец, серьезно приступили к упразднению феодальных форм труда и эксплуатации. За несколько лет были проведены крестьянские выкупные операции. С 1850 до конца 1865 г. были освобождены посредством выкупа: 1) оставшаяся часть более крупных крестьянских владельцев — их было только 12 706 с земельной площадью в 352 305 моргенов; 2) мелкие владельцы, включая безнадельных; в то время как

¹ — т. е. операций по погашению долга. Ред.

до 1848 г. из них было освобождено посредством выкупа не более 290 000, в течение последующих пятнадцати лет выкупилось не менее 1 014 341. В соответствии с этим количество выкупленных конных барщинных дней, которые приходились на крупные хозяйства, равнялось 366 274, число же личных барщинных дней — 6 670 507. Возмещение земель, падавшее также только на более крупные крестьянские дворы, подобным же образом равнялось всего лишь 113 071 моргену, годовая же рента, которую приходилось уплачивать рожью, — 55 522 шеффелям. В то же время землевладельцы получили 3 890 136 талеров новой ежегодной денежной ренты и, кроме того, при окончательной расплате еще 19 697 483 талера *.

Сумма, которую все прусское поместное дворянство, включая сюда ведомство государственных имений, заставило уплатить себе из кармана крестьян за добровольный возврат части земли, захваченной у них в прежние времена — вплоть до настоящего столетия включительно, — составляет, согласно Мейтцену (т. I, стр. 437), 213 861 035 талеров. Но эта цифра значительно преуменьшена. В самом деле, он исходит из расчета, что морген обработанной земли стоит *только* 20 талеров, морген лесных угодий — 10 талеров, а шеффель ржи — 1 талер, т. е. гораздо меньше, чем в действительности. Кроме того, здесь учтены только «совершенно достоверные сделки», т. е. совсем не приняты во внимание, по меньшей мере, все частным образом состоявшиеся соглашения между сторонами. Мейтцен и сам говорит, что приводимые им данные о выкупленных повинностях, а следовательно, также и о выплаченном за них возмещении, являются только «минимальными».

Мы можем поэтому принять, что сумма, уплаченная крестьянами дворянству и казне за освобождение от противозаконно возложенных на них повинностей, составляет по крайней мере 300 миллионов талеров, а возможно, и миллиард марок.

Миллиард марок только за то, чтобы вернуть освобожденной от повинностей лишь очень небольшую часть той земли, которая была отнята четыреста лет тому назад! Очень небольшую часть, ибо гораздо большую часть дворянство и казна и так присвоили себе в виде майоратных и других рыцарских поместий и государственных имений!

Фридрих Энгельс

Лондон, 24 ноября 1885 г.

Впервые напечатано в виде 2-го раздела введения к книге В. Вольфа «Силезский миллиард», вышедшей в Цюрихе в 1886 г.

*Печатается по тексту цюрихского издания 1886 г. книги В. Вольфа
Перевод с немецкого*

* Эти цифры составляют разницу итоговых сумм при сопоставлении обеих таблиц Мейтцена (т. I, стр. 432 и 434). *Примечание Энгельса.* (У Мейтцена в первой таблице приводятся итоги выкупных операций с 1816 по 1848 г., а во второй — с 1816 по конец 1865 года. *Ред.*)

III

ИЗ ПИСЕМ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. МАРКС—Ф. ЭНГЕЛЬСУ

16 апреля 1856 г.

...Я совершенно согласен с твоим взглядом на Рейнскую провинцию ¹. Роковым для нас является то, что, заглядывая в будущее, я вижу там нечто такое, что будет пахнуть «изменой отечеству». От того, какой оборот примут дела в Берлине, будет зависеть, не придется ли и нам попасть в такое положение, в какое попали в старой революции майнцские клубисты ². Это будет не легко. Мы-то ведь хорошо знаем бравых французских братьев по ту сторону Рейна! Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны. Тогда все будет прекрасно...

К. МАРКС—Ф. ЛАССАЛЮ

19 апреля 1859 г.

...Перехожу теперь к «Францу фон Зиккингену». Прежде всего я должен похвалить композицию и живость действия,

¹ Речь идет о Рейнской провинции Пруссии. *Ред.*

² Маркс имеет в виду членов демократического клуба в Майнце, которые оказали поддержку французским революционным войскам, занявшим в октябре 1792 г. курфюршество Майнцское. Майнцские клубисты, создавшие Национальный конвент и основавшие на территории курфюршества независимое демократическое государство, ввиду угрозы захвата его войсками реакционной Пруссии провели в марте 1793 г. декрет о присоединении Майнца к Французской республике. *Ред.*

а это больше, чем можно сказать о любой современной немецкой драме. Во-вторых, оставляя в стороне чисто критическое отношение к этой работе, она при первом чтении сильно взволновала меня, а следовательно, на читателей, у которых в большей мере преобладает чувство, она подействует еще сильнее. Это вторая, очень важная сторона.

А теперь другая сторона медали. *Во-первых* — это чисто формальный момент, — раз уж ты писал стихами, ты мог бы отделать свои ямбы несколько более художественно. Впрочем, хотя *профессиональные поэты* и будут шокированы этой небрежностью, я в общем считаю ее преимуществом, так как у наших поэтов-эпигонов не осталось ничего, кроме формального лоска. *Во-вторых*. Задуманная тобой коллизия не только трагична, но она есть именно та самая трагическая коллизия, которая совершенно основательно привела к крушению революционную партию 1848 и 1849 годов. Поэтому я могу только всецело приветствовать мысль сделать ее центральным пунктом современной трагедии. Но я спрашиваю себя, годится ли взятая тобой тема для изображения этой коллизии? Бальтазар¹, конечно, может вообразить, что если бы Зиккинген не выдавал свой мятеж за рыцарскую расприю, а выкинул знамя борьбы против императорской власти и открытой войны с князьями, он победил бы. Но можем ли мы разделять эту иллюзию? Зиккинген (а вместе с ним в известной степени и Гуттен) погиб не из-за своего собственного лукавства. Он погиб потому, что восстал против существующего или, вернее, против новой формы существующего как рыцарь и как представитель гибнущего класса. Если отнять у Зиккингена то, что свойственно ему как личности с ее особыми природными склонностями, образованием и т. д., то останется Гец фон Берлихинген. А в этом жалком субъекте воплощена в ее адекватной форме трагическая противоположность между рыцарством, с одной стороны, и императором и князьями — с другой, и потому Гёте был прав, избрав его героем². Поскольку Зиккинген, — а отчасти и сам Гуттен, хотя у него, как и у всех идеологов определенного класса, подобные высказывания должны были выражаться в значительно измененной форме, — выступает против князей (ведь против императора он идет только потому, что император из императора рыцарей превращается в императора князей), постольку он на самом деле просто Дон Кихот, хотя и имеющий историческое оправдание. То, что он начинает мятеж под видом рыцарской распри, означает только то, что он начинает его *по-рыцарски*. Если

¹ — один из персонажей драмы Лассала. *Ред.*

² Имеется в виду трагедия Гёте «Гец фон Берлихинген». *Ред.*

бы он начал его по-иному, то он должен был бы непосредственно, и притом с самого же начала, апеллировать к городам и крестьянам, т. е. как раз к тем классам, развитие которых равносильно отрицанию рыцарства.

Если ты не хотел свести коллизии только к той, которая изображена в «Геце фон Берлихингене», — а это не входило в твои планы, — то Зиккинген и Гуттен должны были погибнуть, потому что они в своем воображении были революционерами (последнего нельзя сказать о Геце) и совершенно так же, как *образованное* польское дворянство 1830 г., стали, с одной стороны, проводниками современных идей, а, с другой стороны, на деле представляли интересы реакционного класса. Следовательно, не надо было, чтобы весь интерес сосредоточивался, как это происходит в твоей драме, на *дворянских* представителях революции, за чьими лозунгами единства и свободы все еще скрывается мечта о старой империи и кулачном праве. И, наоборот, представители крестьян (особенно их) и революционных элементов городов должны были бы составить весьма существенный активный фон. Тогда ты мог бы в гораздо большей степени высказывать устами своих героев как раз наиболее современные идеи в их самой наивной форме, между тем как сейчас основной идеей остается в сущности, кроме *религиозной* свободы, гражданское *единство*. Тебе волей-неволей пришлось бы тогда в большей степени *шекспиризировать*, между тем как теперь основным твоим недостатком я считаю то, что ты пишешь *по-шиллеровски*, превращая индивидуумы в простые рупоры духа времени. Не совершаешь ли ты сам до известной степени, подобно твоему Францу фон Зиккингену, дипломатическую ошибку, ставя лютеровско-рыцарскую оппозицию выше плебейско-мюнцеровской?

Далее, в обрисовке характеров нехватает как раз характерных черт. Исключениями являются Карл V, Бальтазар и Рихард Трирский. А между тем, найдется ли эпоха с более очерченными характерами, чем XVI столетие? Гуттен, по моему мнению, уж слишком воплощает одно лишь «воодушевление», а это скучно. Разве он не был в то же время даровит и чертовски остроумен, и не совершил ли ты по отношению к нему большую несправедливость?

До какой степени сам твой Зиккинген, обрисованный, кстати сказать, тоже слишком абстрактно, является жертвой коллизии, не зависящей от всех его личных расчетов, видно из того, как ему приходится проповедовать своим рыцарям дружбу с городами и т. д. и как охотно, с другой стороны, сам он применяет к городам нормы кулачного права...

Ф. ЭНГЕЛЬС—Ф. ЛАССАЛЮ

18 мая 1859 г.

...Что касается исторического содержания, то Вы очень наглядно и с правильным учетом дальнейшего развития изобразили обе стороны тогдашнего движения, которые Вас наиболее интересовали: национальное дворянское движение, представляемое Зиккингом, и теоретико-гуманистическое движение с его дальнейшим развитием в теологической и церковной области, т. е. с реформацией. Больше всего мне понравились тут сцены между Зиккингом и императором и между легатом и архиепископом Трирским (здесь Вам к тому же удалось дать прекрасную индивидуальную характеристику, противопоставляя светского, эстетически и классически образованного, политически и теоретически дальновидного легата тупому немецкому князю-попу, — характеристику, которая в то же время прямо вытекает из характера обоих действующих лиц *как типичных представителей*); большой меткостью отличается обрисовка характеров и в сцене между Зиккингом и Карлом. Что касается автобиографии Гуттена, *содержание* которой Вы справедливо считаете существенным, то Вы несомненно пошли на весьма рискованный шаг, вставив это содержание в драму. Очень важен также разговор между Бальтазаром и Францем в пятом акте, где первый излагает своему господину *подлинно революционную* политику, которой тот должен был бы следовать. Именно здесь выступает истинно трагическое, и мне кажется, что именно эту сторону дела, ввиду ее большого значения, следовало бы несколько резче подчеркнуть уже в третьем акте, который дает для этого достаточно поводов. Но я опять занялся второстепенными вопросами.

Позиция городов и князей того времени также изображена во многих местах очень ярко, и таким образом более или менее исчерпаны так называемые *официальные* элементы тогдашнего движения. Но я считаю, что Вы уделили недостаточно внимания неофициальным — плебейским и крестьянским — элементам и сопутствующим им их представителям в области теории. Крестьянское движение было в своем роде столь же национально и было в такой же степени направлено против князей, как и движение дворянства, а огромный размах борьбы, в которой оно потерпело поражение, составляет резкий контраст по сравнению с той легкостью, с какой дворянство, бросив Зиккинга на произвол судьбы, примирилось со своим историческим призванием — раболепством. Именно поэтому и при Вашем понимании драмы, которое, как Вы, вероятно, заметили, я считаю слишком абстрактным, недостаточно реалистичным, — крестьян-

ское движение заслуживало более внимательного рассмотрения; правда, крестьянская сцена с Йоссом Фрицем характерна, и индивидуальность этого «смутьяна» изображена вполне правильно, но она не оттеняет с достаточной силой в противовес дворянскому движению бурно разлившийся уже тогда поток крестьянских волнений. Согласно моему пониманию драмы, требующему, чтобы за идеальным не забывать реалистического, за Шиллером — Шекспира, включение в действие тогдашней, поразительно пестрой плебейской общественной сферы дало бы совершенно иной материал для оживления драмы, дало бы неоценимый фон для разыгрывающегося на авансцене национального дворянского движения и лишь в этом случае представило бы в истинном свете само это движение. Какие только поразительно характерные образы ни дает эта эпоха распада феодальных связей в лице бродячих королей нищих, побирающихся ландскнехтов и всякого рода авантюристов — поистине фальстафовский фон, который в исторической драме *такого* типа был бы еще эффектнее, чем у Шекспира! Но не говоря уже об этом, мне кажется, что, отодвинув на задний план крестьянское движение, Вы тем самым неверно изобразили в одном отношении и национальное дворянское движение и вместе с тем упустили из виду *подлинно* трагический элемент в судьбе Зиккингена. По-моему, масса тогдашнего имперского дворянства не думала о заключении союза с крестьянами; этого не допускала его зависимость от доходов, получаемых путем угнетения крестьян. Снорее был бы возможен союз с городами, но и он либо совсем не осуществлялся, либо осуществлялся только частично. А между тем проведение национальной дворянской революции было возможно только в союзе с городами и крестьянами, в особенности с последними. Как раз в том, на мой взгляд, и заключается трагический момент, что союз с крестьянами — это основное условие — был невозможен, что вследствие этого политика дворянства должна была по необходимости сводиться к мелочам, что в тот момент, когда оно захотело встать во главе национального движения, *масса* нации, крестьяне, запротестовала против его руководства, и оно таким образом неизбежно должно было пасть. Насколько исторически обосновано Ваше предположение, что Зиккинген был все же в какой-то степени связан с крестьянами, я не могу судить. Да это и не важно. Впрочем, насколько я припоминаю, там, где в своих произведениях Гуттен обращается к крестьянам, он лишь слегка задевает некий пункт об отношении к дворянству и старается направить всю ярость крестьян главным образом против попов. Но я отнюдь не хочу оспаривать у Вас права рассматривать Зиккингена и Гуттена как деятелей, поставивших себе целью освобождение крестьян. Однако тут и получается то трагическое противоре-

чие, что оба они оказались стоящими между дворянством, бывшим решительно *против* этого, с одной стороны, и крестьянами — с другой. В этом и заключалась, по-моему, трагическая коллизия между исторически необходимым требованием и практической невозможностью его осуществления. Упуская этот момент, Вы умаляете трагический конфликт, сводя дело к тому, что Зиккинген, вместо того чтобы сразу вступить в борьбу с императором и империей, начинает борьбу только с *одним* князем (хотя Вы и здесь с должным тактом вводите крестьян) и гибнет просто из-за равнодушия и трусости дворянства. Эта трусость была бы совершенно иначе мотивирована, если бы Вы уже до этого сильнее подчеркнули нарастающую угрозу крестьянского движения и ставшее неизбежно более консервативным после предшествующих выступлений «Башмака» и «Бедного Конрада» настроение дворянства. Но все это, впрочем, лишь *один* из путей, каким можно ввести в драму крестьянское и плебейское движение, и существует по крайней мере десятков других, столь же или еще более подходящих способов...

Ф. ЭНГЕЛЬС — К. МАРКСУ

15 декабря 1882 г.

Дорогой Мавр!

Посылаю тебе приложение о марке ¹. Будь добр, верни мне его в *воскресенье* обратно, чтобы я мог просмотреть его в понедельник. Сегодня я не успел закончить последний просмотр.

Высказанный здесь взгляд на положение крестьян в средние века и на возникновение *второго* крепостного права с середины XV века я считаю в общем бесспорным. Я перечитал у Маурера все соответствующие места и нахожу у него почти все мои положения, и *притом с доказательствами*, а наряду с этим — прямо противоположные утверждения, но или без доказательств, или относящиеся ко времени, о котором здесь *нет* речи. В особенности это касается «Господских хозяйств», том 4, заключение ². Эти противоречия возникают у Маурера: 1) благодаря привычке приводить доказательства и примеры из всех эпох рядом и попеременно, 2) благодаря остаткам юридической узости, которая мешает ему всякий раз, когда дело идет о понимании *развития*, 3) благодаря тому, что он придает совершенно недостаточное значение *насилию* и его роли, 4) благодаря

¹ См. стр. 113 настоящего издания. *Ред.*

² Энгельс имеет в виду четырехтомную работу Г. Маурера «История господских и крестьянских хозяйств и подворного строя в Германии» (*G. L. Maurer. Geschichte der Frohnhöfe, der Bauernhöfe und der Hofverfassung in Deutschland, B. I—IV, Erlangen 1862—1863*). *Ред.*

«просвещенному» предрассудку, будто со времени темного средневековья *должен* иметь место постоянный прогресс к лучшему. Это мешает ему видеть не только антагонистический характер действительного прогресса, но и отдельные случаи регресса.

Ты увидишь, что вещь не была написана сразу, а состоит из отдельных кусков. Первый набросок был сделан сразу, но, к сожалению, неправильно. Лишь постепенно я овладел материалом, а потому и многое исправлял.

Между прочим, повсеместное восстановление крепостного права явилось одной из причин, помешавших развитию промышленности в Германии в XVII и XVIII веках. Во-первых, разделение труда при цеховом строе, *обратное* тому, какое имело место в мануфактуре: вместо разделения труда *внутри* мастерской труд делится *между цехами*. Здесь, в Англии, произошло переселение промышленности в не знающую цехов деревню; в Германии этому препятствовало превращение сельских жителей и обитателей занимающихся земледелием местечек в крепостных. Но от этого погибли в конце концов и сами цехи, как только появилась конкуренция иностранной мануфактуры. Я оставляю здесь в стороне другие причины, влиявшие на задержку развития немецкой мануфактуры...

Ф. ЭНГЕЛЬС — К. МАРКСУ

16 декабря 1882 г.

...Больше всего меня интересует твое мнение по поводу пункта о почти полном — правовом или фактическом — исчезновении крепостного права в XIII и XIV веках, так как ты раньше высказывал по этому поводу несколько иные взгляды. Что касается земель к востоку от Эльбы, то там твердо установлена свобода *немецких* крестьян вследствие колонизации; для Шлезвиг-Гольштинии Маурер признает, что в то время «все» крестьяне вновь добились свободы (может быть несколько позднее XIV века). И для Южной Германии он также признает, что именно тогда с зависимыми крестьянами обращались лучше. То же в той или иной степени в Нижней Саксонии (например, новые «мейеры»¹ — фактически наследственные арендаторы). Он возражает лишь против взгляда Киндлингера, будто крепостное право *возникло* только в XVI веке. Но

¹ Мейер или шульц — в средние века старшина крестьян-колонистов, переселявшихся на завоеванные немецкими феодалами славянские земли на условиях выполнения определенных повинностей; часто служил посредником между феодалом и крестьянами, за что пользовался рядом льгот (большой надел, освобождение от повинностей и т. д.). *Ред.*

что оно затем снова ожило, появилось во втором издании, в этом у меня нет никаких сомнений. Мейтцен приводит даты, когда впервые снова заходит речь о крепостных в Восточной Пруссии, Бранденбурге, Силезии — это середина XVI века; те же данные для Шлезвиг-Гольштинии у Гансена. Когда Маурер называет это *смягченным* крепостным правом, то он прав, если сравнивать его с крепостничеством IX—XI веков, которое собственно являлось продолжением древнегерманского рабства; он также прав, поскольку имеет в виду юрисдикцию, которой обладал помещик над крепостными согласно правовым кодексам еще в XIII веке и позднее. Но сравнительно с *фактическим* положением крестьян в XIII и XIV веках, а в Северной Германии и в XV веке, новое крепостное право было чем угодно, только не смягчением. В особенности после Тридцатилетней войны! Характерно также, что в то время как в средние века было такое множество степеней зависимости и крепостничества, что «Саксонское зеркало»¹ даже отказывается говорить о праве крепостных людей, — после Тридцатилетней войны дело поразительно упрощается. Словом, я с нетерпением жду твоего мнения...

Ф. ЭНГЕЛЬС—Ф. МЕРИНГУ

14 июля 1893 г.

...О книге же вообще я могу только повторить то, что я уже не раз говорил по поводу статей, когда они появлялись в «*Neue Zeit*»²; это наилучшее из имеющихся изложений генезиса прусского государства, могу сказать даже единственно хорошее, в большинстве случаев вплоть до мелочей правильно раскрывающее все взаимосвязи. Мне жаль только, что Вы сразу же не охватили всего дальнейшего развития вплоть до Бисмарка, и у меня невольно рождается надежда, что Вы это сделаете в другой раз и дадите общую картину в связанном изложении, начиная с курфюрста Фридриха-Вильгельма и кончая старым Вильгельмом. Ведь работа Вами уже проделана предварительная и, по основным вопросам по крайней мере, даже можно считать и окончательной. А это должно быть сделано, прежде чем сможет рухнуть все старинное сооружение. Раз-

¹ «Саксонское зеркало» — средневековый германский судебник, представлявший собой запись местного (саксонского) обычного права. *Ред.*

² Речь идет о работе Ф. Меринга «Легенда о Лессинге», которая в 1892 г. печаталась в виде ряда статей в теоретическом органе германской социал-демократии «*Die Neue Zeit*» («Новое Время»), а в 1893 г. вышла отдельным изданием. Имеется русский перевод. *Ред.*

рушение монархически-патриотических легенд хоть и не является абсолютно необходимой предпосылкой для устранения прикрывающей классовое господство монархии (ибо чистая, буржуазная республика в Германии оказалась пройденным этапом, не успев возникнуть), но все же оно служит одним из наиболее сильно действующих рычагов для такого устранения.

Тогда у Вас будет больше простора и больше отдельных поводов для изображения прусской местной истории как частицы общегерманской жалкой судьбы. Это и есть тот пункт, в котором я кое в чем расхожусь с Вами, именно с Вашим пониманием причин раздробленности Германии и неудачи немецкой буржуазной революции XVI века. Если мне доведется заново переработать историческое введение к моей «Крестьянской войне», что случится, надеюсь, будущей зимой, то я смогу развить там соответствующие моменты. Не то, чтобы я считал неправильными приведенные Вами причины, но я выдвигаю наряду с ними и другие и несколько иначе группирую их.

При изучении немецкой истории, которая представляет собой одно сплошное убожество, я всегда считал, что лишь сравнение с соответствующими эпохами истории Франции даст правильный масштаб, ибо там происходит как раз противоположное тому, что у нас. Там — образование национального государства из *disjecta membra*¹ феодального государства, у нас — в это время как раз период самого глубокого упадка. Там — редкостная объективная логика во всем ходе процесса, у нас — все более и более безнадежный развал. Там — в период средневековья чужеземное вторжение представлено английским завоевателем, который вмешивается в пользу провансальской национальности против северофранцузской. Войны с англичанами² представляют собой своего рода Тридцатилетнюю войну, но там эти войны оканчиваются изгнанием иностранных интервентов и покорением юга севером. Затем следует борьба центральной власти против опирающегося на свои иностранные владения бургундского вассала, роль которого соответствует роли Бранденбурга — Пруссии, но эта борьба оканчивается победой центральной власти и завершает образование национального государства. У нас как раз в этот момент национальное государство разваливается окончательно (если только «немецкое королевство» в пределах Священной римской империи можно назвать национальным государством) и начинается в боль-

¹ *Лат.* — разбросанные члены. *Ред.*

² Имеется в виду так называемая Столетняя война между Англией и Францией, сопровождавшаяся неоднократными вторжениями английских феодалов на французскую территорию и длившаяся с некоторыми перерывами с 1337 по 1453 год. *Ред.*

ших масштабах разграбление немецких земель. Это для немцев в высшей степени постыдное сравнение, но оно тем более поучительно, и с тех пор как наши рабочие снова поставили Германию в первые ряды исторического движения, мы можем несколько легче проглотить позор прошлого.

Совершенно особой отличительной чертой немецкого развития является еще то, что две составные части империи, в конце концов разделившие между собой всю Германию, не являются ни та, ни другая чисто немецкими, а были колониями на завоеванной славянской земле: Австрия — баварской, Бранденбург — саксонской колонией; и власть в самой Германии они добыли себе только потому, что опирались на свои иноземные, не немецкие владения: Австрия — на Венгрию (не говоря уже о Богемии), Бранденбург — на Пруссию. На западной границе, подвергавшейся наибольшей опасности, ничего подобного не было, на северной границе защищать Германию от датчан предоставили самим датчанам, а юг так мало нуждался в защите, что те, кто должен был охранять границы — швейцарцы, — сами смогли отделиться от Германии!..

Ф. ЭНГЕЛЬС — К. КАУТСКОМУ

21 мая 1895 г.

...О твоей книге¹ могу сказать, что дальше она становится лучше. Платон и раннее христианство разобраны еще слишком недостаточно, в соответствии с первоначальным планом, средневековые секты уже значительно лучше, и дальше идет *crescendo*². Лучше всего — табориты, Мюнцер, анабаптисты. Во многих местах весьма серьезные экономические обоснования политических событий, но наряду с этим — общие места, там, где сказалась недостаточность знаний. Я из этой книги многое узнал; для моей переработки «Крестьянской войны» это — необходимый материал. Мне кажется, что главных ошибок две: 1) весьма недостаточно исследовано развитие и роль элементов, стоявших совершенно вне феодально-сословной структуры, деклассированных, поставленных в положение чуть ли не париев, появление которых было неизбежно при образовании любого города, которые составляли самый низший, бесправный слой населения любого средневекового города и находились вне общины, вне феодальных связей и вне цехового союза. Такое исследование — трудно, но это *главная*

¹ Энгельс имеет в виду книгу Каутского «Предшественники новейшего социализма». *Ред.*

² — все возрастающая. *Ред.*

основа, потому что постепенно, с распадом феодальных связей, из этих элементов образуется тот *предпролетариат*, который в 1789 г. совершил революцию в парижских предместьях, вобрав в себя всех отверженных феодального и цехового общества. Ты говоришь о пролетариях — выражение мало подходит — и включаешь сюда ткачей, большое значение которых ты изображаешь совершенно правильно; но лишь *после того* как появились деклассированные, не цеховые, ткачи-батраки и лишь *поскольку* таковые были, ты только и можешь причислить их к своему «пролетариату». Тут еще много придется доработать.

2) Ты не вполне уловил положение на мировом рынке, — поскольку о нем может идти речь, — международное экономическое положение Германии в конце XV века. *Только* это положение объясняет, почему то буржуазно-плебейское движение в религиозной форме, которое потерпело поражение в Англии, Нидерландах, Богемии, могло в XVI веке в Германии иметь *известный* успех: это успех его *религиозной маскировки*, тогда как успех буржуазного содержания достался на долю следующего столетия и на долю стран, расположенных по возникшему к тому времени новому направлению мирового рынка, — Голландии и Англии. Это обширная тема, которую я надеюсь широко развить в «Крестьянской войне», — только бы дошли до этого руки!..

IV

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА

О РАЗЛОЖЕНИИ ФЕОДАЛИЗМА И ВОЗНИКНОВЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ¹

В то время как неистовые битвы господствующего феодального дворянства заполняли средневековые своим шумом, незаметная работа угнетенных классов подрывала феодальную систему во всей Западной Европе, создавала условия, в которых феодалу оставалось все меньше и меньше места. Правда, в деревне феодалы хозяйничали еще во-всю, истязали крепостных, роскошествовали за счет их пота и крови, вытаптывали их посевы, насиловали их жен и дочерей. Но кругом уже вырастали города; в Италии, Южной Франции, на Рейне возродились из пепла древнеримские муниципии; в других местах, особенно внутри Германии, создавались новые города, обнесенные защитными стенами и рвами; они представляли собой крепости гораздо более неприступные, чем дворянские замки, так как взять их можно было только с помощью значительного войска. За этими стенами и рвами развилось средневековое ремесло, — правда, достаточно пропитанное бюргерской цеховщиной и мелочностью, — накопились первые капиталы, возникла потребность в торговых сношениях городов друг с другом и с остальным миром, а вместе с потребностью в торговых сношениях постепенно создавались также и средства для их защиты.

В XV веке городские бюргеры стали уже более необходимы обществу, чем феодальное дворянство. Правда, земледелие было

¹ Заглавие рукописного отрывка дано редакцией, так как в рукописи Энгельса оно отсутствует. В Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса (т. XVI, ч. I) этот отрывок был опубликован под редакционным заглавием «О разложении феодализма и развитии буржуазии». *Ред.*

все еще главной отраслью производства, в нем была занята громадная масса населения. Но небольшое количество свободных крестьян, уцелевших кое-где вопреки посягательствам дворянства, достаточно убедительно доказывало, что в земледелии суть-то совсем не в туеядстве и вымогательствах дворянина, а в труде крестьянина. Да к тому же и потребности дворянства настолько выросли и изменились, что даже и ему стали необходимы города; свое единственное орудие производства — свой панцырь и свое оружие — оно ведь получало из города! Сукно, мебель и украшения, производящиеся внутри страны, итальянские шелка, брабантские кружева, северные меха, арабские благовония, восточные фрукты, индийские пряности — все это, за исключением мыла, оно покупало у горожан. Развилась в некотором роде мировая торговля; итальянцы плавали по Средиземному морю и за его пределами вдоль берегов Атлантического океана до Фландрии; несмотря на усиливающееся соперничество голландцев и англичан, на Северном и Балтийском морях все еще господствовали ганзейцы. Между северными и южными центрами морской торговли связь поддерживалась сухопутным путем; пути, по которым поддерживалась эта связь, проходили через Германию. В то время как дворянство становилось все более и более излишним и мешало развитию, бюргеры стали классом, который олицетворял собой дальнейшее развитие производства и обмена, образования, социальных и политических учреждений.

Все эти успехи производства и обмена имели, правда, по теперешним понятиям очень ограниченный характер. Производство оставалось скованным формами чисто цехового ремесла, следовательно, само сохраняло еще феодальный характер; торговля шла в пределах европейских вод и не распространялась дальше левантских прибрежных городов, в которых происходил обмен на продукты более отдаленных стран Востока. Но как бы мелки и ограничены ни были ремесла и вместе с ними и бюргеры-ремесленники, у них хватило силы совершить переворот в феодальном обществе, и они, по крайней мере, находились в движении, в то время как дворянство коснело в неподвижности.

Притом у городского бюргерства было могучее оружие против феодализма — *деньги*. В образцовом феодальном хозяйстве раннего средневековья для денег почти вовсе не было места. Феодал получал от своих крепостных все, что ему было нужно, или в форме труда или в виде готового продукта; женщины пряли и ткали лен и шерсть и шили одежду; мужчины обрабатывали поля, дети пасли скот господина, собирали для него грибы и ягоды, птичьи гнезда, подстилку для скота; кроме того, вся семья должна была доставлять еще зерно, плоды, яйца, масло,

сыр, птицу, домашний скот и многое другое. Каждое феодальное хозяйство само удовлетворяло свои нужды целиком, даже военные поставки собирались продуктами. Торговых сношений, обмена не было, деньги были излишни. Европа была низведена до такого низкого уровня, ей настолько приходилось начинать все сначала, что деньги обладали тогда в гораздо меньшей мере общественной функцией, чем политической: они служили для *уплаты налогов* и добывались главным образом *грабежом*.

Теперь все это совершенно изменилось. Деньги снова стали всеобщим средством обмена, и в силу этого масса их значительно увеличилась. И дворянство тоже уже не могло обходиться без них. А так как у него очень мало или даже вовсе ничего не было для продажи и так как грабить теперь стало тоже не очень-то легко, — то ему приходилось решаться брать займы у городского ростовщика. Еще задолго до того, как стены рыцарских замков были пробиты ядрами новых орудий, их фундамент был подорван деньгами. На самом деле порох был, так сказать, простым судебным исполнителем на службе у денег. Деньги были великим средством политического уравнивания в руках бюргерства. Всюду, где личное отношение было вытеснено денежным отношением, натуральная повинность — уплатой денег, там место феодального отношения заступало буржуазное. Правда, в большинстве случаев в деревне продолжало существовать старинное грубое натуральное хозяйство; но уже были целые округа, где, как, например, в Голландии, Бельгии, на нижнем Рейне, крестьяне вместо барщины и оброка натурой платили господам деньги, где господа и подданные сделали уже первый решительный шаг к превращению в землевладельцев и арендаторов, где, следовательно, и в деревне тоже политические учреждения феодализма лишались своей общественной основы.

До какой степени в конце XV века деньги подточили и разъели изнутри феодальную систему, ясно видно по той жажде золота, которая в эту эпоху овладела Западной Европой; *золото* искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; *золото* было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; *золото* — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег. Но эта тяга к далеким путешествиям, к приключениям в поисках золота хотя и осуществлялась сначала в феодальных и полуфеодальных формах, все же была в корне несовместима с феодализмом; основой последнего было земледелие, и завоевательные походы его по существу имели целью *приобретение земель*. К тому же мореплавание было определено *буржуазным* промыслом, который наложил печать своего антифеодального характера также и на все современные военные флоты.

В XV веке во всей Западной Европе феодальная система находилась, таким образом, в полном упадке; повсюду в феодальные области вклинивались города с антифеодальными интересами, с собственным правом и с вооруженным бюргерством. Они уже отчасти поставили феодалов с помощью денег в зависимость от себя в общественном, а кое-где и в политическом отношении; даже в деревне, там, где земледелие поднялось более высоко в силу особо благоприятных условий, старые феодальные пути стали ослабевать под действием денег; только во вновь завоеванных землях, как, например, в остэльбской Германии, или в иных отсталых, удаленных от торговых путей областях продолжало процветать старое дворянское господство. Но как в городах, так и в деревне — повсюду среди населения увеличилось количество таких элементов, которые прежде всего требовали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в тех случаях, когда в стране был внешний враг, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья. Будучи сами по себе еще слишком слабыми, чтобы осуществить свое желание на деле, элементы эти находили сильную поддержку в главе всего феодального порядка — в королевской власти. И здесь мы подходим к тому пункту, когда рассмотрение общественных отношений ведет нас к рассмотрению отношений государственных, где мы от экономики переходим к политике.

Из смешения народов раннего средневековья развивались постепенно новые национальности, процесс, при котором, как известно, в большинстве бывших римских провинций побежденное население, крестьяне и горожане, ассимилировало победителя — германского завоевателя. Следовательно, современные национальности являются также продуктом угнетенных классов. Каким образом в одном месте происходило слияние, в другом разделение, — об этом нам дает наглядное представление карта округов средней Лотарингии, составленная Менке*. Стоит только проследить границу между романскими и германскими названиями мест, чтобы убедиться, что она в Бельгии и Нижней Лотарингии в общем совпадает с существовавшей сотни лет границей между французским и немецким языком. Кое-где еще встречается узкая спорная полоска, где оба языка борются за преобладание; но в общем совершенно ясно, что должно быть

* Шпрунер-Менке. Учебный атлас по истории средних веков и нового времени, 3 изд., Гота 1874. Карта № 32 [*Spruner-Menke. Hand-Atlas für die Geschichte des Mittelalters und der neueren Zeit*, 3. Aufl., Gotha 1874. Karte № 32]. *Примечание Энгельса.*

германским, что романским. Древненижнефранкская и древневерхненемецкая форма большинства названий мест на карте доказывает, что они относятся к IX, самое позднее к X веку, что, следовательно, граница в главных чертах была проведена в конце каролингского периода. На романской стороне можно найти, в особенности поблизости от тех мест, где проходит граница языков, смешанные названия, составленные из германского имени и романского обозначения местности, например западнее Мааса, близ Вердена: *Erpone curtis*, *Rotfridi curtis*, *Ingolini curtis*, *Teudegisilo villa*, ныне Иппекур, Рекур-ла-Кре, Амбленкур-сюр-Эр, Тьервиль. Это были франкские резиденции феодалов, мелкие германские колонии на романской земле, которые рано или поздно подверглись романизации. В городах и в отдельных сельских местностях находились более крупные германские колонии, которые более продолжительное время сохраняли свой язык; из такой колонии, например, еще в конце IX века вышла «Песнь о Людовике»¹; то, что еще раньше большая часть франкских господ была романизирована, доказывают формулы присяги королей и знати 842 г., в которых романский язык уже является официальным языком Франкского королевства.

Как только произошло разграничение на группы по языку (оставляя в стороне позднейшие завоевательные и истребительные войны, которые велись, например, против полабских славян²), стало естественным, что эти группы начали служить основой образования государств, что национальности стали развиваться в нации. Насколько силен был этот стихийный процесс уже в IX веке, доказывает быстрый распад смешанного государства Лотарингии. Правда, в течение всего средневековья границы языка далеко не совпадали с границами государств; но все же каждая национальность, за исключением, пожалуй, Италии, была представлена в Европе особым крупным государством, и тенденция к созданию национальных государств, выходящая все яснее и сознательнее, является одним из существеннейших рычагов прогресса в средние века.

В каждом из этих средневековых государств король представлял собой вершину всей феодальной иерархии, верховного главу, без которого вассалы не могли обойтись и по

¹ «Песнь о Людовике» (*«Ludwigslied»*) — записанное на рейнско-франкском диалекте сказание о западнофранкском короле Людовике III (из династии Каролингов) и его победе над норманнами в 881 году. *Ред.*

² *Полабские славяне* — славянские племена и народности, жившие к востоку от реки Лабы (по-немецки Эльба); завоевание этих областей немецкими феодалами (X—XIV вв.) осуществлялось самыми свирепыми методами, вплоть до поголовного истребления отдельных славянских племен; уцелевшее население обращалось в крепостных и насильственно онемечивалось. *Ред.*

отношению к которому они одновременно находились в состоянии непрерывного бунта. Основное отношение всего феодального хозяйства — отдача земли в ленное владение за определенную личную службу и поборы — даже в своем первоначальном, простейшем виде давало достаточно материала для споров, в особенности когда так много народа было заинтересовано в том, чтобы находить поводы для усобиц. Как же можно было избежать конфликтов во времена позднего средневековья, когда ленные отношения во всех странах образовывали клубок прав и обязанностей, пожалованных, отнятых, снова возобновленных, отобранных за проступки, измененных или каким-либо иным способом обусловленных, — клубок, который никак невозможно было распутать? Карл Смелый, например, был в одной части своих земель ленником императора, а в другой — ленником короля Франции; с другой стороны, король Франции, его сюзерен, был в то же время в известных областях ленником Карла Смелого, своего собственного вассала. Как тут было избежать конфликтов? Вот в чем причина той длившейся столетия переменчивой игры силы притяжения вассалов к королевскому центру, который один был в состоянии защищать их от внешнего врага и друг от друга, и силы отталкивания от центра, в которую постоянно и неизбежно превращается эта сила притяжения; вот причина непрерывной борьбы между королевской властью и вассалами, дикий шум которой в течение этого длительного периода, когда грабеж был единственным достойным свободного мужа промыслом, заглушает решительно все; вот причина той бесконечной, непрерывно продолжающейся вереницы измен, предательских убийств, отравлений, коварных интриг и всяческих низостей, какие только можно вообразить, которые скрываются под поэтическим именем рыцарства, что не мешало, однако, постоянно твердить о чести и верности.

Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть была прогрессивным элементом, — это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же как королевская власть тяготела к ним. Союз королевской власти и бюргерства ведет свое начало с X века; нередко он нарушался в результате конфликтов, — ведь в течение всех средних веков развитие не шло непрерывно в одном направлении; но все же этот союз, возобновляясь, становился все крепче, все могущественнее, пока, наконец, он не помог королевской власти одержать окончательную победу, и королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника.

Как короли, так и бюргеры нашли могущественную поддержку в нарождавшемся сословии *юристов*. Одновременно с тем, когда снова открыли римское право, установилось разделение труда между попами — юридическими консультантами феодальной эпохи — и учеными юристами, не принадлежавшими к духовному сословию. Эти новые юристы, разумеется, по самому существу своему принадлежали к бюргерскому сословию; да к тому же и то право, которое они изучали сами, которому учили других и которое применяли, по характеру своему было в значительной мере антифеодальным и в известном отношении буржуазным. Римское право является настолько классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений. Но буржуазная собственность средних веков была еще сильно связана феодальными ограничениями, состояла, например, главным образом из привилегий. Таким образом, римское право в этом смысле по сравнению с тогдашними гражданскими отношениями ушло далеко вперед. Дальнейшее историческое развитие буржуазной собственности могло состоять только в том, что она, как это и случилось, стала развиваться в чистую частную собственность. Это развитие должно было найти могучий рычаг в римском праве, в котором содержалось уже в развитом виде все то, к чему бюргерство позднего средневековья стремилось пока еще только бессознательно.

Правда, во множестве отдельных случаев римское право служило предлогом к еще большему угнетению крестьян дворянством, в том случае, например, когда крестьяне не могли представить никаких письменных доказательств своей свободы от обычных повинностей, — но по существу это не меняло дела. Дворянство нашло бы и без римского права сколько угодно таких предлогов и ежедневно их находило. Во всяком случае, огромным прогрессом было то, что в силу вошло такое право, которому феодальные отношения абсолютно неизвестны и которое полностью предвосхитило современную частную собственность.

Мы видели, каким образом в обществе позднего средневековья феодальное дворянство в экономическом отношении начало становиться излишним, даже прямой помехой; каким образом и политически оно точно так же стояло поперек дороги и развитию городов и национальному государству, которое тогда было возможно только в монархической форме. Несмотря на все это, его поддерживало то обстоятельство, что за ним до сих пор сохранялась монополия в военном деле, что без него невозможно было вести войны, невозможно было давать сражения.

И в этом отношении дело должно было измениться: надо было сделать последний шаг, чтобы показать феодальному дворянству, что наступил конец тому периоду, когда оно господствовало в обществе и в государстве, что в качестве рыцарей оно не нужно больше даже и на поле битвы.

Вести борьбу против феодальных порядков с помощью войска, которое само было феодальным, в котором солдаты были более тесно связаны со своими непосредственными сюзеренами, чем с командующими королевской армией, — это, очевидно, означало возвращаться в заколдованном кругу и не быть в состоянии сдвинуться с места. С начала XIV века короли стремятся освободиться от этого феодального войска, создать собственное войско. С этого времени мы в королевских армиях встречаем все более увеличивающуюся часть, состоящую из наемных или нанятых войск. Сначала — это по большей части пехота, составленная из городских подонков, беглых крепостных, ломбардцев, генуэзцев, немцев, бельгийцев и т. д.; их употребляли главным образом в качестве гарнизонов городов и для службы при осаде; вначале они были мало пригодны в открытом бою на поле битвы. Но уже в конце средних веков мы встречаем также рыцарей, поступавших вместе со своими, неизвестно каким путем набранными отрядами на службу к иностранным государям, что было признаком окончательного крушения феодального военного устройства.

Одновременно создавалось основное условие для пригодной к войне пехоты в лице горожан и свободных крестьян, там, где последние еще имелись или стали вновь появляться. До тех пор рыцарство вместе со своей конной дружиной составляло не столько ядро войска, сколько самое войско; толпы крепостных пеших ратников, сопровождавших войско, в счет не шли; они появлялись на поле битвы только для того, чтобы обращаться в бегство или грабить. До тех пор, пока продолжался период расцвета феодализма, до конца XIII века, рыцарство вело и решало все сражения. С этого момента дело меняется и притом в различных местах одновременно. Постепенное исчезновение крепостничества в Англии создало многочисленный класс свободных крестьян, землевладельцев (йоменов) или арендаторов — сырой материал для новой пехоты, умевшей владеть луком, английским национальным оружием того времени. Появление этих стрелков из лука, которые сражались всегда пешими, независимо от того, пользовались ли они во время переходов лошадьми или нет, послужило толчком к существенному изменению в тактике английского войска. Начиная с XIV века, английское рыцарство предпочитало сражаться в пешем строю там, где это допускала местность и прочие условия. Позади стрелков из лука, которые начинают сражение и вносят

расстройство в ряды врага, замкнутая фаланга спешившихся рыцарей выжидает вражеской атаки или подходящего момента для наступления, тогда как только часть рыцарей остается на конях, для того чтобы фланговыми атаками оказывать поддержку в решающий момент. Непрерывные победы англичан во Франции в то время в значительной степени были обусловлены как раз тем, что в войске восстановлен был элемент обороны. Сражения эти по большей части были оборонительными, сочетавшимися с наступательным ударом, подобно тому как Веллингтон действовал в Испании и Бельгии. С того времени как французы усвоили новую тактику, — повидимому, с тех пор как наемные итальянские арбалетчики заняли у них место английских стрелков из лука, — победам англичан был положен конец.

Точно так же в начале XIV века пехота фландрских городов отваживалась — и часто с успехом — выступать против французского рыцарства в открытом бою, а император Альбрехт своей попыткой предательски отдать свободных швейцарских крестьян в руки эрцгерцога австрийского, которым он сам же был, дал толчок к созданию современной пехоты, завоевавшей себе славу во всей Европе. В результате тех побед, которые одержали швейцарцы над австрийцами и в особенности над бургундцами, пехота нанесла окончательное поражение законным в железо рыцарям, конным или спешенным, — начатки современного войска разбили наголову феодальное войско, бюргеры и крестьяне победили рыцарей. И швейцарцы, для того чтобы с самого начала подтвердить буржуазный характер своей республики, первой независимой республики в Европе, сейчас же *обратили в деньги* свою военную славу. Все политические соображения исчезли; кантоны превратились в конторы по вербовке наемников для поступления на службу к тому, кто больше платит. И в других местах, особенно в Германии, повсюду раздавался треск барабанов вербовщиков; но цинизм швейцарского правительства, которое существовало как бы только для того, чтобы продавать своих подданных, не имел себе равного до тех пор, пока во времена глубочайшего национального унижения Германии его не превзошли немецкие князья.

Потом, в том же XIV веке, арабы через Испанию ввели в Европе употребление пороха и артиллерии. До конца средних веков ручное огнестрельное оружие не имело значения, что понятно, так как лук английского стрелка при Креси¹ стрелял так же далеко, как и гладкоствольное ружье пехотинца при

¹ При Креси (Северная Франция) в 1346 г. произошло одно из крупных сражений Столетней войны между Англией и Францией; сражение окончилось победой англичан, которая была достигнута главным образом благодаря искусству и стойкости стрелков из лука, навербованных из свободных крестьян. *Ред.*

Ватерлоо и, может быть, еще более метко, хотя и не с одинаковой силой действия. Полевые орудия также находились еще в своем младенческом состоянии; напротив, тяжелые пушки сделали уже много пробоин в стенах рыцарских замков и возвестили феодальному дворянству, что вместе с порохом пришел конец его царству.

Распространение книгопечатания, оживление изучения древней литературы, все культурное движение, которое с 1450 г. становится все более сильным, все более всеобщим, — все это послужило на пользу бюргерству и королевской власти в борьбе против феодализма.

Совместное действие всех этих причин, которое усиливалось из года в год вследствие их возрастающего взаимного влияния друг на друга, все больше ускорило развитие в одном и том же направлении, и это обеспечило во второй половине XV века победу над феодализмом, хотя и не бюргерства, но королевской власти. Повсюду в Европе, вплоть до отдаленных окраин, которые не прошли еще до конца через феодальный строй, повсюду королевская власть восторжествовала. На Пиренейском полуострове два тамошних племени, по языку романских, объединились в королевство Испанское, и говоривший по-вансальски Арагон подчинился настильскому литературному языку; третье племя объединило область (за исключением Галисии), в которой господствовал его язык, в королевство Португальское, в иберийскую Голландию; оно отделилось от центральной части страны и своей деятельностью на море доказало свое право на отдельное существование.

Во Франции Людовику XI после гибели бургундского промежуточного государства¹ удалось, наконец, на основе тогда еще очень урезанной французской территории, настолько восстановить национальное единство, представителем которого была королевская власть, что уже его преемник был в состоянии вмешаться в итальянские смуты, и единство это всего лишь однажды, вследствие реформации², на непродолжительное время было поставлено под вопрос.

¹ Бургундское герцогство распалось после смерти герцога Карла Смелого в 1477 г.; большая часть бургундских владений была присоединена к Французскому королевству, а остальная часть (Нидерланды и др.) досталась Габсбургам. *Ред.*

² Энгельс имеет в виду движение гугенотов — французских кальвинистов, сторонников религиозной реформации, под флагом которой во Франции во второй половине XVI в., помимо сепаратистски настроенных южных городов, против королевской власти выступила значительная часть феодального дворянства, недовольная абсолютизмом и стремившаяся возродить свои средневековые провинциальные «вольности». Движение гугенотов было сломлено в результате так называемых гугенотских (религиозных) войн (1562—1593 гг.), окончившихся укреплением королевской власти. *Ред.*

Англия прекратила, наконец, свои донкихотские завоевательные войны во Франции, в которых она, если бы они продолжались дольше, истекла бы кровью; феодальное дворянство попыталось вознаградить себя войнами Роз и получило больше, чем искало: оно было истреблено во взаимной междоусобице, и на королевский трон были возведены Тюдоры, которые могуществом своей власти превзошли и всех своих предшественников и всех своих наследников. Скандинавские страны были объединены уже давно. Польша, королевская власть которой еще не ослабела, со времени своего объединения с Литвой шла навстречу периоду своего блеска, и даже в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига, что было окончательно закреплено Иваном III. Во всей Европе оставались еще только две страны, в которых не было ни королевской власти, ни без нее тогда немыслимого национального единства, или они существовали только на бумаге: этими странами были Италия и Германия.

К «КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ»¹

Реформация — лютеранская и кальвинистская — это буржуазная революция № 1 с крестьянской войной в качестве критического эпизода. Разложение феодализма, а также развитие городов — оба {процесса}² вызывали децентрализацию, отсюда возникла прямая необходимость в абсолютной монархии как в силе, скрепляющей национальности. Она *должна была* быть абсолютной именно вследствие центробежного характера всех элементов. Но ее абсолютистский характер нужно понимать не в вульгарном смысле; {она развивалась} в постоянной борьбе то с сословным представительством, то с мятежными феодалами и городами; сословия нигде не были ею упразднены; таким образом, ее следует обозначать скорее как *сословную монархию* (как все еще феодальную монархию периода разложения феодализма и в зародыше буржуазную).

Революция № 1, — которая была более европейской, чем английская, и распространилась в Европе гораздо быстрее, чем французская, — победила в Швейцарии, Голландии,

¹ Данный рукописный отрывок был опубликован в 1948 г. в «Архиве Маркса и Энгельса», т. X, под редакционным заглавием «О реформации и крестьянской войне в Германии». *Ред.*

² Пояснительный текст в фигурных скобках принадлежит редакции. *Ред.*

Шотландии, Англии, а также в известной мере в Швеции (уже при Густаве Ваза) и в Дании — здесь, в ортодоксально-абсолютистской форме, только в 1660 году.

I¹. Причины в Германии. История Германии от начала. После героических времен переселения народов Германии пришел конец. Только от Франции исходило ее возрождение благодаря Карлу Великому. Вместе с этим — идея римской империи. Вновь вызвана к жизни Оттоном. Она — в большей мере *ненемецкая*, чем *немецкая*. Разорение Германии при Гогенштауфенах в результате подобной политики — грабежа итальянских городов. Вследствие этого усиливается раздробленность, не говоря уже о случаях мятежей. Развитие Германии в период от «междоцарствия»² до XV века. Расцвет городов. Упадок никогда не достигавшей в Германии полного развития феодальной системы под давлением князей (император в качестве владетельного князя — *противник* имперских рыцарей, но как император — их *сторонник*). Постепенное освобождение крестьян, прерванное реакцией в XV веке. В экономическом отношении Германия вполне на уровне современных ей стран. — Решающим явилось то, что в Германии, раздробленной на провинции и *избавленной на длительный срок от вторжений*, не ощущалось вследствие этого такой сильной потребности в национальном единстве, как во Франции (Столетняя война), в Испании, которая только что была отвоевана у мавров, в России, недавно изгнавшей татар, в Англии (война Роз). Решающим было также и то, что императоры как раз в это время были в таком жалком положении.

II. {Начало положено} эпохой Возрождения в том виде, какой Возрождение приняло в Европе, на основе всеобщего упадка феодализма и расцвета городов. Потом {возникновение} абсолютных национальных монархий — повсюду, за исключением Германии и Италии.

III. Характеристика реформации как единственно возможного и *популярного* выражения общих стремлений и т. д.

¹ Текст, обозначенный Энгельсом римской цифрой I, расположен в рукописи после текста, обозначенного цифрой II. *Ред.*

² *Междоцарствие* — последовавший после прекращения династии Гогенштауфенов (1254) и продолжавшийся до 1273 г. период борьбы за императорскую корону между различными претендентами. Этот период отличался непрерывными смутами и распрями между князьями, рыцарями и городами. *Ред.*

ЗАМЕТКИ О ГЕРМАНИИ

1. ВВЕДЕНИЕ. 1500 — 1789

1. К концу XV века Германия становится все более раздробленной, центр ее — все более слабым, в то время как Франция и Англия уже более или менее централизованы и нации там уже складываются. В Германии это невозможно, потому что: 1) феодализм развился здесь позднее, чем в странах, переживших завоевание¹; 2) Германия имела в своем составе французские и славянские области и рассматривала Италию как свое достояние, а Рим как свой центр, — таким образом, не являлась национальным комплексом; 3) потому что — и в этом главное — отдельные провинции, а также обособленные группы провинций были еще совершенно изолированы друг от друга: никаких сношений между ними и т. д. (ср. крестьянскую войну). Ганза, Рейнский союз городов и Швабский союз городов² были представителями естественно сложившихся, но разобщенных группировок.

К пункту 1. Испания, Франция, Англия в конце XV века сплачиваются в национально оформленные государства. Эта консолидация имела для XV века всемирно-историческое значение. (В Испании — объединение каталонской и кастильской национальностей, в Португалии — иберийской. Голландия завоевала себе право на самостоятельное существование благодаря развитию мореплавания, Франция — благодаря династической власти, которая постепенно втягивала нацию в свою орбиту. Англия консолидировалась в результате войны Роз, истребившей высшую знать. И в Англии это произошло лишь после того как ее заставили отказаться от донкихотских завоевательных планов во Франции, — подобных римским походам немцев, — иначе она оказалась бы совершенно обескровленной, так же как Германия в результате ее римских походов.) — Германия, несмотря на отсутствие экономических связей, была бы также централизована, и даже еще раньше (например, при Оттонах), если бы, во-первых, римский императорский титул и связанные с ним притязания на мировое господство не сделали невозможным конституирование национального

¹ Речь идет о странах Западной Европы, входивших в состав Римской империи и подвергшихся завоеванию германскими племенами в период так называемого великого переселения народов (III—VI вв. н. э.). *Ред.*

² Швабский и Рейнский союзы городов Южной и Западной Германии образовались в 70-х годах XIV в. с целью охраны торговых путей и защиты от нападений феодалов. В конце XIV в. эти непрочные городские объединения распались. *Ред.*

государства и не привели к растрате сил в итальянских завоевательных походах (отголоски в Австрии вплоть до 1866 г.), — при этом общегерманские интересы все время предательски нарушались. Во-вторых, этому помешала система свободного избрания императора: она не только не допускала, чтобы династическая императорская власть сделалась воплощением нации, но и постоянно приводила — особенно в решающем XV веке — к смене династии, как только власть императорского дома начинала казаться князьям чрезмерно великой. — Во Франции и Испании тоже существовала экономическая раздробленность, но там она была преодолена с помощью насилия.

«Культуркампф» императора против папы¹ в средние века привел к раздроблению в Германии и Италии (в Италии папская власть — препятствие национальному единству и в то же время она выступала, часто только для видимости, в роли его представителя, однако вела она себя так, что Данте, например, все же видел спасителя Италии в чужеземце-императоре). Уже с 1500 г. папа в качестве князя средней руки расположился в центре Италии и сделал ее объединение практически неосуществимым.

2. И все-таки — в результате естественного развития торговли, германизации {полабских} славян, а также утраты французских областей² и Италии — Германия могла бы срастись воедино, так как пути мировой торговли проходили через нее. Но к этому времени произошли два решающих события:

1) Немецкое бюргерство совершило свою революцию, которая, сообразно духу времени, проявилась в религиозной форме — в виде реформации. Но как паршиво! Без имперского рыцарства и крестьянства ее невозможно было осуществить. Но препятствовали противоречия между интересами всех трех сословий: рыцари — угнетатели крестьян и часто (например, Мангольд фон Эберштейн) грабители городов, которые, в свою очередь, драли с крестьян три шкуры (городской совет Ульма и крестьяне!). Первыми восстали имперские рыцари, но, покинутые бюргерами, они терпят полное поражение. За ними поднимаются крестьяне, но бюргеры *прямо выступают против них*. Вместе с этим бюргерская религиозная революция была в такой мере кастрирована, что она пришлась по нраву *князьям*, к которым и перешла руководящая роль. — Специфический богословско-

¹ Называя иронически борьбу средневековых германских императоров с папами «культуркампом», Энгельс намекает на вошедший в историю под этим именем конфликт правительства Бисмарка с папой и католическими кругами в 1872—1879 годах. *Ред.*

² Имеются в виду Франш-Конте и французская Лотарингия, входившие первоначально в состав средневековой Германской империи и отошедшие впоследствии к Франции. *Ред.*

теоретический характер немецкой революции XVI века. Преимущественный интерес к вещам не от мира сего. Отвлечение от убогой действительности — основа позднейшего превосходства немцев в теории, от Лейбница до Гегеля.

2) Пути мировой торговли отодвигаются в сторону от Германии, и она оказывается втиснутой в какой-то изолированный угол. В результате была подорвана сила бюргеров, а также и реформации.

3) В итоге — *cuius regio, eius religio*¹ и фактический распад Германии на преимущественно протестантский север, на католический по преимуществу, однако, весьма пестро перемешанный юго-запад и на сплошь католический юго-восток. В этом уже истоки порочного развития 1740—1870 гг. (Пруссия, раскол между севером и югом, наконец, Малая Германия² и Австрия). Противоположный процесс во Франции. Подавление гугенотов (см. «Заметки», стр. 2³).

3. Германия, оказавшись обреченной на пассивность и регресс в своей промышленной жизни, должна была подвергнуться влияниям меняющихся политических обстоятельств гораздо в большей степени, чем активные и передовые в промышленном отношении страны (развить это положение в общем виде). Раскол на два лагеря поставил междоусобную войну в порядок дня. Перечень войн до 1648 г. — сплошная междоусобная война. Французы пользуются случаем. Союз их с *протестантскими князьями*, услуги которых они *оплачивают* и у которых они *вербуют* немецкие наемные войска. Своей наивысшей точки это достигает в Тридцатилетнюю войну (во время Тридцатилетней войны ирландцы в Германии, немцы в Ирландии — в 1693 и 1806 гг.⁴). Характеристика опустошения. Экономические, социальные, политические результаты: уступки в пользу Франции; водворение Швеции и Дании в Германии; право на вмешательство держав-гарантов; полный упадок центральной власти; право на мятеж против императора, междоусобную войну и измену отечеству, *гарантированное князьям Европой*.

¹ — «чья страна, того и вера» (*лат.*) — принцип, положенный в основу Аугсбургского религиозного мира 1555 г. (см. примечание к стр. 40). *Ред.*

² «Малая Германия» — так называлась программа объединения германских государств «сверху» под главенством Пруссии, получившая с 30-х годов XIX века распространение среди пруссофильских кругов немецкой буржуазии. Эта программа, предполагавшая исключение Австрии из Германского союза, была в общих чертах осуществлена Бисмарком в 1866—1871 годах. *Ред.*

³ См. фрагмент из второй рукописи «Заметок о Германии», стр. 171—172 настоящего издания. *Ред.*

⁴ Энгельс имеет в виду использование немецких наемных войск англичанами для полицейской службы в Ирландии и подавления ирландского национально-освободительного движения. *Ред.*

4. 1648—1789 годы.

а. Политическое положение Германии. Немецкие князья наживаются на Вестфальском мире, соревнуясь между собой в том, кто выгоднее продаст себя за границей. Франция пользуется слабостью Германии, для того чтобы постепенно отобрать у нее все французские владения и округлить границы Эльзаса (слабостью Германии пользуется и Турция). Историческое право Франции и вой, поднятый тевтонами по поводу «разбоя»¹. Языковая граница остается неизменной, приблизительно с 1000 года, за исключением левовогезских районов (см. Менке²). Это как общее. В частности же отметить появление на севере государства, конкурирующего с Австрией и империей, — возвышение Пруссии. Начинает сказываться распадение на север и юг. Критика прусской истории. Фридрих II. — Возвышение России и зависимость Фридриха II от русской политики. Междоусобные войны — это теперь войны между соперниками: Австрией и Пруссией.

б. *Об экономическом положении.* При всем том — медленное избавление от последствий Тридцатилетней войны и попытки бюргерства снова вскарабкаться наверх. В тех условиях оно могло достигнуть нового подъема, только обладая весьма *постыдными* добродетелями. Экономический прогресс стал осуществим теперь лишь в результате политической интервенции, в результате позорного поведения князей и денежных подачек, которые они получали из-за границы. Все это показывает, насколько Германия была экономически унижена. Данный период — источник патриархального режима. После 1648 г. государство действительно призвано к выполнению социальных функций и принуждено к этому финансовыми затруднениями. Там, где этого не делалось, — застой (вестфальские епископства). Какая степень унижения! И как ничтожна эта государственная помощь! Отношение к мировому рынку чисто пассивное. Только в качестве *нейтральной стороны* германские государства могли кое-чем поживиться в больших мировых войнах (американская и революционные войны до 1801 г.) — напротив, полное бессилие перед лицом разбой-

¹ Энгельс имеет в виду притязания немецких шовинистов на Эльзас и Лотарингию под предлогом якобы «исторических» прав средневековой Германской империи на эти области. Маркс и Энгельс постоянно подчеркивали, что исторические судьбы Эльзаса, перешедшего к французам во время Тридцатилетней войны, и Лотарингии, окончательно присоединенной ими в 1766 г., неразрывно связаны с Францией еще со времени французской буржуазной революции 1789—1794 гг., и резко осуждали правительство Бисмарка за аннексию этих областей в 1871 году (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 488—491). *Ред.*

² Имеется в виду «Учебный атлас по истории средних веков и нового времени» Шпрунера-Менке (см. примечание к стр. 156). *Ред.*

ничьих государств (с этим постыдным положением Германии в Европе было покончено благодаря французской революции).

с. Литература и язык в полном упадке; окостенелая догматика теологии; в области других наук Германия переживала полнейшую деградацию, однако есть все же и проблески света; Якоб Бёме (новый предвестник грядущих философов), Кеплер, Лейбниц. Вновь абстрагирование от существующего, действительного. *Бах.*

d. Положение Германии в 1789 году. а) Сельское хозяйство — положение крестьян. Крепостная зависимость, телесные наказания, оброк. б) Промышленность — прямо в нищенском состоянии, преобладает ручной труд. В Англии — уже начало крупной промышленности, между тем как немецкая промышленность, не успев как следует развиться, оказалась обреченной на гибель. с) Пассивный торговый баланс. d) Общественное положение бюргера по отношению к дворянству и правительству. — е) Политические препятствия развитию — раздробленность; описание по Менке. Торговые пошлины, преграды для речного судоходства. Свобода торговли втиснута в рамки внутренних границ в силу распыленности. Пошлины — это главным образом городские налоги на предметы потребления.

Немецкие князья, не способные на что-либо хорошее, даже когда они просвещены, как, например, покровители Шубарта¹ и Карл-Август, с гораздо большей охотой готовы присоединиться к Рейнскому союзу, чем отважиться на войну. Доказательством служит вторжение 1806 г., когда нож был приставлен им к горлу. И вритом каждый из этих 1000 князей — абсолютный монарх; это — грубые, невежественные негодяи, от которых нечего ждать совместных действий. Прихотей — сколько угодно (Шлёцер). Торговля рекрутами во время американской войны. По наиболее позорное их преступление — *самый факт их существования.* А рядом с ними, у восточной границы — Пруссия на севере, Австрия на юге, жадно протягивающие руки к новым территориям. Это — единственные государства, которые могли бы еще спасти положение, если бы из них обоих существовало только одно. Но неизбежная конкуренция между ними устраняла возможность всякого выхода. Настоящий тупик. Помощь могла прийти только извне — ее принесла французская революция. Признаки жизни только в двух областях: в военном искусстве и, с другой стороны, — в литературе, в философии и добросовестном, объективном

¹ Энгельс имеет в виду некоторых немецких князей (герцогов Леопольда Дассау, Эриста-Фридриха Кобургского и др.), покровительствовавших немецкому агроному XVIII века Шубарту и применявших в своих имениях его агрономические методы. *Ред.*

научном исследовании. В то время как во Франции уже в XVIII веке преобладают публицисты, и притом публицисты первого ранга, — в Германии все сводится к бегству из действительности в идеальные сферы. Идея «Человека» и развитие языка; в 1700 г. — еще варварство, 1750 г. — Лессинг и Кант, а вскоре затем — Гёте, Шиллер, Виланд, Гердер; Глюк, Гендель, Моцарт.

1789—1815

1. Немецкие владения на территории Эльзас-Лотарингии¹ и т. д., уже наполовину подпавшие под владычество Франции, присоединились к французской революции — отсюда предлог к войне. Пруссия и Австрия *оказываются вдруг единоклюбыми*. Вальми. Крах линейной тактики, обусловленный массовым применением артиллерии. Флерюс и Жемапп. Крах австрийской тактики кордонов?² Завоевание левого берега Рейна. Ликование крестьян и свободолюбивых городов; омрачить его не могли даже отдельные проявления гнета и наполеоновский налог кровью. — Амьенский мир и имперская депутация. Главные результаты: упразднение Германской империи; Рейнский союз³. Наполеон выметает прочь мелкие германские государства, но чистка эта, к сожалению, далеко недостаточная. Он всегда играл революционную роль по отношению к князьям и пошел бы еще дальше, если бы мелкие князья так низко перед ним не пресмыкались. 1806 г. — ошибка Напо-

¹ Речь идет о владениях немецких имперских князей (преимущественно духовных) в Эльзасе и Лотарингии. После присоединения этих областей к Франции князья оказались вассалами одновременно и французского короля и германского императора. Французская буржуазная революция, распространившаяся на Эльзас и Лотарингию и провозглашавшая секуляризацию церковных владений, привела к конфликту этих князей с французским правительством. Обращение князей к империи явилось одним из поводов для вмешательства реакционных германских государств во внутренние дела Франции. *Ред.*

² При Вальми французская революционная армия одержала 20 сентября 1792 г. победу над прусскими войсками герцога Брауншвейгского. 6 ноября 1792 г. французы разгромили австрийскую армию при Жемаппе в Бельгии. 26 июня 1794 г. при Флерюсе, вблизи Шарлеруа, они нанесли поражение австрийским войскам герцога Кобургского. *Ред.*

³ Заключив непродолжительный мир с Австрией (в 1801 г. в Люневиле) и с Англией (в марте 1802 г. в Амьене), Наполеон осуществил задачу мелких владений духовных имперских князей и «вольных городов» своим немецким вассалам — более крупным светским князьям. Для этой цели в 1803 г. последними была сована особая «имперская депутация». Окончательный удар средневековой Германской империи был нанесен Наполеоном в 1806 г., когда он — после возобновления войны с Австрией и новой победы над ней — образовал Рейнский союз 16 германских государств, официально порвавших с империей. Императорский титул и имперские учреждения вскоре были упразднены, а династия Габсбургов должна была довольствоваться титулом императоров австрийских. *Ред.*

леона в том, что он не уничтожил Пруссию до конца. Об экономическом положении Германии во время континентальной блокады ¹. — Эта полоса наиболее унижительной внешней зависимости совпадает с блестящим периодом в области литературы и философии и с наивысшим расцветом музыки в лице Бетховена.

ИЗ ВТОРОЙ РУКОПИСИ «ЗАМЕТОК О ГЕРМАНИИ» ²

Во время *гугенотских войн* авторитет королевской власти как представителя нации уже настолько велик, что *лишь* заключенные королем союзы с иностранцами и договоры о военной помощи принимаются всерьез и признаются общественным мнением. Все прочие лица в глазах последнего — неизменно мятежники и предатели. Всего яснее это обнаруживается после смерти Генриха III, когда Генриху IV удалось одержать окончательную победу только благодаря влиянию королевского титула.

Окончательное подавление протестантизма во Франции не было для нее несчастьем — свидетельство тому Бейль, Вольтер и Дидро. Но в то же время, если бы он оказался уничтоженным в Германии, — это причинило бы зло не только немцам, но также *и всему миру*. Германии была бы навязана католическая *форма* развития романских стран; поскольку же английская форма носила также полукатолический, полусредневековый характер (университеты и т. п. учебные заведения, средние школы — все это по существу протестантские монастыри), то в этом случае отпали бы все виды немецкого протестантского образования (домашнее воспитание, частные пансионы, проживающие вне университетских стен студенты, которые сами выбирают себе курс), и духовное развитие Европы сделалось бы бесконечно однообразным. Франция и Англия разрушили предрассудки *по существу*, Германия отделалась от их *формы*, от *шаблона*, и это обстоятельство является отчасти причиной

¹ *Континентальная блокада* — запрещение странам европейского континента всякой торговли с Англией, объявленное Наполеоном в 1806 году. Под нажимом Наполеона к блокаде должны были присоединиться все зависимые от Франции государства, в том числе Австрия и Пруссия. *Ред.*

² Вторая и третья рукописи, состоящие из отдельных фрагментов под общим заглавием «Заметки о Германии. 1789—1873», опубликованы вместе с первой рукописью в «Архиве Маркса и Энгельса», т. X. Здесь публикуется лишь один фрагмент, на который Энгельс ссылается в своей первой рукописи. *Ред.*

бесформенности всего немецкого, что вплоть до настоящего времени сопряжено еще с большими минусами, вроде деления на мелкие государства, но в отношении способности нации к развитию представляет огромное преимущество; только в будущем это даст свои зрелые плоды, когда будет преодолена и эта, сама по себе односторонняя стадия.

К тому же *немецкий протестантизм — единственная современная форма христианства, которая заслуживает критики*. Католицизм уже в XVIII веке стоял *ниже всякой критики* и был просто предметом *полемики* (что за ослы все-таки эти старокатолики! ¹); английскому протестантизму, распавшемуся на десяток сект, не было свойственно развитие теологии, разве только такое ее развитие, каждый этап которого фиксировался в виде основания новой секты. Только немец обладает теологией и в силу этого имеет объект для критики — исторической, филологической и философской. *Эта критика является продуктом Германии*, она была бы невозможна без немецкого протестантизма, и тем не менее она абсолютно необходима. С такой религией как христианство нельзя покончить *только с помощью насмешек и нападок*, ее нужно также *преодолеть научно*, т. е. путем *исторического объяснения*, а с этой задачей не в состоянии справиться даже естествознание.

¹ *Старокатолики* — группа немецких католических деятелей, протестовавших в 1871 г. против догмата о папской непогрешимости и объявивших себя сторонниками умеренной реформы католической церкви.
Ред.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Айльва Сuard* (Aylva Sjoerd) — предводитель восстания фризских крестьян в 1497 г. — 54.
- Альба* (Alba), *Фернандо Альварес де Толедо* (1507—1582) — испанский наместник Нидерландов; с исключительной жестокостью подавлял народное восстание во время нидерландской буржуазной революции конца XVI века. — 72.
- Альбрехт I* (1250—1308) — австрийский эрцгерцог; с 1298 г. германский император. — 161.
- Альбрехт III* (1443—1500) — герцог Саксонский; стоял во главе карательного войска, подавившего народное восстание в Нидерландах в 1491—1492 гг. и восстание фризских крестьян в 1497 г. — 54.
- Антон* (1489—1544) — герцог Лотарингский (1508—1544); организатор кровавой расправы с восставшими крестьянами Эльзаса в 1525 г.; один из противников реформации. — 101, 102.
- Арнольд Брешианский* (ок. 1100—1155) — итальянский средневековый реформатор, идеолог движения горожан против папы и духовных феодалов в Риме и других городах; казнен как еретик. — 34, 35.

Б

- Баденский* маркграф — см. Филипп I.
- Бакунин, Михаил Александрович* (1814—1876) — один из идеологов анархизма; будучи членом Международного Товарищества Рабочих, выступал как ярый враг марксизма и вел ожесточенную борьбу против руководимого Марксом Генерального Совета I Интернационала; на Гаагском конгрессе I Интернационала (1872) был исключен из его рядов. — 17.
- Бамбергский* епископ — см. Вейганд.
- Бантельганс* (Bantelhans) (Бантель, Ганс) — один из руководителей союза «Бедный Конрад» и крестьянского восстания в Вюртемберге и горных районах Швабии в 1514 г. — 60.
- Баторий* (Báthory), *Стефан* (ум. в 1535) — представитель крупного феодального рода в Трансильвании; командовал войском, посланным для подавления крестьянского восстания в Венгрии под предводительством Георгия Дожи в 1514 г. — 63, 64.
- Бах* (Bach), *Вальтер* — ландскнехт, примкнувший к восстанию южнонемецких крестьян в 1525 г.; один из предводителей

Вейтмосер (Weitmoser), *Эразм* — важничатый ремесленник из Гаштейна (архиепископство Зальцбургское), предводитель отряда зальцбургских рудокопов и крестьян во время восстания 1525 г. — 102.

Веллингтон (Wellington), *Артур Уэлсли*, герцог (1769—1852) — английский фельдмаршал и реакционный государственный деятель; главнокомандующий английской армии в период наполеоновских войн; премьер-министр (1828—1830), лидер консерваторов. — 161.

Вельзеры — фамилия аугсбургских купцов и банкиров; в XV и XVI вв. владели металлургическими и другими промыслами в Южной Германии и занимались торгово-ростовщическими операциями крупного масштаба, будучи кредиторами многих европейских монархов. — 72.

Вез (Wehe), *Якоб* (ум. в 1525) — пастор из Лейпгейма, последователь Мюнцера; в 1525 г. один из руководителей лейпгеймского крестьянского отряда, казненный после его разгрома. — 50, 74, 78, 83, 84.

Виклеф (Wycliffe), *Джон* (ок. 1320—1384) — английский религиозный реформатор; боролся за создание независимой от Рима английской церкви и за реформу католицизма; выступал против продажи индульгенций; католической церковью был объявлен еретиком. — 35, 36.

Виланд (Wieland), *Кристоф Мартин* (1733—1813) — немецкий поэт, один из классиков немецкой литературы. — 170.

Вильгельм (ок. 1470—1541) — епископ Страсбургский (1506—1541); в 1525 г. участвовал в подавлении крестьянского восстания в архиепископстве Майнцском. — 92.

Вильгельм I (1797—1888) — прусский король (1861—1888) и германский император (1871—1888). — 149.

Вольтер (Voltaire), *Франсуа Мари* (Аруз) (1694—1778) — видней-

ший французский просветитель XVIII в.; философ-деист, публицист, поэт, драматург и историк. — 171.

Вольф (Wolff), *Вильгельм* (1809—1864) — выдающийся немецкий пролетарский революционер, член ЦК Союза коммунистов, член редакции «Новой Рейнской Газеты»; ученик, соратник и близкий друг Маркса и Энгельса. — 130, 138, 139.

Вюрцбургский епископ — см. Конрад III.

Г

Гансен (Hanssen), *Георг* (1809—1894) — немецкий буржуазный экономист и статистик; автор ряда работ по истории аграрного строя Германии. — 149.

Гегель (Hegel), *Георг Вильгельм Фридрих* (1770—1831) — немецкий философ-идеалист, диалектик. — 16, 45, 167.

Гейер (Geier), *Флориан* (ум. в 1525) — немецкий рыцарь, перешедший на сторону восставших в 1525 г. крестьян; командовал «Черным отрядом»; погиб в бою. — 78, 79, 80, 88, 90, 91.

Гейсмайер (Geismaier), *Михаэль* (ум. ок. 1527) — один из наиболее деятельных и талантливых предводителей крестьянского восстания в Тироле и епископстве Зальцбургском; сын рудокопа, секретарь епископа Зальцбургского, потом таможенный чиновник, перешедший на сторону восставших крестьян; блестяще руководил военными действиями повстанческого войска в 1525 и 1526 гг. — 103, 104, 105.

Гельфенштейн (Helfenstein), *Людвиг*, граф (ок. 1498—1525) — австрийский наместник в Вейнсберге (Вюртемберг), известный своим вероломством и жестокостью по отношению к крестьянам; был захвачен восставшими в 1525 г. крестьянами в плен и казнен. — 78, 79, 87.

Гендель (Händel), *Георг Фридрих* (1685—1759) — крупнейший немецкий композитор. — 170.

- Генрих III** (1551—1589) — король Франции (1574—1589), последний король из династии Валуа; был убит сторонником Католической лиги в разгаре войны между королевской, католической и гугенотской партиями во Франции. — 171.
- Генрих IV** (1553—1610) — король Франции (1589—1610), основатель династии Бурбонов; в период религиозных войн вождь гугенотов; приняв католичество ради признания своих прав на корону католиками-парижанами, положил конец религиозным смутам и упрочил королевскую власть. — 171.
- Георг** (1471—1539) — герцог Саксонский (1500—1539); один из организаторов расправы с восставшими крестьянами в Тюрингии в 1525 г. — 49.
- Гербер** (Gerber), *Тейс* — предводитель отряда штуртгарских горожан, примкнувшего в 1525 г. к вюртембергскому повстанческому отряду Фейербахера; после поражения крестьянского восстания в Вюртемберге бежал в Швейцарию. — 82, 86.
- Гербер** (Gerber), *Эразм* (ум. в 1525) — один из главных предводителей восставших эльзасских крестьян в 1525 г.; после поражения повстанцев под Цаберном был взят в плен и повешен. — 101.
- Гердер** (Herder), *Иоганн Готфрид* (1744—1803) — немецкий философ-идеалист, поэт, собиратель народных песен и литературный критик. — 170.
- Гессенский** ландграф — см. Филипп I.
- Гёте** (Goethe), *Иоганн Вольфганг* (1749—1832) — великий немецкий поэт. — 143, 170.
- Гец** — см. Берлихинген, Гец.
- Гиплер** (Hipler), *Вендель* (ум. в 1526) — немецкий дворянин, примкнувший в 1525 г. к крестьянскому восстанию во Франконии; главный автор «Хейльбронской программы», в которой предвосхитил идею буржуазного преобразования общественного строя Германии; после поражения крестьян бежал, но в 1526 г. был арестован и умер в тюрьме. — 77, 80, 86, 87, 88, 89.
- Глюк** (Glück), *Кристоф Вилибальд* (1714—1787) — крупнейший немецкий композитор; реформатор оперной музыки. — 170.
- Гоцецлоз**, графы — представители мелкого княжеского рода во Франконии. — 77, 78.
- Гогенштауфены** — династия германских императоров (1138—1254). — 164.
- Гребель** (Grebelt), *Конрад* — руководитель секты анабаптистов в Цюрихе, последователь Мюнцера; вел революционную агитацию в Южной Германии. — 50.
- Грейзель** (Greisel), *Флориан* — священник, активный участник крестьянской войны 1525 г. в Швабии; командовал нижнеальгауским отрядом и остатками разбитого Трухзессом в начале апреля 1525 г. бальтрингенского отряда; после заключения швабскими крестьянами капитулянтского Вейнгартенского договора скрылся в Швейцарию. — 84.
- Губмайер** (Hübmaier), *Бальтазар* (ум. в 1528) — священник в южногерманском городе Вальдсхуте, доктор богословия, последователь Мюнцера и проповедник народной реформации; был одним из вдохновителей восстания крестьян и горожан в Шварцвальде; сожжен на костре в 1528 г. — 50, 70.
- Гугель-Бастиян** (Gugel-Bastian) (ум. в 1514) — организатор крестьянского заговора в маркграфстве Баденском в 1514 г.; был обезглавлен в Фрейбурге. — 62.
- Гус** (Hus), *Ян* (ок. 1369—1415) — выдающийся чешский реформатор, профессор Пражского университета; своим выступлением против ряда догматов католицизма и вымогательств католического духовенства положил начало широкому освободительному движению в Чехии против немецких духовных и светских феодалов; Констанцским собором был обвинен в ереси и сожжен на костре. — 35,

Густав I Ваза (1496—1560) — король Швеции (1523—1560); в 1527 г. провел «королевскую реформуацию» (объявление короля главой церкви), конфисковывая церковные владения в пользу казны и дворянства. — 164.

Гуттен (Hutten), *Ульрих* (1488—1523) — немецкий гуманист, поэт; один из идеологов рыцарства и активный участник рыцарского восстания 1522—1523 гг. — 40, 67, 68, 69, 92, 143, 144, 145, 146.

Гуттен (Hutten), *Фровен* — двоюродный брат Ульриха Гуттена, придворный курфюрста Майнцского; в 1525 г. участвовал в подавлении крестьянского восстания. — 92.

Д

Данте Алигьери (Dante Alighieri) (1265—1321) — великий итальянский поэт, автор «Божественной комедии». — 166.

Дидро (Diderot), *Дени* (1713—1784) — французский философ-материалист, один из виднейших просветителей XVIII века. — 171.

Дитрихштейн (Dietrichstein), *Зигмунд* (1484—1540) — наместник Штирии, императорский военачальник в Штирии, Каринтии и Верхней Австрии; кровавый усмиритель крестьянского восстания в альпийских землях Австрии в 1515—1516 гг.; во время восстания 1525 г. был разбит повстанцами и попал к ним в плен; отпущен крестьянами на свободу после заключения ими договора с властями. — 64, 103.

Дожа (Dózsa), *Георгий* (ум. в 1514) — мелкопоместный дворянин из Секлерской области Трансильвании; предводитель крестьянского восстания в Венгрии в 1514 г.; был зверски замучен победившими дворянами. — 62, 63, 64.

Дожа (Dózsa), *Григорий* (ум. в 1514) — брат Георгия Дожи, участник крестьянского восстания в Венгрии в 1514 г.; был

захвачен в плен вместе с братом и казнен. — 63.

З

Зальцбургский архиепископ — см. Матвей.

Заполья (Zápolya), *Иоанн* (1487—1540) — трансильванский воевода; руководил подавлением крестьянского восстания в 1514 г. в Венгрии; в 1526 г. был провозглашен королем Венгрии. — 63, 64.

Зиккинген (Sickingen), *Франц* (1481—1523) — немецкий рыцарь, примкнувший к реформации; предводитель рыцарского восстания в 1522—1523 гг. — 40, 67, 69, 108, 143, 144, 145, 146, 147.

Зингерганс (Singerhans) (Зингер, Ганс) — вюртембергский крестьянин; один из руководителей союза «Бедный Конрад» и крестьянского восстания в Вюртемберге и горных районах Швабии в 1514 г. — 61.

Зульц (Sulz), *Рудольф*, граф — судья имперского суда в Ротвейле; владел Клетгау; один из организаторов расправы с восставшими крестьянами Южной Германии во время крестьянской войны 1525 г. — 93.

И

Иван III Васильевич (1440—1505) — великий князь Московский (с 1462), крупнейший русский государственный деятель; добился окончательного освобождения Руси от монголо-татарского ига и завершил в основном объединение русских земель вокруг Москвы в единое национальное государство. — 163.

Иоахим Калабрийский или *Иоахим Флорский* (ок. 1131—1202) — итальянский мистик, один из распространителей идей о «втором пришествии» Христа и «тысячелетнем царстве»; его учение было объявлено католической церковью еретическим. — 43.

Иоанн (1468—1532) — герцог Саксонский, с 1525 г. курфюрст

- Саксонский; один из преследователей Мюцера, организатор расправы с восставшими крестьянами в Тюрингии в 1525 г.; видный деятель княжеской реформации. — 47.
- Иосс* (Joss), *Фриц* (ум. ок. 1517) — выдающийся организатор крестьянских тайных союзов и заговоров в Южной Германии в начале XVI в.; участник заговора «Башмака» в епископстве Шпейерском в 1502 г.; основатель реорганизованного союза «Башмака» на верхнем Рейне и в Шварцвальде в 1512—1513 гг. с центром в Леэне (близ Фрейбурга); после раскрытия заговора бежал в Швейцарию; в 1517 г. сделал новую неудачную попытку поднять крестьянское восстание в Шварцвальде. — 57, 58, 59, 65, 146.
- К**
- Казимир* (1481—1527) — маркграф Бранденбург-Ансбахский, представитель франконской ветви рода Гогенцоллернов; организатор кровавой расправы с восставшими ансбахскими и ротенбургскими крестьянами и горожанами. — 88, 90, 91, 92.
- Кант* (Kant), *Иммануил* (1724—1804) — немецкий философ-идеалист. — 170.
- Карл Великий* (742—814) — король франков (768—814), затем император (с 800). — 120, 122, 136, 164.
- Карл-Август* (1757—1828) — великий герцог Саксен-Веймарский; принимал участие в походах реакционных германских государств против революционной Франции. — 169.
- Карл Смелый* (1433—1477) — герцог Бургундский; возглавлял борьбу французских крупных феодалов против короля Людовика XI; в войне с швейцарцами был в 1477 г. разбит наголову в битве при Нанси. — 158.
- Карл V Габсбург* (1500—1558) — король Испании (1516—1556) и германский император (1519—1556). — 31, 144, 145.
- Каролинги* — династия франкских королей (VIII—IX вв.). — 157.
- Каутский* (Kautsky), *Карл* (1854—1938) — один из теоретиков немецкой социал-демократии и II Интернационала; центрист; во время первой мировой войны социал-нацифист; ренегат и фальсификатор марксизма, ярый враг Советского Союза. — 151, 152.
- Кеплер* (Kepler), *Иоганн* (1571—1630) — немецкий астроном. — 169.
- Киндлингер* (Kindlinger), *Николаус* (1749—1819) — немецкий консервативный историк, автор вышедшей в 1818 г. работы «История крестьянской зависимости в Германии, в особенности так называемого крепостного права». — 148.
- Кнопф* из Луибаса — см. Шмидт, Йорг.
- Ковалевский, Максим Максимович* (1851—1916) — видный русский буржуазный социолог, историк и юрист; известен своими исследованиями первобытно-общинного строя. — 113.
- Конрад III* (1466—1540) — епископ Вюрцбургский (1519—1540); один из организаторов кровавой расправы с крестьянским восстанием и движением городских низов во Франконии в 1525 г. — 80, 91, 92.
- Л**
- Лаврентий* — см. Месарош, Лаврентий.
- Лампартер* (Lamparter), *Грегорус* (1463—1523) — советник герцога Ульриха Вюртембергского. — 61.
- Лассаль* (Lassalle), *Фердинанд* (1825—1864) — немецкий адвокат и публицист, примкнувший к рабочему движению; один из основателей Всеобщего германского рабочего союза; поддерживал политику объединения Германии «сверху», заигрывая с Бисмарком и реакционным юнкерством; положил начало оппортунистическому, враждебному марксизму направлению в

- германской социал-демократии. — 142, 143, 144, 145, 146, 147.
- Левенштейн*, графы — представители мелкого княжеского рода во Франконии. — 78.
- Лейбниц* (Leibniz), *Готфрид Вильгельм* (1646—1716) — немецкий философ-идеалист, математик и физик. — 167, 169.
- Леонхард* (Leonhardt), *Адольф* (1815—1880) — реакционный прусский государственный деятель, министр юстиции в период канцлерства Бисмарка. — 121.
- Лессинг* (Lessing), *Готхольд Эфраим* (1729—1781) — виднейший немецкий просветитель; драматург, литературный критик и искусствовед. — 170.
- Лимбургские*, графы — графский род во Франконии. — 80.
- Лорхер* (Lorcher) — советник герцога Ульриха Вюртембергского. — 61.
- Людовиг V* (1478—1544) — курфюрст Пфальцский (1508—1544); участвовал в подавлении рыцарского восстания 1522—1523 гг.; один из главных организаторов расправы с крестьянским восстанием во Франконии в 1525 г., участник карательного похода Трухзесса. — 62, 69, 79, 81, 86, 87, 90, 92.
- Людовик XI* (1423—1483) — король Франции (1461—1483); один из основателей французской абсолютной монархии; успешно боролся за объединение французских земель в единое королевство. — 22, 68, 162.
- Лютер* (Luther), *Мартин* (1483—1546) — немецкий религиозный реформатор, богослов и публицист, основатель лютеранской религии; во время крестьянской войны выступал как ярый враг восставших крестьян и плебеев, отражая настроения бюргерских кругов, перешедших на сторону князей. — 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 65, 66, 70.
- М**
- Магдебургский* архиепископ — см. Эрнст.
- Максимилиан I* (1459—1519) — австрийский эрцгерцог, с 1493 г. германский император. — 56, 64, 72.
- Мантейфель* (Manteuffel), *Отто Теодор* (1805—1882) — прусский государственный деятель, реакционер; министр внутренних дел в контрреволюционном министерстве Бранденбурга (1848—1850). — 139, 140.
- Мантель* (Mantel), *Йоганн* (ок. 1468—1530) — богослов, проповедник в Штутгарте, последователь Мюнцера. — 50.
- Маркс*, *Карл* (1818—1883). — 3, 4, 142, 147, 148, 149.
- Матвей* (ок. 1468—1540) — архиепископ Зальцбургский (с 1519); вдохновитель суровых преследований сторонников реформации и кровавых репрессий против восставших в 1525 г. крестьян и горожан в архиепископстве Зальцбургском. — 102, 104.
- Маурер* (Maurer), *Георг Людвиг* (1790—1872) — немецкий буржуазный историк, исследователь общественного строя древней и средневековой Германии. — 114, 147, 148, 149.
- Мейтцен* (Meitzen), *Август* (1822—1910) — немецкий буржуазный экономист и статистик. — 139, 141, 149.
- Меланхтон* (Melanchton), *Филипп* (1497—1560) — немецкий богослов, ближайший помощник Лютера; автор «Аугсбургского вероисповедания»; приспособил лютеранство к княжеским интересам. — 48.
- Менке* (Meinke), *Теодор Генрих* — немецкий картограф. — 156, 168, 169.
- Менцинген* (Menzingen), *Стефан* (ум. в 1525) — немецкий рыцарь; возглавил восстание ротенбургских мелких бюргеров и плебеев против патрициата; после занятия Ротенбурга войсками маркграфа Казимира Бранденбург-Ансбахского был казнен. — 77, 91, 92.
- Меринг* (Mehring), *Франц* (1846—1919) — немецкий социал-демократ, литературный критик и

- историк, один из руководителей левого крыла германской социал-демократии; впоследствии член союза «Спартак» и Коммунистической партии Германии. — 149, 150.
- Меровинги* — династия франкских королей (V—VIII вв.). — 122.
- Месарош* (Mészáros), *Лаврентий* (ум. в 1514) — священник в Цегледе, один из вождей крестьянского восстания в Венгрии в 1514 г.; был взят в плен венгерским дворянством и подвергнут зверской казни. — 63, 64.
- Мецлер* (Metzler), *Георг* — один из предводителей крестьянского восстания в Оденвальде (Франкония), а также один из начальников Лучезарно-светлого отряда; принадлежал к умеренной партии; после разгрома Лучезарно-светлого отряда под Кенигсхофеном бежал. — 77, 78, 79, 86, 89.
- Моцарт* (Mozart), *Вольфганг Амедей Готтлиб* (1756—1791) — великий австрийский композитор. — 170.
- Мюллер* (Müller), *Ганс* (ум. в 1525) — предводитель шварцвальдских крестьян в 1525 г.; начальник гегауского отряда, изменивший крестьянам; после разгрома восстания был казнен. — 70, 71, 73, 92, 93.
- Мюнцер* (Münzer), *Томас* (ок. 1490—1525) — великий немецкий плебейский революционер, проповедник народной реформации и революционного свержения господства князей, дворян и духовенства; высказал идеи уравнительного утопического коммунизма; в период крестьянской войны в Германии вождь городских низов и левого крыла восставших крестьян. — 3, 30, 34, 38, 41, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 56, 66, 70, 72, 86, 87, 95, 97, 98, 99, 103, 151.
- Н**
- Наполеон I Бонапарт* (1769—1821) — французский император (1804—1814 и 1815). — 127, 137, 170—171.
- Наполеон III* (1808—1873) — французский император (1852—1870). — 8.
- О**
- Оттон I* (912—973) — немецкий король (с 936), основатель и первый император (с 962) так называемой Священной римской империи. — 164.
- Оттоны* — немецкие короли и германские императоры Саксонской династии (936—1002). — 165.
- Оуэн* (Owen), *Роберт* (1771—1858) — великий английский социалист-утопист. — 17.
- П**
- Платон* (ок. 427—347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист. — 151.
- Праслер* (Prassler), *Каспар* — предводитель отрядов восставших крестьян и рудокопов в епископстве Зальцбургском в 1525 г. — 102.
- Прегицер* (Pregizer), *Каспар* — ножовщик в Шорндорфе (Вюртемберг), один из организаторов союза «Бедный Конрад»; участвовал в восстании крестьян и горожан в Вюртемберге в 1514 г.; после поражения восстания бежал. — 60.
- Пфальцский курфюрст* — см. Людвиг V.
- Пфейфер* (Pfeifer), *Генрих* (ум. в 1525) — один из руководителей восстания горожан в Мюльхаузене в 1525 г.; был казнен. — 95, 99.
- Р**
- Рабман* (Rabmann), *Франц* (ум. в 1525) — проповедник в Гриссене (Южная Германия); последователь Мюнцера и сторонник народной реформации; участвовал в восстаниях шварцвальдских и клетгауских крестьян и плебеев; после окончательного подавления крестьянского движения осенью 1525 г. был зверски замучен. — 50.
- Рихард* (1467—1531) — курфюрст и архиепископ Трирский (1511—

1531), ярый противник реформации; участвовал в подавлении восстания рыцарей в 1522—1523 гг. и крестьянского восстания 1525 г. — 69, 92, 144, 145.

Рорбах (Rohrbach), *Йеклейн* (ум. в 1525) — один из главных вожаков крестьянского восстания во Франкопии в 1525 г.; предводитель отряда некартальских крестьян; был сторонником решительных революционных действий и отличался непримиримостью к дворянам; по приказу Трухзесса был предан мучительной казни. — 77, 78, 79, 81, 82, 83, 86.

С

Саксонский курфюрст — см. Фридрих III.

Салереси (Szálerei), *Амбруш* — пештский горожанин, примкнувший к крестьянскому восстанию в Венгрии в 1514 г.; был назначен командиром одного из крестьянских отрядов, однако, вместе с группой участвовавших в восстании горожан предал повстанцев и перешел на сторону дворянства. — 63.

Сен-Симон (Saint-Simon), *Клод Анри* (1760—1825) — великий французский социалист-утопист. — 17.

Т

Тайлер (Tyler), *Уот* (ум. в 1381) — предводитель крестьянского восстания в Англии в 1381 г.; по профессии — кровельщик, был знаком с военным делом; предательски убит феодалами во время переговоров представителей восставших крестьян с королем Ричардом II. — 36.

Тацит Публий Корнелий (ок. 55 — ок. 120) — римский историк, автор описания древней Германии. — 116, 117.

Телеки (Teleki), *Иштван* (ум. в 1514) — королевский советник, позднее казначей в Венгрии; был убит повстанцами во время крестьянского восстания 1514 г. — 64.

Трирский архиепископ — см. Рихард.

Трухзесс (Truchsess), *Георг* (1488—1531) — командующий военными силами Швабского союза, главный усмиритель и палач крестьянского восстания в 1525 г. — 72, 74, 75, 78, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 93, 94, 95, 98, 99.

Тумб (Thumb), *Конрад* (1465—1525) — советник герцога Ульриха Вюртембергского. — 61.

Тунфельд (Thunfeld), *Куц* — немецкий рыцарь, вассал епископа Вюрцбургского; участник крестьянского заговора Ганса Бёхайма в Никласхаузене (епископство Вюрцбургское) в 1476 г. — 53, 54.

Тунфельд (Thunfeld), *Михаэль* — сын предыдущего; принимал участие в крестьянском заговоре Ганса Бёхайма в Никласхаузене (епископство Вюрцбургское) в 1476 г. — 53, 54.

Тюдоры — династия английских королей (1485—1603). — 163.

У

Ульрих (1487—1550) — герцог Вюртембергский (с 1498); подавил крестьянское восстание в Вюртемберге в 1514 г. (восстание «Белного Конрада»); в 1519 г. был изгнан из герцогства недовольными его политикой дворянами и бюргерами; пытался использовать крестьянское движение в 1525 г. для восстановления своей власти; в 1534 г. вновь утвердился на вюртембергском престоле. — 60, 61, 62, 73, 75.

Ф

Фейербахер (Feuerbacher), *Матери* — член городского совета и один из вождей бюргерской оппозиции в Гросс-Ботваре (Вюртемберг); в 1525 г. стоял во главе Светлого христианского отряда восставших вюртембергских крестьян и горожан, пользуясь своим влиянием для того,

- чтобы удержать восстание в умеренных рамках; после поражения повстанцев при Библингене бежал в Швейцарию. — 82, 85, 86.
- Фердинанд I* (1503—1564) — австрийский эрцгерцог, с 1556 г. германский император. — 72, 92, 94, 103, 104.
- Филипп I* (1479—1533) — маркграф Баденский; зверски расправился с участниками крестьянского заговора «Башмака» в 1513 г. и с инициаторами других попыток к восстанию; в 1525 г. участвовал в подавлении крестьянского восстания в Южной Германии. — 59, 62, 92.
- Филипп I* (1504—1567) — ландграф Гессенский; участвовал в подавлении рыцарского восстания 1522—1523 гг.; главный усмиритель крестьянского восстания в Тюрингии в 1525 г. — 69, 98, 100, 106.
- Флориан* — см. Грейзель, Флориан.
- Форнер* (Förner), *Антон* — второй бургомистр имперского города Нёрдлингена (Франкония); в 1525 г. примкнул к восставшим крестьянам и возглавил плебейскую партию в городе; глава нового магистрата, продержавшегося до поражения крестьянского восстания. — 77.
- Франциск I* (1494—1547) — король Франции (1515—1547). — 71.
- Фридрих II* (1712—1786) — король Пруссии (1740—1786). — 136, 138, 168.
- Фридрих III* (1463—1525) — курфюрст Саксонский (1486—1525); один из преследователей Мюнцера. — 39—40.
- Фридрих-Вильгельм* (1620—1688) — курфюрст Бранденбургский (с 1640). — 149.
- Фридрих-Вильгельм III* (1770—1840) — король Пруссии (1797—1840). — 136, 137.
- Фрундсберг* (Frundsberg), *Георг* (1473—1528) — командир немецких ландекнехтов, находившийся на службе у Швабского союза; в 1525—1526 гг. участвовал в подавлении крестьянского восстания в Швабии и архиепископстве Зальцбургском. — 94, 104.
- Фурье* (Fourier), *Франсуа Мари Шарль* (1772—1837) — великий французский социалист-утопист. — 17.

X

Хабери (Habern), *Вильгельм* — пфальцский маршал, военачальник курфюрста Людвига Пфальцского; участвовал в подавлении восстания рыцарей в 1522—1523 гг. и крестьянского восстания в Пфальце в 1525 г. — 81, 92.

Хоса (Hosszú), *Антон* — один из предводителей крестьянского восстания в Венгрии в 1514 г. — 64.

Ц

Цезарь Гай Юлий (100—44 до н. э.) — римский государственный деятель и полководец; основатель Римской империи; автор «Записок о Галльской войне», в которых описал также обычаи германских племен. — 114, 115, 116.

Циммерман (Zimmermann), *Вильгельм* (1807—1878) — немецкий мелкобуржуазный демократ, историк; сын ремесленника; пастор и преподаватель истории в Штутгарте; участник революции 1848 г., депутат Франкфуртского парламента, в котором примыкал к крайней левой фракции; автор «Истории крестьянской войны в Германии» и других работ. — 3, 4, 47, 51.

Ч

Чаки (Csáky), *Миклош* (ум. в 1514) — епископ Ченадский; был убит повстанцами во время крестьянского восстания в Венгрии в 1514 г. — 63.

Ш

Шанпелер (Scharpeler), *Кристоф* (1472—1551) — доктор богословия, последователь Мюнцера; возглавлял в 1524—1525 гг.

- плебейскую оппозицию в Меммингене (Верхняя Швабия); после неудавшейся попытки восстания городских низов в Меммингене бежал. — 50, 94.
- Шекспир** (Shakespeare), *Вильям* (1564—1616) — великий английский поэт и драматург. — 146.
- Шен** (Schön), *Ульрих* (ум. в 1525) — участник крестьянской войны 1525 г., один из предводителей лейпгеймского отряда восставших швабских крестьян; после разгрома отряда был взят в плен и казнен по приказу Трухзесса. — 74, 84.
- Шиллер** (Schiller), *Иоганн Кристоф Фридрих* (1759—1805) — великий немецкий поэт и драматург. — 146, 170.
- Шлйцер** (Schlözer), *Август Людвиг* (1735—1809) — немецкий консервативный историк, публицист и статистик. — 169.
- Шмидт** (Schmidt), *Йорг* (ум. в 1526) — известный под шуточной кличкой «Кнопф» (букв. — «деревенщина») крестьянин из Луйбаса (Верхняя Швабия); активный участник крестьянской войны 1525 г. и один из предводителей альгауского отряда; после поражения отряда бежал, но был схвачен, подвергнут пыткам и казнен. — 94, 95.
- Шмидт** (Schmidt), *Ульрих* — кузнец, предводитель бальтрингенского отряда восставших швабских крестьян в 1525 г. — 73.
- Шнейдер** (Schneider), *Георг* — бывший капитан ландскнехтов на французской службе; участвовал в заговоре «Башмака» и в подготовке неудавшегося крестьянского восстания на верхнем Рейне в 1513 г. — 58.
- Шпет** (Spät), *Дитрих* (ум. в 1536) — немецкий дворянин; начальник отряда, входившего в карательную армию Трухзесса, участник подавления крестьянского восстания в 1525 г. — 83, 85, 88.
- Шпрунер** (Spruner), *Карл* (1803—1892) — немецкий историк и картограф. — 156.
- Шторх** (Storch), *Никлас* — ткач из Цвиккау, глава секты анабаптистов; под влиянием Мюнцера сделался проповедником народного восстания против духовных и светских феодалов. — 43.
- Штоффель** (Stoffel) (из Фрейбурга) — один из организаторов крестьянского заговора «Башмака» на верхнем Рейне и в Шварцвальде в 1513 г.; после раскрытия заговора скрылся. — 58.
- Шубарт** (Schubart), *Иоганн Христиан* (1734—1787) — немецкий агроном. — 169.

Э

- Эберштейн** (Eberstein), *Мангольд* (ум. в 1517) — представитель франконской ветви дворянского рода Эберштейнов. — 160.
- Эйзенхут** (Eisenhut), *Антон* (ум. в 1525) — священник в Эппингене (курфюршество Пфальцское); предводитель местного восстания крестьян и горожан в период крестьянской войны 1525 г.; был взят в плен во время карательного похода Трухзесса и казнен. — 86.
- Эйтель** (Eitel), *Ганс* — предводитель приозерного отряда (Швабия) во время крестьянской войны 1525 г.; подписал капитулянтский Вейнгартенский договор с Трухзессом, распустил затем свой отряд. — 74.
- Эрнст** (1464—1513) — архиепископ Магдебургский (1476—1513). — 43.

СОДЕРЖАНИЕ

От Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б).....	V
Ф. ЭНГЕЛЬС. КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ	
Предисловие	3
I	20
II	32
III	51
IV	65
V	70
VI	95
VII	105
П Р И Л О Ж Е Н И Я	
I. Ф. ЭНГЕЛЬС. МАРКА	113
II. Ф. ЭНГЕЛЬС. К ИСТОРИИ ПРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА.....	130
III. ИЗ ПИСЕМ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА	142
К. Маркс — Ф. Энгельсу, 16 апреля 1856 г.	142
К. Маркс — Ф. Лассалю, 19 апреля 1859 г.	142
Ф. Энгельс — Ф. Лассалю, 18 мая 1859 г.	145
Ф. Энгельс — К. Марксу, 15 декабря 1882 г.	147
Ф. Энгельс — К. Марксу, 16 декабря 1882 г.	148
Ф. Энгельс — Ф. Мерингу, 14 июля 1893 г.	149
Ф. Энгельс — К. Каутскому, 21 мая 1895 г.	151
IV. ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА Ф. ЭНГЕЛЬСА	153
О разложении феодализма и возникновении национальных государств	153
К «Крестьянской войне»	163
Заметки о Германии	165
Из второй рукописи «Заметок о Германии»	171
У К А З А Т Е Л Ь И М Е Н	173
» К А Р Т Ы (отдельное приложение)	

Ф. ЭНГЕЛЬС
КРЕСТЬЯНСКАЯ
ВОЙНА
В
ГЕРМАНИИ

*

КАРТЫ

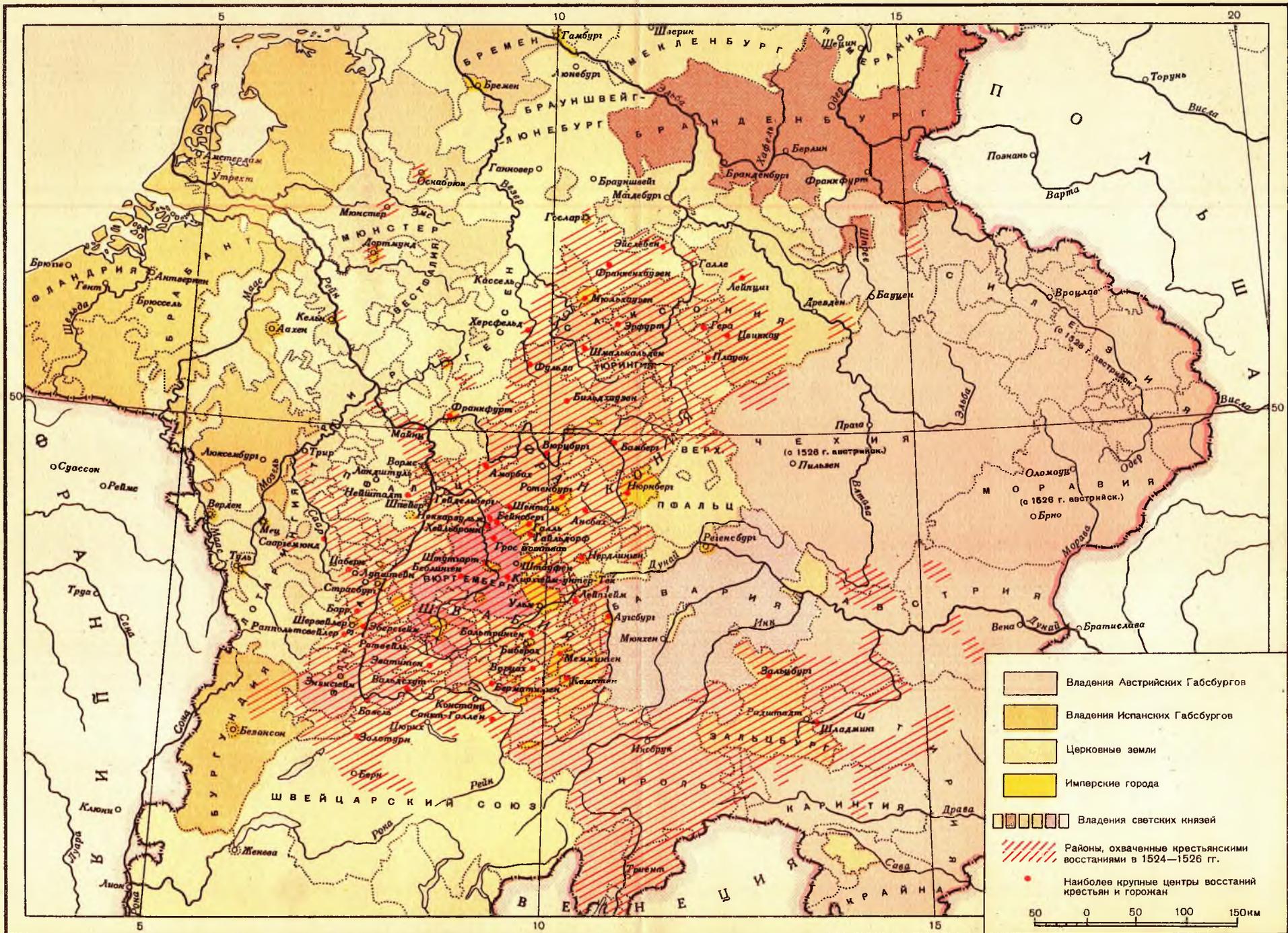
СПИСОК КАРТ

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ

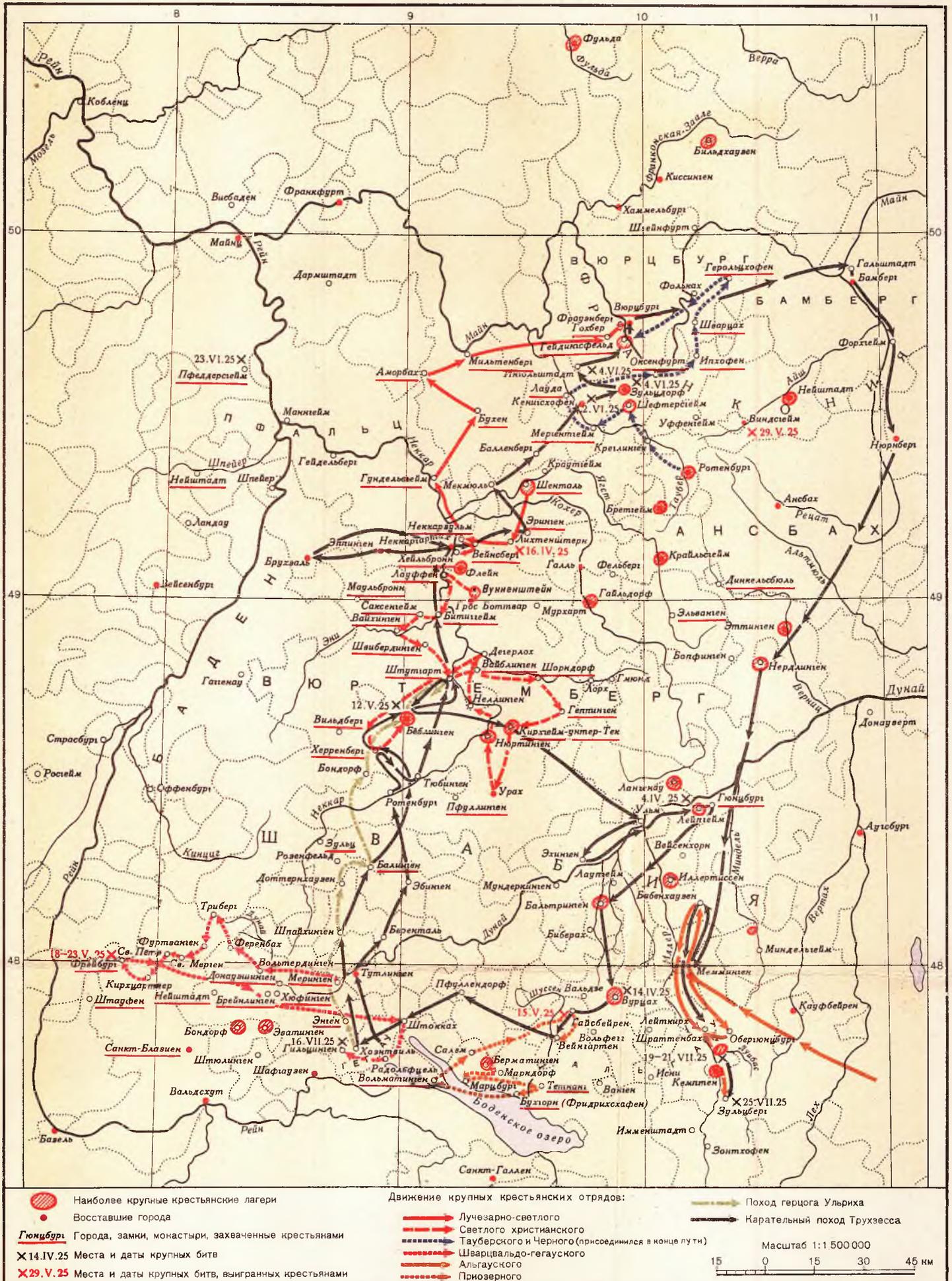
КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ШВАБСКОМ И
ФРАНКОНСКОМ РАЙОНАХ (1525 г.)

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ТЮРИНГО-САК-
СОНСКОМ РАЙОНЕ (1525 г.)

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ШВАБСКОМ И ФРАНКОНСКОМ РАЙОНАХ (1525 г.)

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ТЮРИНГО-САКСОНСКОМ РАЙОНЕ (1525 г.)

